

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1974

Строительная вертикаль.

Петр Белоус, Владимир Кирпичев и Юрий Кузнецов — монтажники мостоотряда № 35.

ПЕР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 8 (2433)

16 ФЕВРАЛЯ 1974

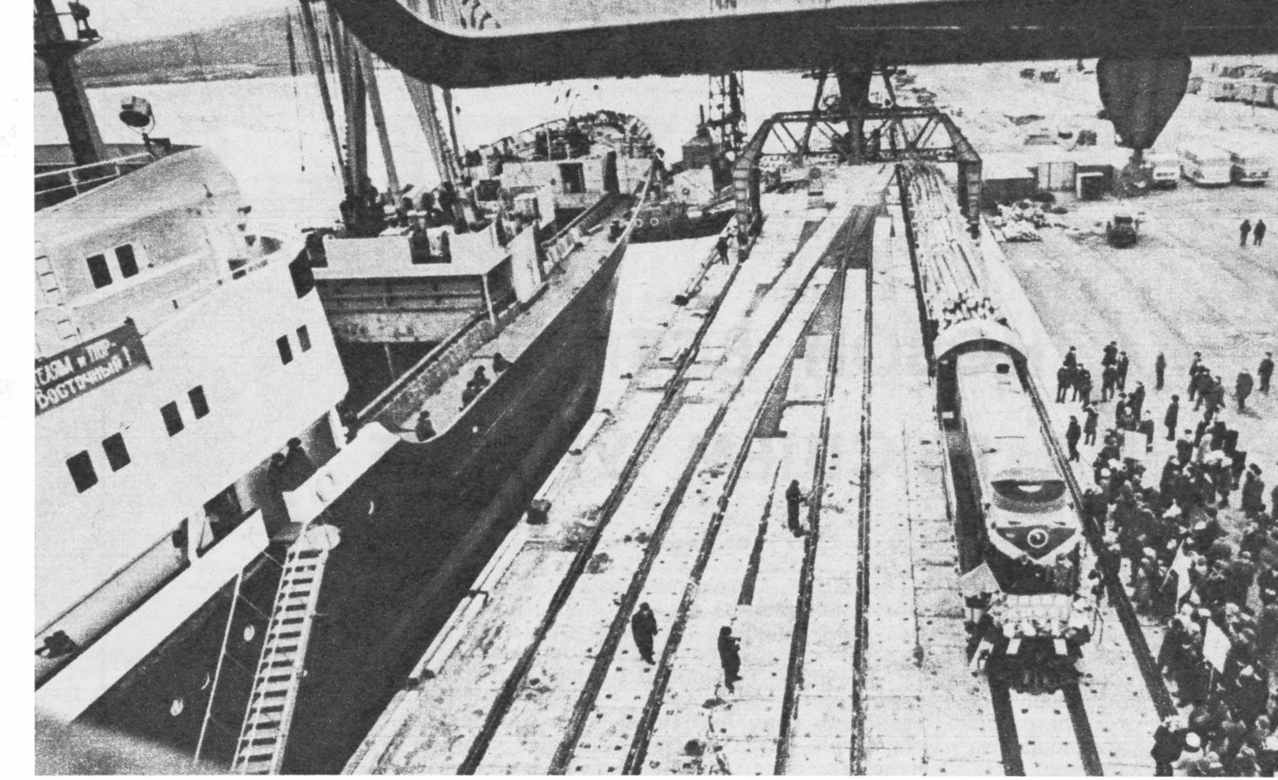
Фоторепортаж

В. КУЗНЕЦОВА

Бухта Врангеля. 1970 год.

Порт Восточный открыт!

ВЫЙ ПРИЧАЛ

Каким бы ни был дом, он начинается с первого камня. Самая большая дорога — с первой тропы. А порт начинается с первого причала.

Помню, еще три года назад стоял я на пустынном берегу бухты Врангеля и был потрясен неправдоподобной тишиной этой уютной круглой бухты. Совсем неподалеку отсюда лежал большой порт — Находка, один из крупнейших в стране. Но было ясно, что он уже не может обеспечить нужды быстро развивающегося морского флота страны. А здесь, в этой тихой бухте, должно было вскоре завершиться сооружение первой очереди нового, Восточного порта, крупного, механизированного, глубоководного. Так записал в своих Директивах XXIV съезд КПСС.

И вот спустя три года я поднимаюсь на уже установленный на причале портальный кран. Его экипажу— Петру Ларионову и Николаю Мельникову — доверено открыть порт.

Сегодня тут все впервые: швартуется **первый** теплоход — это «Шадринск»; на причал подается **первый** железнодорожный состав. И не случайно разрезать красную ленточку на его пути доверено одному из **первых** строителей, Александру Рапопорту. Он приехал сюда в самом начале стройки по комсомольской путевке. Кран подхватывает **первый** строп леса и опускает его в трюм судна. Трудовые будни порта начались. Впереди еще много работы, нужно уложить сотни тысяч кубов бетона, «населить» причалы десятками могучих кранов,— уже с вводом первой очереди нового порта он превзойдет Находку своими масштабами и возможностями. Здесь можно будет обслуживать суда водоизмещением более ста тысяч тонн. В новом порту вырастут механизированные угольные комплексы, специализированный участок погрузки технологической древесной щепы, контейнерная служба...

Порт начинается с первого причала... С открытием тебя, Восточный!

Путь к причалу.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

К НОВОЙ ВСТРЕЧЕ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

Сергей ЛОСЕВ

Развивая связи с США, Советский Союз неизменно исходит из того, что разрядка напряженности является не какой-то передышкой перед новым раундом конфронтации и гонки вооружений, а долговременным курсом, соответствующим кровным интересам советского и американского народов, всех социалистических государств, народов, ведущих национально-освободительную борьбу, и трудящихся капиталистических стран.

Благотворное влияние нормализации советско-американских отношений на укрепление международной безопасности бесспорно. Трудно себе представить, например, чем кончился бы прошлогодний октябрьский кризис на Ближнем Востоке, если бы он возник, скажем, в прежних условиях крайней напряженности и противоборства между Соединенными Штатами и СССР. Между тем атмосфера разрядки не только помогла предотвратить расширение опасной войны и в соответствии с пожеланиями непосредственно вовлеченных в нее сторон прекратить огонь на Ближнем Востоке, но и позволила впервые за четверть века начать переговоры о мирном политическом урегулировании арабо-израильского конфликта.

Сохранилась и получила свое дальнейшее развитие практика регулярных двусторонних политических консультаций. С 3 по 5 февраля в Вашингтоне по приглашению правительства США находился член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. В беседах А. А. Громыко с Р. Никсоном и государственным секретарем Г. Киссинджером, как и в ходе октябрьского визита Киссинджера в Москву, особое внимание было уделено Ближнему Востоку. СССР и США придают важное значение необходимости мирного ближневосточного урегулирования и продвижению вперед к этой цели в рамках Женевской мирной конференции.

В условиях энергетического кризиса западные державы ничуть не меньше арабских государств и СССР должны быть заинтересованы в достижении урегулирования. «Если ничего не будет сделано, то нынешний энергетический кризис может привести к депрессии во всем мире»,— предостерегает Д. Рокфеллер, председатель правления «Чейз Манхэттен бэнк», только что возвратившийся из длительной поездки по Ближнему Востоку. Ослабление нефтяного голода зависит теперь от успеха Женевской конференции, и дальнейшая затяжка ее работы, попытки сохранить израильскую оккупацию, подорвать дружбу СССР с арабским Востоком повредят в первую голову инициаторам такой политики.

При обмене мнениями советского министра иностранных дел А. А. Громыко с Р. Никсоном и Г. Киссинджером по другим международным проблемам стороны согласились, что Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе должно быть завершено по возможности скорее. Совещание уже в этом году, если все его участники проявят добрую волю, могло бы принять заключительные документы, закрепить нерушимость послевоенных границ и заложить прочные основы долговременного сотрудничества на континенте.

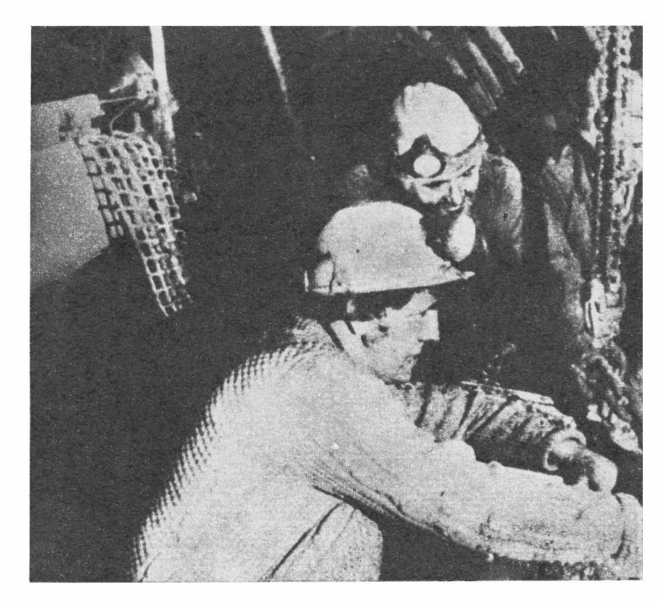
Стороны договорились относительно желательности достижения прогресса в развитии советско-американских торгово-экономических связей и на возобновляющихся 19 февраля в Женеве переговорах об ограничении стратегических наступательных вооружений. К сожалению, именно на этих двух направлениях в США происходит теперь активизация влиятельных сил, враждебных делу разрядки и стремящихся любой ценой сорвать установление действительно прочных отношений мирного сосуществования между нашими двумя странами. Они пытаются не допустить выполнения правительством США твердых обязательств об отказе от давно изжившей себя дискриминационной практики в торговле с СССР.

Не ясно ли, что в условиях обостряющейся торговой войны между США, Японией и Общим рынком не СССР, а США будут в проигрыше, если и конгресс останется глухим к последнему призыву Р. Никсона «без промедления принять законопроект о торговой реформе без каких-либо ограничений полномочий (президента) ликвидировать дискриминацию в торговле».

В эти дни военно-промышленный комплекс инспирировал в американской буржуазной прессе яростную кампанию против принципа равной безопасности сторон, благодаря строгому соблюдению которого удалось заключить Договор об ограничении систем противоракетной обороны, Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений и историческое Соглашение о предотвращении ядерной войны. Эта кампания, очевидно, нужна Пентагону для того, чтобы как-то оправдать увеличение на 7 миллиардов долларов военных расходов, запланированных в проекте бюджета министерства обороны США на 1974/75 финансовый год.

Пентагоновские политики забывают, что новые отношения между США и СССР сложились не на основе каких-то преходящих факторов, а на базе соотношения реальных сил, в том числе и ракетно-ядерных, изменить которое в свою пользу американский империализм не в состоянии.

В этом году в соответствии с достигнутой ранее договоренностью президент Р. Никсон посетит СССР с официальным визитом. В свете этого весьма важно, что в итоге встреч А. А. Громыко в американской столице обе стороны подтвердили решимость и впредь развивать свои отношения в том направлении, которое было определено во время визита президента Р. Никсона в Советский Союз в 1972 году и визита Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в США в 1973 году и которое нашло свое выражение в соглашениях, подписанных в ходе этих визитов.

84 ДНЯ В

Еще совсем недавно космические полеты продолжительностью свыше двух недель таили много неизвестного и считались опасными для здоровья космонавтов. Почти четыре года назад советские космонавты А. Г. Николаев и В. И. Севастьянов первыми преодолели этот своеобразный рубеж, пробыв в космосе 18 суток.

И вот теперь мы являемся свидетелями сверхмарафонского космического путешествия: 8 февраля срок третьей пилотируемой экспедиции на американской орбитальной станции «Скайлэб» закончился. После 84-суточного пребывания в условиях невесомости отважные космонавты Джеральд Карр, Уильям Поуг и Эдвард Гибсон благополучно возвратились на Землю.

Сразу же после того, как космонавты ступили на палубу вертолетоносца «Нью-Орлеан», медицинские специалисты провели тщательное обследование состояния их здоровья. В результате обследования выяснилось, что Карр, Поуг и Гибсон хорошо перенесли длительный период невесомости и после приземления чувствуют себя нормально.

Результаты медицинской части программы станции «Скайлэб» весьма обнадеживающие в смысле возможности длительных полетов. При этом относительно максимальной продолжительности пребывания в космосе высказываются различные мнения. Например, руководитель программы «Скайлэб» Уильям Шнайдер считает безопасной стосуточную экспедицию, а доктор Чарльз Берри даже «...смело отправил бы космонавтов в шестимесячный полет».

В общем, итоги медико-биологических ис-

КЛАССОВЫЕ БИТВЫ В СТРАНАХ КАПИТАЛА

Все более обостряются и обнажаются классовые противоречия внутри капиталистических стран Западной Европы, США, Канады и Японии. Трудящиеся массы протестуют против посягательств монополий на их жизненные права.

По призыву национального профсоюза горняков Англии, насчитывающего более 270 тысяч членов, 10 февраля началась всеобщая забастовка шахтеров, выступающих с требованием повышения заработной платы в условиях резкого роста стоимости жизни в стране. Горняки полны решимости вести борьбу до победного конца, несмотря на открытую враждебную кампанию, которую развернули против них правящие буржуазные круги. Шахтеров поддерживают английские докеры и другие профсоюзы.

11 февраля началась крупнейшая забастовка трудящихся ФРГ. В ней принимают участие рабочие и служащие коммунальных предприятий и учреждений, почты, железных дорог. Они требуют повышения зарплаты и уменьшения тягот инфляции.

На снимках: вверху — перед началом забастовки английских шахтеров. Горняки последней смены демонтируют и убирают оборудование.

Внизу — массовая забастовка охватила недавно угольный бассейн Лотарингии. Шахтеры, прекратившие работу в знак протеста против увольнений и ухудшающихся условий труда, вышли на демонстрацию, чтобы выразить свое возмущение проводимой предпринимателями политикой. К ним присоединились французские трудящиеся других категорий, занятые на местных предприятиях угольной промышленности.

Фото ТАСС.

НЕВЕСОМОСТИ

следований радуют и космонавтов и специалистов, позволяя всерьез рассуждать об экспедициях к другим планетам.

Исследования Земли проводились на станции с помощью комплекта аппаратуры, включавшего телевизионные камеры, инфракрасный спектрометр, микроволновый зонд и другие приборы.

Эти исследования сопровождались интересными открытиями, имеющими важное значение в области океанологии, географии, геологии. Так, командиру экипажа Джеральду Карру удалось обнаружить турбулентные массы холодной воды среди теплого тропического течения вблизи побережья Мексики. По всей вероятности, они поднимались наверх с больших глубин, при этом вынося на поверхность питательные вещества. Как отмечают специалисты, знание мест выхода на поверхность подобных глубинных течений очень важно для правильного прогнозирования движения тропических ураганов, а также скопления промысловых рыб.

Поиски подземных источников тепловой энергии, изучение загрязненности бассейнов рек и озер, наблюдения за метеорологическими явлениями, исследование эрозии поверхностного слоя и многие другие работы нашли отражение в 20 тысячах фотографий Земли, доставленных космонавтами.

Хочется упомянуть также об астрономических наблюдениях на «Скайлэбе», в частности наблюдениях кометы Когоутека, взбудоражившей последнее время весь астрономический мир.

Как известно, программа третьей экспедиции была изменена специально для подробного исследования этого редкого явления. Космонавты посвятили съемкам кометы Когоутека два выхода в открытый космос и сфотографировали ее в момент сближения с Солнцем и после прохождения перигелия. Несколько десятков фотографий кометы, сделанных в ультрафиолетовых лучах во время выходов, представляют для астрономов исключительную ценность.

Восемьдесят четыре рабочих дня на орбите дали в руки ученых материал, на обработку которого, вероятно, потребуется несколько лет. Десятки тысяч снимков Земли и Солнца, десятки километров магнитофонной записи, бесчисленные медико-биологические пробы составили багаж возвратившихся домой космонавтов. Четыре последних дня на орбите Дж. Карр, У. Поуг и Э. Гибсон посвятили укладке в «Аполлон» всей этой овеществленной научной информации, вес которой составил немногим меньше тонны.

По признанию космонавтов, полет на «Скайлэбе» заставил по-новому взглянуть на многие вещи. Красноречиво говорят об этом слова их командира Джеральда Карра, обращенные к телезрителям накануне Нового года: «Земля — небольшой голубой остров в бесконечном океане космоса, и люди на ней должны жить в мире, гармонии и братстве».

Валерий **ПОЛЯНСКИЙ**,
научный сотрудник

Слева направо: астронавты Э. Гибсон, У. Поуг и Дж. Карр после приводнения.

Телефото ТАСС.

Сидят (слева направо): М. Шакирзянов, Б. Лопатин, В. Филимонов, А. Новолодский, М. Назыров, Н. Соловьев, Е. Кузнецов; стоят: Р. Заляев, А. Кабаков, Д. Зарипов, А. Сукачев, С. Баров, В. Кузнецова, М. Ибрагимов, А. Зотов, И. Лабор, М. Викторов.

Фото Г. Макарова.

СТРОИТЕЛИ КамАЗа В «ОГОНЬКЕ»

РАССКАЗЫВАЮТ БРИГАД

На днях гостями «Огонька» были строители автогиганта в Набережных Челнах — КамАЗа; в редакцию приехали прославленные бригадиры «Камгэсэнергостроя», одиннадцать из тысячи семисот руководителей рабочих коллективов.

МАРС НАЗЫРОВ, заместитель секретаря парткома производственного объединения «Камгэсэнергострой»:

— Кажется, еще совсем недавно, всего четыре года назад, в Прикамье лежала неразбуженная степь. А сегодня здесь встали тринадцатью гигантскими корпусами шесть заводов автомобильного комплекса. В двенадцати километрах от поселка Камгэс, на северо-востоке, формируется новый жилой район, обогнавший уже старую часть города. Цифры? Масштабы? Они познаются в сравнении: наша строительная площадка во много раз превышает площадку Волжского автомобильного завода. Грунта будет переработано немногим меньше, чем при сооружении Волго-Донского канала. Миллион квадратных метров — такова площадь заводской «крыши». Однако далеко не все замыкается на одном КамАЗе. За этим емким словом — социальный план развития крупнейшего промышленного центра, рождающегося в наши дни. Мы строим Заинскую ГРЭС и Нижне-Камскую ГЭС, закладываем на индустриальных началах мощную сельскохозяйственную зону. У нас будет птицефабрика на триста сорок тысяч кур, тридцать гектаров теплиц. Население города уже сейчас растет не по дням, а буквально по часам. Каждый день рождается 25—30 детей. Город растет и за счет вновь прибывающих. Горком партии держит под непрерывным контролем вопросы жилищного, социально-бытового и культурного строительства.

Примерно через год страна должна получить с конвейера камский автомобиль. Это значит, что еще в этом году мы должны дать жизнь — тепло и свет — всем корпусам, в которых будет установлено семь тысяч единиц технологического оборудования. Это значит вручить ключи от квартир десяткам тысяч людей. Наш встречный план в четвертом году пятилетки таков: выполнить годовой план за одиннадцать месяцев. Задача трудная. Она легла на могучие плечи наших бригад. Мы их называем главным звеном стройки. Бригадиры, испытанные в трудовых боях, выросшие за эти годы в кадровых специалистов,— наша главная опора. Итак, им слово! Алексей Борисович, начинайте. Может, несколько слов о себе?

АЛЕКСЕЙ НОВОЛОДСКИЙ, Герой Социалистического Труда, председатель Совета бригадиров «Камгэсэнергостроя»:

— Я работаю на КамАЗе три года. Приехал с Вилюйской ГЭС. На стройках в Якутии провел двенадцать лет. О КамАЗе узнал из «Правды». Некоторые товарищи осторожно говорили: «Смотри, подумай». Ведь на Вилюе был небольшой коллектив, почти каждого знали по имени, отчеству. Я подумал, подумал и поехал. То, что увидел здесь, поразило своею грандиозностью, богатством техники. На Вилюе у меня было в бригаде до тридцати человек. Мы выполняли объем работ в год на семьдесят — восемьдесят тысяч рублей. А здесь — на сотни тысяч рублей! Это, конечно, нелегко сразу переключиться на такие масштабы. Большие нагрузки падают на плечи бригадиров, звеньевых, рабочих. Но все компенсируется чувством большого удовлетворения: было очень трудно, и все же сделали.

По инициативе партийного комитета у нас создан Совет бригадиров стройки, в который входят знатоки строительного дела. Есть у кого поучиться, с кем обменяться мнениями. Работы у Совета много. Далеко не все бригады выполняют государственный план. Проценты вроде есть, а выполнения нет. В чем дело? Мы должны изыскивать резервы повышения производительности труда, «расшивать» узкие места. Мы приехали к вам в редакцию из Зеленограда, были у прославленного строителя Николая Анатольевича Злобина. Нам понравилось, как он работает. Но у нас своя специфика — заводские корпуса. Мы задали ему много вопросов. Поинтересовались у его товарища: «Можешь работать, как Злобин?» Он ответил: «Могу. Но надо, чтобы все бригады на стройке были обеспечены материалами, четкими графиками, как Злобин». Снабжение, транспорт — все это очень важно для бригады, которая решила работать по подряду, как Злобин. Без этого дело не пойдет. Мы у себя о подряде часто говорим. А если бы таких бригад было много, то к выпуску автомобиля мы пришли бы с прибылью. Вот что надо понять.

ГАЛИНА КУЛИКОВСКАЯ, корреспондент «Огонька»: — Примерно год назад я была у вас в бригаде. Вы работали тогда на литейном заводе на корпусе серого и ковкого чугуна. В ту пору срывался план монтажа колонн, не был готов фундамент. И тогда вас бросили на этот трудный участок. Вы создали комплексную бригаду, применили много технических новшеств и вместе с другими бригадами, последовавшими вашему примеру, вытянули план. Что сейчас делает ваша бригада?

НОВОЛОДСКИЙ: — Работаем на стройке того же литейного завода, но не на земле, а вверху, монтируем стальные конструкции. Обязательства свои выполняем: как говорится, даем двойной план.

БОРИС ЛОПАТИН, бригадир монтажников, председатель Совета бригадиров «Автозаводстроя». Высокая техническая грамотность Лопатина, его многолетний опыт работы на стройках в Сибири позволили так организовать дело, что бригада достигла высокой производительности труда.

— Новолодский правильно сказал, с бригадным подрядом у нас пока дело почти не двигается. В промышленном строительстве внедрять подряд, конечно, тяжело. Объекты огромные. И строятся они не в считанные месяцы, как жилые дома, а годами, в течение двух-трех лет. Наша бригада, например, скоро уже два года как сооружает тоннели стружкоуборки и «одевает» панелями корпус, в котором будут монтировать главный конвейер сборки КамАЗов. В семьдесят третьем году мы перевыполнили свои обязательства. А в этом году хотим на двенадцать процентов повысить производительность труда — смонтировать двадцать две тысячи кубометров сборного железобетона.

НИКОЛАЙ СОЛОВЬЕВ, бригадир комплексной бригады «Металлургстроя»: — У нас каждый болеет душой за общее дело. Все обязанности точно распределены, и люди загружены работой до отказа. Раньше на таком же объекте было три бригады, теперь только одна наша. Скучать некогда... Раньше работало три крана, причем в половину, в треть своей силы. Теперь один, но трудится он круглые сутки. Избавились мы от мелочной опеки и дергания. А права, которые приобрели, поставили нас перед фактом: мы хозяева, сами решаем, сами считаем, сами бережем материалы.

ИРЫ...

Уверены, что при такой работе (по бригадному подряду) главную понизительную подстанцию сдадим на два месяца раньше срока, ко Дню строителя. Годовой план собираемся закрыть 30 октября, а пятилетку завершим к пятьдесят восьмой годовщине Октябрьской революции. Выросла у нас и зарплата. В день получается по семь рублей пятьдесят шесть копеек. Многое из того, что мы увидели у товарища Злобина, есть и у нас. Мы, например, имеем свой штамп, которым метим прибывающие материалы. Тут уж, конечно, без тщательной проверки нельзя работать. Наш опыт говорит: стройке без подряда и хозрасчета не обойтись. Но трудно пробивать это дело! Хорошо понимаю и Лопатина и Новолодского. Я сам два года бился с этим подрядом. Главный тормоз — отсутствие необходимой технической документации, расчетов, графиков, смет, договоров. Рабочие вроде бы стали опережать проектные институты и счетные машины. А иногда наталкиваешься на сопротивление в отделах, отсутствие поддержки со стороны администрации. Получается, как в «Поднятой целине» у Шолохова. Размётнов спрашивает середняков Гремячего Лога: «Кто за вступление в колхоз?» Подымается треть рук. «Кто против?» Никто! Две трети, значит, ни «за», ни «против». Так и у нас. А жизнь идет вперед. И необходимость подряда очевидна.

НАЗЫРОВ: — Бригадир не рассказал еще о том, что, несмотря на всю свою занятость, у него хватает времени и на работу с детьми. Его бригада шефствует над двумя восьмыми классами в школе. Послушаем теперь наших злобинцев в домостроении — Зотова и Филимонова.

АЛЕКСАНДР ЗОТОВ, бригадир каменщиков: — На хозрасчете мы работаем второй год. Сначала опасались, как бы нам не вылететь в трубу,— были неполадки, много брака. А потом научились считать каждую копейку, каждый кирпич, который нам привозят. Прежде чем принять его, пересчитываем и аккуратно складываем. Щебенка, околыши — все идет в дело. На участке порядок и никакого мусора не остается. До каждого дошло, что такое хозрасчет. Что нам понравилось у Злобина? Завершенность. Он хозяин строительства дома от начала до конца, до выдачи жильцам ключей. И еще. Злобин хорошо снабжен оснасткой, различными приспособлениями.

«ОГОНЕК»: — Что вы строите сейчас?

ЗОТОВ: — Здание гостиничного типа в новой части города. Работа интересная, но сложная. Годовой план собираемся завершить ко Дню строителя. Свою пятилетку закончили еще в прошлом году.

«ОГОНЕК»: — Кто составляет костяк вашей бригады?

ЗОТОВ:—Оренбуржцы. Мы приехали на КамАЗ из Медногорска всем звеном, семь человек.

ВИКТОР ФИЛИМОНОВ, бригадир монтажников комсомольско-молодежного потока. Он уже знаком читателям «Огонька». В 52-м номере журнала за 1973 год был его портрет работы художника Игоря Пчелко. И рассказ о нем. Виктор известен на стройке как экспериментатор, он смело берется за строительство домов нового типа.

— Прежде всего о том, что мне понравилось у Злобина: хорошая техническая вооруженность. Это, пожалуй, самое главное. Мы тоже стараемся использовать злобинский опыт и думаем, что не отстанем от него. У нас не так хорошо, конечно, поставлено материально-техническое снабжение, как у Злобина. Приедем, будем добиваться, чтобы и у нас так было.

КУЛИКОВСКАЯ: — В сентябре, когда я была у вас, вы работали на экспериментальном доме под номером «6-02». Построили вы его? Вы еще говорили, что дом будет таким же красивым, как и сосед, что стоит рядом...

ФИЛИМОНОВ: — Заканчиваем. Только фасад у него будет другим, без горизонтальных поясов. Должен заметить, что при строительстве этих домов мы внесли много изменений.

МАНСУР ШАКИРЗЯНОВ, бригадир «Гидростроя»: — Я, пожалуй, по стажу работы среди всех, кто здесь находится, ветеран: работаю в Челнах с 1966 года. Местный я, из Татарии. Собирался быть начальником спасательного отряда на Каме, а стал строителем. Многое пришлось строить. И гидроузел, и детские сады, и большой молокозавод. Сейчас строим шлюзы судоходного канала. Летом перейдем на сооружение водозабора. По существу, это будет настоящая речка. Заводу и городу понадобится очень много воды. Тут товарищи говорят о своих встречных планах. Нам это сделать труднее, часто меняются объекты. Мы решили так: план шести дней выполнять за пять.

РАДИК ЗАЛЯЕВ, бригадир слесарей-трубоукладчиков: — Мы тоже имеем отношение к воде. Наша бригада сооружает инженерные коммуникации. На таких работах применить подряд или хозрасчет очень трудно. Успех зависит от того, какой будет фронт работ, степень механизации... В прошлом году мы работали в сборочном цехе. Все сделали. А потом пришли бульдозеры и разворотили наши колодцы. Пришлось переделывать. Какой же тут хозрасчет? В этом году собираемся наверстать отставание. Наш встречный — годовой план к 7 ноября. Хотел подчеркнуть еще одно преимущество Злобина. В его бригаде — рабочие высокой квалификации. Там средний возраст — тридцать шесть — сорок лет. Все профессора! А у нас народ молодой. Двадцать, двадцать два года.

МИХАИЛ ВИКТОРОВ, бригадир плотников-бетонщиков «Спецжилстроя»: — Я чуваш, из Козловки, есть такой райцентр в Чувашии. Впрочем, нет, вероятно, в нашей стране народа, который бы не прислал своих сынов и дочерей на КамАЗ. Строитель я по наследству — мой отец всю жизнь строил дороги. Первая моя настоящая работа началась в Челнах. Был мастером, прорабом по сооружению фундаментов. А недавно, когда образовалась большая, на целый участок, бригада, стал бригадиром. Ответственная эта должность, тем более что мы переходим на хозрасчет.

«ОГОНЕК»: — Сколько вам лет, Михаил?

ВИКТОРОВ: — Двадцать пять... Есть у нас личная просьба к главному редактору «Огонька». Анатолий Владимирович, вы были в Чили, писали об этой стране. Нет ли у вас портрета Сальвадора Альенде? Очень он нужен нам, а в Челнах не нашли. Ребята сказали, чтоб без портрета не возвращался. Дело в том что Сальвадор Альенде — близкий нам человек. Наша бригада носит его имя, и он является ее членом. Каждый день мы снимаем за него табель, выполняем его норму, а весь заработок перечисляем в Фонд мира.

А. СОФРОНОВ: — Когда вы уезжаете? Завтра вечером? Сегодня фотолаборатория уже не работает, но завтра утром ваша просьба будет выполнена. Очень хорошее, благородное дело вы задумали.

МАСГУТ ИБРАГИМОВ, председатель объединенного постройкома «Камгэсэнергостроя»: — Этот год для нас особенный: идет подготовка к сдаче главных капитальных сооружений комплекса. Если мы раньше работали в основном, как говорят, на вал и в день осваивалось до миллиона двухсот тысяч рублей, то сейчас начался очень ответственный период, когда на первый план выдвигаются вопросы качества. Работа вчерне завершается, остается отделка, проработка деталей. Тут бригадиры правильно отмечали: медленно у нас внедряется метод Злобина. Тут наше упущение. Но мы уверены, что наш многотысячный коллектив строителей — у нас только членов профсоюза 59 тысяч — найдет резервы и сумеет применить самые прогрессивные формы организации труда.

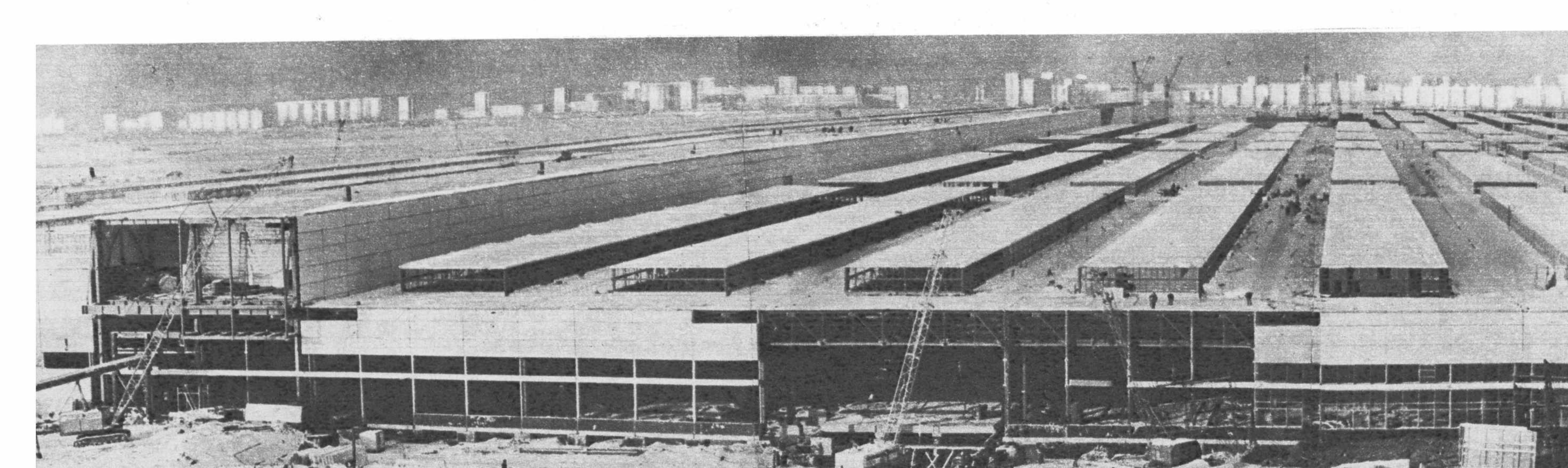
А. СОФРОНОВ:—Вы сказали, 59 тысяч членов профсоюза. Какой процент среди них женщин? Я спрашиваю потому, что к нам поступают письма от девушек примерно такого содержания: «Мы штукатуры, работали в Ленинграде на стройке. Прочитали в вашем журнале про КамАЗ, и нам очень захотелось попасть на эту стройку. Если можно, помогите нам. Сестры Кузьмины, Нина и Галя». Тут есть и адрес: Костромская область, Кологривский район, деревня Марьино. Так что ответить сестрам Нине и Гале?

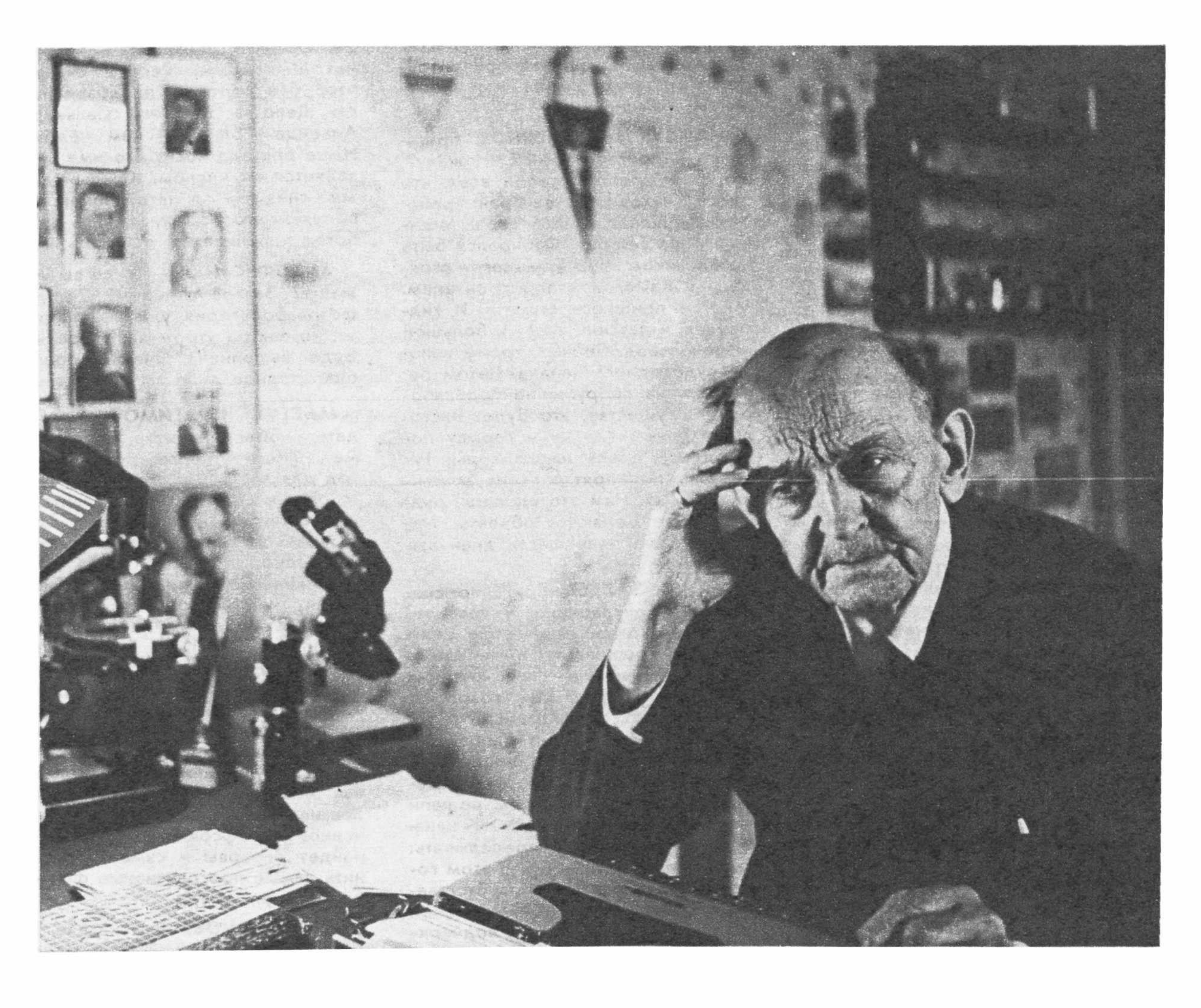
НАЗЫРОВ: — На «Камгэсэнергострое» примерно одна треть коллектива — женщины. Нам не хватает десяти тысяч отделочниц. Это только для первой очереди комплекса. Следом начнутся работы по сооружению второй очереди. Пусть Нина и Галя приезжают. Ждем их!

* * *

Во встрече со строителями КамАЗа приняли участие главный редактор журнала «Огонек» А. Софронов, ответственный секретарь Ю. Сбитнев, члены редколлегии Л. Леров, Ю. Новиков, Н. Пастухов.

Автосборочный завод. Фото Е. Грабилина.

Сергей Степанович Чахотин.

Фото Г. Копосова.

ЧАХОТИНСКАЯ ОДИССЕЯ

Александр ХАРЬКОВСКИЙ

Человека, о котором написаны эти строки, уже нет. Он умер, когда очерк о нем был набран. Но рассказать о талантливом ученом-биофизике С. С. Чахотине — мой долг, ибо судьба подарила мне встречу с человеком, жизнь которого — легенда. Вот страницы этой жизни...

...1902 год. Мрачная камера Бутырской тюрьмы.

«Какой пассаж: сын вице-консула — бунтовщик. Я же знал тебя ребенком»,— возмущается великий князь, близкий родственник Николая II.

Человек, вызвавший его возмущение,— зачинщик студенческих беспорядков Сергей Чахотин.

1912 год. Биологи мира восхищены новым научным открытием. Русский профессор проник в святая святых жизни — в клетку, не разрушив это хрупкое святилище. Зовут его Сергей Степанович Чахотин.

1922 год. Генуя.

«Хватит, не могу здесь больше. Хочу домой, в Россию».

«Сейчас для родины важнее, чтобы вы оставались в Европе. Нам нужны ваши связи, авторитет ученого».

Человек, которому Л. Б. Красин говорит эти слова,— профессор Института имени кайзера Вильгельма — Чахотин.

Гостиница в Лондоне. Неровный свет камина вырывает из темноты фигуру гостя. Альберт Эйнштейн протягивает ему руку.

«Садитесь, господин Чахотин».

Они молчат, смотрят на огонь в камине. Чахотин чудом вырвался из фашистской Германии. Может быть, ученые вспоминают костры, пылающие там? В них сжигаются книги Спинозы, Вольтера, Маркса... Что ж, произведения Эйнштейна и Чахотина гибнут не в плохой компании...

А дальше, что же случилось дальше с этим человеком? Мне удалось побывать у Чахотина, побеседовать с этим ученым в последние недели его жизни. А было это так...

...За окном глухо шумит Ленинский проспект. Квартира Сергея Степановича Чахотина является и его лабораторией. 90 лет — возраст солидный, путь на лекции в институты дается все труднее.

На стенах написанные хозяином картины, дорогие его сердцу места: Париж, Берлин, Сицилия, Стамбул, Загреб. Рядом портреты учителей и друзей: Павлов, Эйнштейн, Уэллс, Жолио-Кюри, Эжени Коттон. Книги Чахотина, созданные им на нескольких языках. А на столе научные приборы, те самые, с помощью которых профессор проникает в клетку.

Я давно пытаюсь разгадать, как делаются научные открытия. Почему тысячи людей не раз погружались в воду и только один из них выскочил оттуда с криком «Эврика!»? Отчего миллионы яблок, падавшие за всю историю на головы людей, только в одной вызвали догадку о великом законе природы?

Профессор улыбается. Не так давно в Лондоне состоялся международный симпозиум, посвященный его открытию. Этот вопрос ему задавали и раньше, и тогда, и потом.

— Как начался ваш путь к тайнам клетки? — спрашиваю и я.

Это было (подумать только!) 65 лет назад. Он, тогда еще совсем молодой ученый с докторской степенью Гейдельбергского университета («Вы знаете, мне присвоили ее с самой высшей отметкой — «суммой цум лаудэ»), приехал на Сицилию для чтения лекций. Было 27 декабря 1908 года. А день спустя разразилось знаменитое Мессинское землетрясение, то самое, о котором сказал Блок: «И дикой сказкой был для вас провал и Лиссабона, и Мессины!»

Проснулся он от тупого, гулкого толчка. Что-то тяжелое придавило ноги и грудь. Между потолком и головой расстояние с ладонь. Потолок медленно прогибается, еще немного — и зажмет голову. Сергей Чахотин заработал левой, незащемленной рукой. Облегчил грудь, вытащил ногу. Когда выбрался наружу, был полдень. Мессины не было...

Врачи констатировали: ушибы, переломы, искривление позвоночника — 12 часов под руинами не шутка. Больной бредил: говорил что-то о скальпеле, который проникает в живую клетку.

— Незадолго до землетрясения я прочел труд Вирхова «Патология клетки», затем работы Клода Бернара о том, что в биологии тоже нужно экспериментировать, как в физике,— говорит Сергей Степанович.— Об этом я упорно думал накануне землетрясения. И вот происходит страшное потрясение всего моего существа, особенно нервной системы. В госпитале меня преследует мысль: «Нужно экспериментировать с клеткой. Нужно оперировать ее, как мышей или лягушек...»

Но как это осуществить? Выйдя из больницы, Чахотин создает «микрохирургию» — механические приборы для манипуляций с клеткой. Даже лесковский Левша позавидовал бы его искусству, выдумке.

Шли годы. Чахотина все больше не удовлетворяли его механические приборы. Нет, здесь нужно было нечто несравненно более нежное. Например, луч. Да, да, именно луч. От крошечного объекта лучи расходятся и дают увеличенное изображение на сетчатке нашего глаза. Теперь вместо глаза мы ставим источник излучения. Тогда лучи, пройдя через линзу, сойдутся в точку! В руках у биолога окажется жесткий, смертельный для всего живого скальпель из рентгеновских или ультрафиолетовых лучей! Можно оперировать части клетки, не задевая целого!

Сергей Степанович подводит меня к микроскопу.

— Видите,— показывает он,— это оплодотворенная клетка, зародыш будущей жизни. В ней, как дерево в почке, прячется будущий организм. Можно поразить микропучком часть яйцеклетки и посмотреть, что вырастет из такого пораженного зародыша. Академик И. П. Павлов первым оценил мое открытие.

Да,— говорит после небольшой паузы Чахотин,— мне посчастливилось несколько лет быть ассистентом Павлова. Однако к нему я пришел уже сложившимся ученым. А первым моим учителем был Рентген, которому меня порекомендовал совсем еще молодой тогда А. Ф. Иоффе.

Рентген, Павлов, молодой Иоффе... И Эйнштейн, сказавший о Чахотине: «Я лично знаю профессора Чахотина как очень серьезного ученого, преследовавшего свои научные цели, несмотря на очень большие внешние помехи». Что же это за «внешние помехи»? И я прошу профессора Чахотина рассказать о них.

Сын русского вице-консула Сережа родился на маленьком острове, затерянном в Мраморном море. Этот островок вблизи Стамбула был туристской достопримечательностью. Посетители объезжали его днем на осликах, а на ночь уходили в глубь острова на ночлег, оставив животных на берегу. Однако ночь, когда родился Чахотин, была необычной. Все происходило как в греческой трагедии в момент рождения героя. Мощный толчок ударил из-под земли. Огромная волна обошла остров и унесла с собой оставленных на берегу ослов.

Утром, выйдя из дому, отец мальчика пошутил: «Ослы этого так не оставят. Они будут мстить моему Сержу».

— И вы знаете — ослы мстили,— смеется Сергей Степанович.— Первый акт их мести — исключение из университета за революционную деятельность.

Николай II издал высочайший указ: всех бунтовщиков, в том числе и меня, выслать по местам рождения.

Чахотин родился в Турции. Его и выслали за пределы России.

— Я поехал в Германию,— вспоминает Сергей Степанович.— Там гремела слава Конрада Рентгена. Он тогда открыл свои икс-лучи.

На лекциях Рентгена аудитория всегда была переполнена. Высокий, стройный, с красивой окладистой бородой, с цветком в петлице, он поднимался на кафедру и обращался к слушателям.

Чахотин стал работать в его лаборатории. Именно Рентгену он обязан тем, что в нем, биологе, проявился интерес к физике, который и привел его к открытию.

...Я слушаю Сергея Степановича и ловлю себя на том, что мысль прочерчивает прямую меж 1902 и 1912 годами — там, где на самом деле сложная и путаная кривая. Да, Чахотин стал биофизиком, и здесь влияние Рентгена бесспорно. Но задумаемся: а почему он не стал чистым физиком? Ведь многие на всю жизнь оставались в сфере интересов великого Рентгена, раз им уже посчастливилось у него учиться. Видимо, у Чахотина был свой собственный путь. Он очень любил науку и отдал бы за нее жизнь, но его жизнь наукой не ограничивалась. Вот поэтому-то так много было «внешних помех» в его судьбе.

Великий И. П. Павлов выхлопатывает Чахотину право возвратиться в Россию. Тот с радостью возвращается и начинает работать в павловской лаборатории.

Казалось, теперь уже ничто не оторвет Чахотина от его дела. Редко к кому Павлов относится с таким вниманием и заботой. Все опыты удаются Чахотину. Нужны были ученому для экспериментов яйца морских ежей. Чахотин предложил привезти их из Италии в термосах с раствором цианистого калия в морской воде. Павлов покачал головой: все-таки яд, довезет ли. А потом порадовался, что и это предприятие Чахотину удалось.

Одно не нравилось великому ученому: неисправимый Чахотин продолжал заниматься политикой. Павлов видел, какие-то люди (между прочим, среди них и будущий академик А. Е. Ферсман) снуют по лаборатории, приносят явно не научную литературу. Кто-то лезет в окно...

А однажды в лабораторию нагрянула с обыском полиция. И надо же, чтобы в этот момент сюда вошел Павлов. Полицейская ищейка сразу бросилась на ученого, ведь его одежда после опытов с животными пахла псиной.

Павлов вызвал к себе Чахотина: «Вы делаете хорошее, патриотическое дело, но, увольте, в лаборатории это не годится».

— А знаете, мы все-таки убили великого князя Сергея Александровича, который так возмущался, что я стал бунтовщиком,— вдруг вспоминает Чахотин.— Ведь я всю жизнь «путал» науку и политику. Террористы делали во Франции бомбу для князя, а я поставлял им основу взрывчатки — нитроглицерин. Вот этой бомбой его как раз и убили. Жаль, не видел: был тогда за границей.

Гражданская война застает его на юге России, где он работает в то время на крымской биологической станции. Прорваться в красный Петроград не удается. Спасаясь от мести белоказаков, Чахотин бежит за границу.

Оттуда, издалека, он с тревогой следит за судьбой молодой республики. Советская Россия в кольце фронтов. Деникин наступает на Москву. «Порадуйтесь с нами, господин профессор!»— говорят ему. Чахотин молчит. Казалось, он вновь ушел в свою науку: профессор получил кафедру в Загребском университете. И вдруг его статья, резкая, хлесткая, непримиримая. «Нужно признать Советскую власть».

Статья вызывает бурю. «Пусть сам убирается к своим большевикам!»

Если бы он мог! Тогда во всей Европе не было ни одного советского посольства...

На Генуэзскую конференцию он едет как журналист, представитель левой германской газеты. Ему надо увидеться с советскими делегатами. Как же он был удивлен, когда при встрече с ними узнал, что в Советской России давно сочувственно следят и за выступлениями ученого и за его судьбой... Но... он нужнее Родине тут, в Европе. В этом же 1922 году С. С. Чахотин получает паспорт гражданина РСФСР и возглавляет отдел советского торгпредства в Берлине.

Теперь его область — научная организация труда. Книга Чахотина «Организация. Принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике» выходит в СССР и за рубежом.

А биология? Неужели все оставлено и забыто? Листаю отзывы виднейших западных ученых о работах Чахотина. Вот и слова Эйнштейна.

— С профессором Эйнштейном,— (Чахотин произносит на немецкий манер — Айнштайном),— мне посчастливилось встречаться не раз. В 1930 году по его рекомендации я получил международную премию для продолжения моих работ.

— Значит, вы продолжали заниматься биологией?

Наивный вопрос! Он никогда не прекращал этих занятий. Биология — наука о жизни, а жизнь не вмещается в стенах лабораторий.

...Рим. Чахотин здесь в командировке. В одной из лучших европейских лабораторий изучает он проницаемость клеток. («Это важно, таким путем, быть может, удастся отличить здоровые клетки от больных, раковых».) Он ставит блестящий эксперимент: с помощью лучевого скальпеля оплодотворяет яйцо морского ежа и выводит животное, не имевшее отца. Это важно для генетики: получается так называемая чистая линия, на которой легче проследить наследование признаков.

— Этот невинный опыт,— лукаво улыбается Чахотин,— вызвал повышенный интерес среди католиков. Один биолог говорил мне: «Теперь, наконец, ясно, как произошло непорочное зачатие у девы Марии. Видимо, святой дух подействовал на нее жестким излучением, недаром от его венчика исходят лучи. Предложите свое открытие Папской академии, вы получите миллионы».

...Наука. Но в Европе зарождается раковая опухоль фашизма. Ученый знает: болезнь нельзя запускать. Но где тот скальпель, которым ее можно уничтожить?

Возвратившись в Германию, Чахотин видит: опухоль дала метастазы. Страну охватывает фашистская болезнь. Правда, нацистов еще не так много, но всюду свастики, крики «хайль». Фашисты прививают массам рефлекс страха.

Профессор становится шефом пропаганды антифашистского «Железного фронта». По ночам патриоты перечеркивают свастики тремя стрелами. Против одной руки, поднятой в фашистском приветствии, поднимаются десять кулаков рабочих. Чахотин пишет антигитлеровскую книгу «Насилие над массами путем пропаганды».

В день прихода к власти фашистов к Чахотину врывается полиция. Ему удается вовремя покинуть Германию. Вот тогда-то и происходит в Лондоне новая встреча Эйнштейна и Чахотина.

«Хватит о политике,— говорит Эйнштейн.— Занимается же кто-то наукой в этой сошедшей с ума Европе».

Он спрашивает Чахотина о его работах по биологии, а Чахотин занят проблемами антифашистской борьбы.

«У вас же интересные работы, вернитесь к ним!» — советует Эйнштейн.

«Но разве это возможно сейчас? Допустим, я запрусь в лаборатории, сделаю новое открытие и захочу передать его людям. Раскрываю дверь, а люди уничтожили друг друга в войнах. Нет, мы, ученые, не можем стоять в стороне...»

— Тогда, — вспоминает Чахотин,— Эйнштейн со мной не согласился. Но жизнь показала: мы, советские ученые, были правы.

Чахотин, как и многие антифашисты, бежавшие из Германии, обосновывается в Париже. Он завершает свою книгу о природе фашизма. 22 июня 1941 года Чахотина арестовывает гестапо.

Новый, 1942 год ученый встречает за колючей проволокой под лай овчарок и окрики часовых. «Ослы мстят мне»,— шепчет он в бреду. Ночью больного ученого выводят за колючую проволоку. «Наверное, на расстрел»,— думает он. Однако видные ученые мира добиваются освобождения смертельно больного Чахотина. Фашисты решают: все равно умрет.

Сентябрь 1944 года. В Европе еще в разгаре война. А на квартире Чахотина собираются несколько ученых. Среди них профессор Пьер Жеррар и Жени Коттон. Программа дня: создание организации ученых для... борьбы за мир. За мир после победы над фашизмом.

Сергей Степанович снимает с полки томик Г. Уэллса «Облик грядущего». На суперобложке рукой знаменитого фантаста написано: «Сергею Чахотину в связи с его возвращением к жизни».

— Эту книжку мне передал от имени Уэллса американский офицер. В «Облике грядущего» есть герой-биолог, который, используя учение Павлова об условных рефлексах, разоблачает звериную суть фашизма. Герой погибает. А его прообраз, как видите, остался жить...

Вас интересует, что было дальше? В Париже собрался первый конгресс в защиту мира. И тогда Чахотин сказал себе: «Ныне отпущаеши. Еду на родину, возвращаюсь навсегда к науке. Я сделал все, что мог».

...Родина встречает его с почетом. Он получает лабораторию вначале в Ленинграде, потом в Москве. Академия присваивает ему звание доктора наук без защиты, «хонорис кауза». Ученик Павлова, он здесь свой. Революционер, он в стране, первой в мире совершившей революцию. Одно плохо — годы ушли. Он стар. Но его просят: учи!

И вот его квартира-лаборатория превращается в некий клуб ученых, где обсуждаются самые животрепещущие проблемы науки. Сюда нередко приходит академик Аксель Иванович Берг. Здесь рождается антивоенный плакат: перечеркнутая атомная бомба — Чахотину опять тесно в науке. Сюда заглядывают многочисленные ученики старого профессора: они работают с созданным им лучевым скальпелем, но сделав его еще более совершенным — из луча лазера и альфа-частиц. Наука не стоит на месте. И Чахотин тоже продолжает свои исследования.

— Помните, Павлов вырабатывал условные рефлексы у собак,— говорит он.— Так вот, кажется, мне сейчас удалось сделать то же самое для одноклеточных.— Профессор пододвигает мне окуляр микроскопа.— Видите, по капле бегает инфузория-туфелька. А вот невидимое препятствие, она его обходит. Там я ее ударил лучевым скальпелем. Видите: еще помнит. Интересно, когда, на какой стадии у живых существ появляется память? У меня здесь намечен цикл работ...

...Таким он и останется в памяти. Ученым, познающим мир, человеком, устремленным в завтра.

И сейчас, после его смерти, продолжаются исследования этого большого русского ученого, первооткрывателя в науке, свято любившего свою Родину. В лабораториях работают его ученики, живут написанные им книги. Он стоял у истоков науки, объединившей физику и биологию. Его открытия, его работам современная биофизика во многом обязана своими сегодняшними успехами.

Встреча танкистов 2-го Украинского фронта с танкистами 1-го Украинского фронта в Звенигородке 28 января 1944 года.

17 ФЕВРАЛЯ — 30-ЛЕТИЕ РАЗГРОМА ГИТЛЕРОВЦЕВ ПОД КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКИМ

СЛАВНАЯ СТРАНИЦА...

С. КАЛИНИЧЕВ

«Вечером в хату вваливается брат мой Василь. Лицо у него — аж светится. Как гаркнет: «Айда фашистов бить! Хочешь?» Интересно, кто же этого не хочет! Да только сидим мы пока при каганце за тремя засовами и в любую секунду готовы дать деру. Немец в последние недели сильно нервничает, лютует. К нам в Квитки каждый день беженцы так и идут. Жжет фашист села, угоняет скот. И людей, как скот, гонит. А в соседнем селе Селище — там у нас много родственников — что делается! Заходят жандармы в хату, выгоняют семью во двор и тут же, без разговоров, кладут всех из автоматов... Несколько семей так расстреляли... Мы знали, что наши уже Днепр перешли. Но до Квиток им еще, ого, как далеко! И, як то кажуть у нас, на Украине, пока солнце взойдет — роса очи выест... А Василь мне опять во все горло: «Айда фашистов бить! Что,— говорит,— не веришь? Наши в селе, советские! Сам видел! И даже разговаривал. Берут меня к себе в артиллерию, я и за тебя словечко замолвил». Тут я шапку в охапку да вслед за Василем. А в селе же немцы! Какая-то фашистская команда заночевала — гонят на запад гурты скота... Когда слышу — выстрелы! На том краю села!..»

Так рассказывал мне Михаил Павлович Масло. Мы сидели в библиотеке села Квитки с ним и с другими участниками февральских боев сорок четвертого года. Заведующий библиотекой Иван Романович Паливода, бывший партизан, а потом солдат, прошедший с боями от Квиток до Берлина, дополняет рассказ своего односельчанина:

— Ото ж мы стреляли! Мне ночью встретились разведчики во главе с лейтенантом Афанасьевым. Хоть и конец января, а грязища была такая, что не только сапоги, но и галифе в ней застревали. Я говорю нашим: начальник, мол, немецкой команды, что скот награбленный гонит, ночует в хате у Сони Паливоды. А Сонина дочка — от беды подальше — у соседей спит. Ну, разбудили мы девчонку, постучала она домой. В хате было переполошились. Но, когда Соня сказала, что стучит, мол, дочка, разрешили открыть двери. А мы тут как тут! Начальника пришлось застрелить — за пистолет схватился. Остальные сдались...

— По такой грязи не убежишь,— качает седой головой Григорий Филаретович Сахно.— Не, никак невозможно. Мы три дня Глушки атаковали. Помесили землицу. Мне особенно запомнилось потому, как трудно было. Я ж инвалид, еще в тридцать шестом снят с военного учета. И все-таки мы вышибли вражину из Глушек. Правда, «катюши» помогли. Сейчас, если случится идти в Глушки, обязательно нашу позицию про себя отмечаю. Просто не верится, что оттуда до села минут за пять пробегал!

— Я тоже еще до войны белобилетник,— вступает в разговор Антон Федосеевич Квитка,— но мы на это не обращали внимания. Да разве только мы, взрослые? Андрей Сидоренко понес в окоп отцу поесть. Приходит, а Самойло Миронович, отец его, значит, убит. Ну, мальчишка уже и не вернулся домой. С товарищами отца в окопах остался.

— Да, много наших погибло,— качают головами деды,— особенно там, где Степан Йосипович переходил, и возле Раззявиного ветряка...

Быть может, во мне и сейчас еще живет мальчишка военных времен, но этих дедов я слушал бы и слушал. В их неторопливых воспоминаниях причудливо переплелись и «Раззявин ветряк», и реактивные снаряды, и название местности, «где Степан Йосипович переходил», и «тигры», «фердинанды», и номера частей и соединений. В тех событиях, о которых идет речь, многое поражало своей необычайностью. Не случайно английский публицист Александр Верт писал, что Корсунь-Шевченковская битва — «один из самых удивительных подвигов за все время войны, совершенный, казалось, вопреки всем правилам военного искусства»...

В январе 1944 года весь левый берег Днепра был очищен от врага. 1-й Украинский фронт под командованием генерала Н. Ф. Ватутина занял Житомир, Казатин, подошел вплотную к Шепетовке и Виннице. 2-й Украинский под командованием генерала И. С. Конева вышиб фашистов из Кировограда. Река почти повсюду осталась в тылу наших войск. Но гитлеровцы еще держались на Днепре у Канева. Здесь их мощная группировка тупым клином упиралась в днепровское правобережье, разделяла войска двух наших фронтов, угрожая растянутым флангам. Геббельсовская пропаганда еще имела основание утверждать, что «немецкие повара берут воду для котлов из Днепра». А верховное командование вермахта не теряло надежды нанести отсюда удар и восстановить «восточный вал» по Днепру.

В группе армий «Юг» были сконцентрированы огромные силы гитлеровцев. Только танковых и моторизованных дивизий в этой группе насчитывалось свыше двадцати. Кроме того, в середине января на правобережной Украине разразилась небывалая даже для этих мест распутица. Гитлеровские генералы и помыслить не могли, чтобы советские войска в таких условиях решились предпринять сколько-нибудь серьезное наступление.

И — не в первый уж раз! — просчитались. 12 января советское командование приняло решение срезать Каневский выступ, в центре которого находился древний город Корсунь-Шевченковский...

Операция проводилась войсками 1-го и 2-го Украинских фронтов, их действия координировал заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. На подготовку отводился небывало короткий срок — десять — двенадцать дней. И наши войска уложились в это время. И не просто уложились, а провели подготовку скрытно, оставляя врага в полнейшем неведении...

На рассвете 24 января 1944 года войска правого крыла 2-го Украинского фронта перешли в наступление. Враг не сразу опомнился от неожиданно обрушившегося на него удара. Лишь через три дня, когда советские танки ворвались в Шполу, гитлеровцы пришли в себя и нанесли сильный контрудар у основания прорыва. С юго-запада атаковали три танковых и несколько пехотных дивизий. А с северо-востока — танковая дивизия СС «Викинг» и три пехотных. В тяжелых, кровопролитных боях наши бойцы отбросили врага, заставили его отступить. Противник оставил на поле боя много танков, орудий, тысячи раненых и убитых. А в прорыв, расширяя и углубляя его, двинулись конники 5-го гвардейского Донского корпуса генерала Селиванова.

Наступление войск 1-го Украинского фронта, в составе которого находилась и 1-я Отдельная чехословацкая бригада под командованием полковника Свободы, началось 26 января. Враг оказал бешеное сопротивление. Только в первый день наступления пришлось отбить шесть контратак противника. Тем не менее войска продвигались вперед. 28 января боевые машины 5-й гвардейской и 6-й танковых армий, входящих соответственно во 2-й и 1-й Украинские фронты, встретились в Звенигородке.

Однако создать сплошной фронт окружения

Алексей Николаевич КОСЫГИН.

К 70-летию со дня рождения.

Фото И. ФИЛАТОВА.

П. Мальцев, Н. Присекин. АВИАДЕСАНТ ПОД ВЯЗЬМОЙ В 1942 ГОДУ. Фрагмент диорамы.

еще не удалось. Лишь 31 января у села Ольшана завершилось окружение вражеской группировки. В Корсунь-Шевченковском котле оказались десять гитлеровских дивизий, одна мотобригада, многие отдельные артиллерийские, танковые, саперные части, штабные роты двух армейских корпусов противника — всего восемьдесят тысяч человек, вооруженных до зубов новейшей военной техникой. Теперь советскому командованию требовалось действовать молниеносно: ведь противник располагал крупными соединениями за пределами кольца. Враг не без основания рассчитывал не только вырваться из котла, но и причинить немалые потери советским войскам.

После жестоких боев у села Бурты гитлеровцы стали отступать на Городище. Все проселки были забиты машинами, артиллерией, конными повозками. Колеса вязли в грязи по ступицы: мощеных дорог в этом районе в те времена не существовало. Много техники гитлеровцам пришлось бросить. Не помогла и железная дорога, которую враг попытался использовать в качестве шоссе. Трясясь, как в лихорадке, по шпалам мчались бронетранспортеры, автомобили, танки. Но стоило появиться эскадрилье краснозвездных самолетов, и гитлеровцы, увязая в непролазной грязи, бросая все, бежали спасаться в окрестных оврагах...

Трудно приходилось и нашим войскам. Но жители ближайших сел помогали бойцам, гатили дороги, подносили щебенку, вытаскивали из грязи машины и пушки. Мужчины брали оружие и вставали в боевой строй. Женщины и дети вызывались в проводники.

13-летний Толя Сидоренко скрытыми стежками провел нашу часть в село Валяву. Во время боя за село Виноград почтальон Василий Иванович Козка вывел 25 наших бойцов и три машины, попавших в ловушку. За это его расстреляли фашисты. В бою за село Гули местная жительница Катя Бобровицкая помогала раненым, оттаскивала их в укрытие. А в разгар схватки, когда ранило пулеметчика, она заменила его и уничтожила огнем около пятидесяти гитлеровцев. Боевой орден, которым она была награждена, нашел отважную пулеметчицу лишь через пятнадцать лет...

Колонна автомашин с боеприпасами застряла возле села Щербашинцы, в семи километрах от передовой. Все село пришло на помощь. Двести четырнадцать человек взяли на плечи цинки с патронами, ящики со снарядами, минами, гранатами и пешком, увязая по колено в грязи, двинулись к передовой. Семь километров по грязи туда, семь — обратно. А потом снова и снова... В боевом донесении, которое и нынче нельзя читать без волнения, говорится, что всего было перенесено тогда 2 045 снарядов, 3 050 мин, много ящиков гранат и цинок с патронами...

Село Шевченково, бывшая Кириловка, где прошло детство великого Кобзаря, дало фронтам Великой Отечественной войны 835 солдат! 404 из них пали смертью храбрых... Замыкая внутренний фронт окружения, наши войска освободили это село. В Шевченково вошла рота лейтенанта Жданова. Смотритель музея великого поэта, один из его потомков — Терень Трофимович Шевченко, как самому дорогому гостю вынес лейтенанту книгу отзывов, которую прятал долгие месяцы оккупации. Взволнованный лейтенант открыл книгу. Последняя запись в ней была сделана в 1941 году, накануне прихода фашистских войск. Надпись гласила: «Мы вернемся, Тарас Григорьевич! Капитан Борисенко».

Комок подкатил к горлу лейтенанта. Он написал всего одну строчку, но выразил в ней всю радость победы: «Вернулись! Лейтенант Жданов»...

Все туже сжималось кольцо окружения. Нашим войскам помогали подпольщики Корсунь-Шевченковского «Комитета 103-х», партизанские отряды из соединения «Рыжего» и местные жители.

Бойцы 180-й стрелковой дивизии, уплотняя внутреннее кольцо окружения, выбили врага из Квиток. Но в следующем селе — Валяве — натолкнулись на прочную оборону и были вынуждены остановиться, ожидая подхода других частей. Вечером в Квитках на площади перед сельсоветом состоялся митинг. Все, у кого нашлись силы покинуть хату, пришли на площадь. Командир батальона, освободившего село, рассказал, что 180-я дивизия несколько недель подряд ведет тяжелые бои, что она поредела и что, если враг к утру перейдет в наступление, немногочисленным солдатам в Квитках придется туго.

— Есть добровольцы? — спросил комбат в заключение.

Толпа, заполнившая площадь, вся как один человек качнулась к трибуне. Тут же, на площади, 500 мужчин получили оружие. Но люди не расходились. Оружие требовали все. Тогда комбат приказал отобрать еще 600 человек — стариков, женщин, подростков — и поручил им копать траншеи на семикилометровой линии обороны на подступах к селу.

На следующее утро гитлеровцы пошли в атаку. Михаил Павлович Масло занял место в боевом расчете 76-мм орудия. Его брат Василь подавал снаряды. Когда отбили первую атаку, до смерти усталые, более двух суток не спавшие кадровые артиллеристы ушли в укрытие — спать. А сельские новобранцы остались на постах. Михаил Павлович смотрел в прицел, как в подзорную трубу. Вдруг он увидел — почти незаметный на темном фоне пашни, в лощинку спускается танк! Потом разглядел и пехоту, что накапливалась для новой атаки... Разбудил командира батареи. Офицер приказал:

— К орудию! Огонь!

В этот день Михаил Павлович, кроме танка, подбил еще самоходку и бронетранспортер. Фашисты атаковали ожесточенно. На одном из участков им удалось занять хутор Вербовский. Всех жителей, не успевших убежать, перебили, хаты сожгли.

Ветераны вспоминают погибших односельчан — Собченко, Масло, Квитка, Паливода... Накануне я долго не мог отойти от братской могилы. Меня поразили мраморные плиты, на которых высечены имена погибших жителей Квиток. Село не очень большое, но сколько однофамильцев!

Две недели село жило единым военным лагерем. Все было отдано, чтоб выстоять. И враг не прошел.

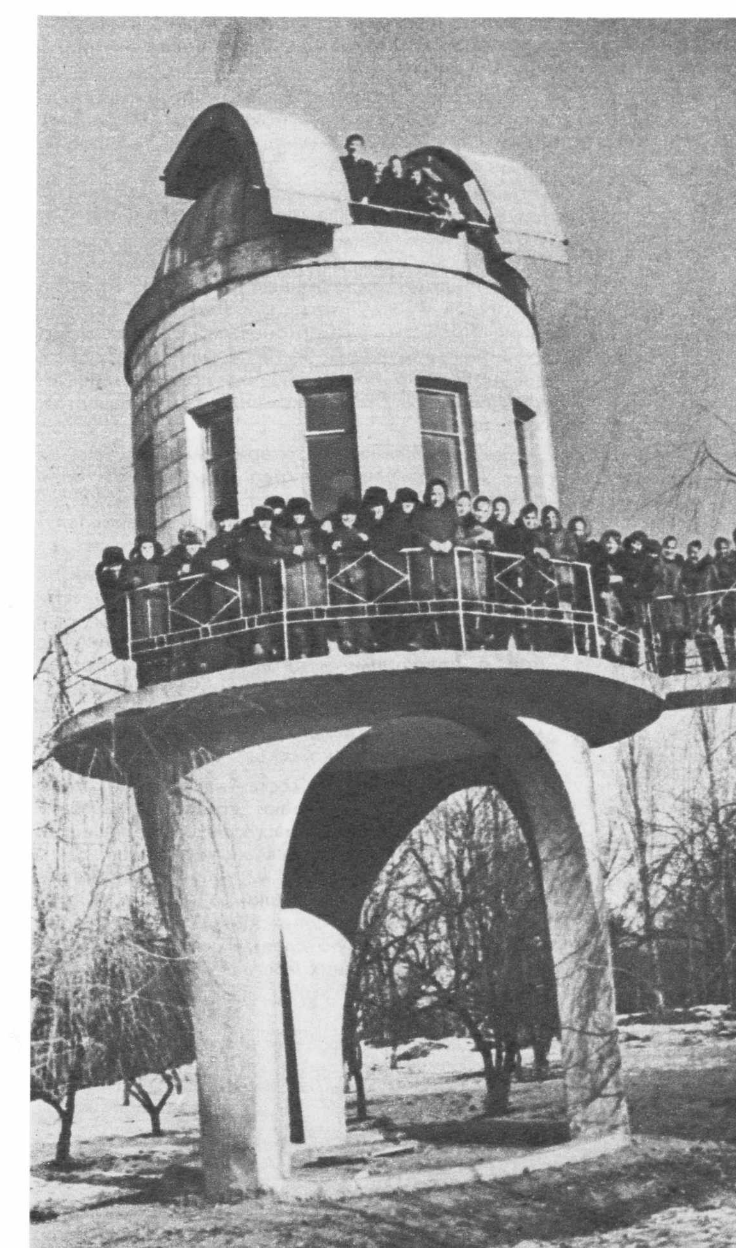
8 февраля советское командование, не желая дальнейшего кровопролития, предъявило

Они защищали село Квитки (слева направо): М. П. Масло, А. В. Кивенко, Д. М. Московченко, Г. Е. Шутенко, И. Р. Паливода, А. Ф. Квитка.

Д. И. Прудченко, заведующий кабинетом политобразования Корсунь-Шевченковского райкома партии, в прошлом начальник штаба 936-го полка, участник Корсунь-Шевченковской операции, рассказывает посетителям музея о своих однополчанах.

Школьная обсерватория в селе Сохновка.

Фото Г. РОЗОВА.

окруженным ультиматум, гарантируя вражеским солдатам и офицерам жизнь и возвращение после войны на родину. Ультиматум был отвергнут. Гитлер поставил на карту все. «Можете положиться на меня, как на каменную стену,— обещал он.— Вы будете освобождены из котла. А пока держитесь».

Восемь танковых и восемь пехотных дивизий врага, 600 самолетов и мощная артиллерия таранили наше кольцо извне и заняли Лисянку. Окруженные, пробиваясь навстречу, ценой огромных потерь заняли Шендеровку и Комаровку. Были дни, когда внешний и внутренний фронты окружения разделяли всего каких-нибудь 10 — 12 километров...

В ночь на 17 февраля, воспользовавшись тем, что наконец подморозило и разыгралась метель, окруженные предприняли последнюю попытку прорваться. Их построили в две огромные колонны. Одну возглавляли остатки танковой дивизии СС «Викинг» и мотобригады СС «Валлония». В другой колонне танков почти не было. Ее заранее обрекли на уничтожение, лишь бы отвлечь внимание от первой колонны, в которой на бронетранспортерах, под прикрытием танков, удирали эсэсовские генералы и старшие штабные офицеры. Всем солдатам было разрешено съесть неприкосновенный запас продуктов, им выдали тройную порцию шнапса, раненых перестреляли, ненужную для прорыва технику и тыловое хозяйство бросили. Это было отчаяние скорпионов...

О движении многотысячных колонн нашему командованию стало известно глубокой ночью. Чтобы определить их точное местонахождение, летчики Виктор Заевский и Владимир Лакатош подняли в свирепую метель свой По-2, чуть ли не на ощупь разыскали вражеские колонны и развесили над ними осветительные бомбы. И по этому колоссальному скопищу людей и техники обрушили огонь все виды советского оружия, блеснули сабли донских казаков генерала Селиванова — конники кинулись в угон бросившимся врассыпную гитлеровцам...

Верховный Главнокомандующий в своем приказе назвал Корсунь-Шевченковскую операцию вторым Сталинградом. Кроме десятков тысяч солдат, сотен танков и самолетов, уничтоженных на внешнем фронте окружения, внутри котла погибло 55 тысяч гитлеровцев и более 18 тысяч попало в плен. Был убит и генерал Штеммерман, командовавший окруженной группировкой...

Проиграв сражение под Корсунь-Шевченковским, гитлеровцы покатились на запад. Вскоре они сдали Винницу, потом Тернополь, Черновцы, Коломыю...

Председатель Президиума Верховного Совета Украины Иван Самойлович Грушецкий, бывший в то время членом Военного Совета 2-го Украинского фронта, в своих воспоминаниях приводит телефонный разговор, который состоялся между командующим 2-м Украинским фронтом И. С. Коневым и Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным. Сказав, как положено по уставу, что докладывает генерал армии Конев, командующий фронтом услышал:

— Поздравляю вас, товарищ маршал.

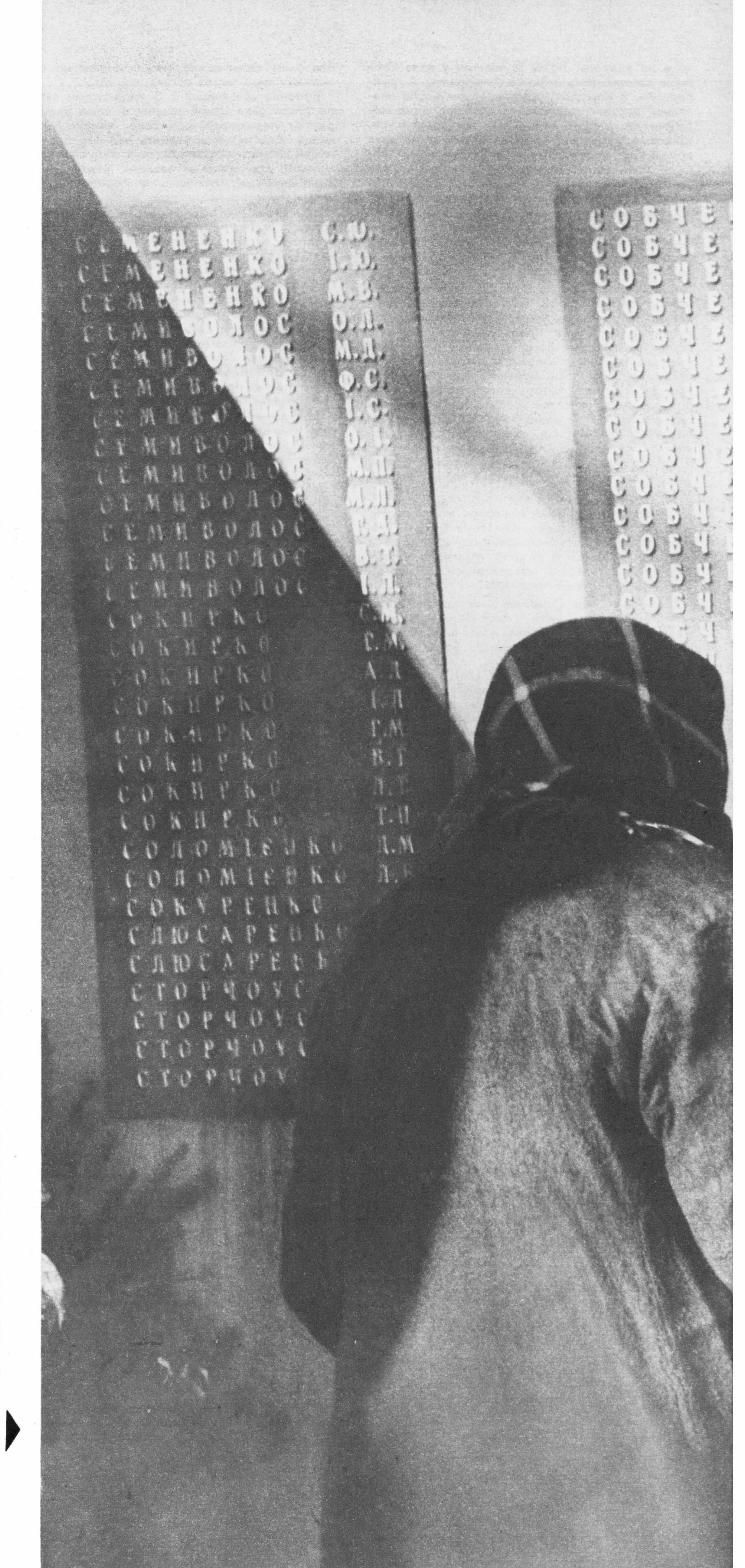
— Докладывает генерал армии,— повторил командующий, полагая, что его по ошибке назвали маршалом. Но Верховный в таких случаях не ошибался...

Вместе с ветеранами обороны села Квитки я проехал по местам боев. Древняя это земля. Богуслав и Корсунь были заложены еще Ярославом Мудрым. Здесь шли пограничные бои с половцами и татарами. Здесь Богдан Хмельницкий одержал самую убедительную свою победу над войском двух польских гетманов. Здесь родился и жил великий Кобзарь — Т. Г. Шевченко.

Хороши здешние места — красавица Рось, причудливые извивы реки среди космических нагромождений гранитных скал, кудрявые рощи, скифские курганы, казацкие могилы.

И рядом с казацкими могилами — поднятые на пьедестал танки и пушки... Они напоминают людям о том, что советские солдаты и офицеры вписали новую славную страницу в боевую историю здешних мест.

Память народная.

И.С.
М.І.
С.К.
О.А.
О.О.
С.Х.
С.І.
Ф.С.
І.Л.
П.Е.
С.Е.
П.П.
Т.М.
С.К.
І.П.
М.Ф.
Ю.Г.
Я.М.
І.М.
С.Н.
Ф.Г.
І.М.
М.М.
С.Т.
В.Т.
І.Т.
Г.О.
Д.В.

СИДОРЕНКО
СИДОРЕНКО І.І.
СИДОРЕНКО І.А.
СИДОРЕНКО
СИДОРЕНКО І.И
СИДОРЕНКО С.М
СИДОРЕНКО Ю.Т
СИДОРЕНКО Л.І.
СИДОРЕНКО А.М.
СИДОРЕНКО И.
СИДОРЕНКО М.П
СИДОРЕНКО І.С
СИДОРЕНКО А.П.
СУХЕНКО А.С.
СУХЕНКО О.М.
СУХЕНКО Г.М.
СУХЕНКО В.Х
СУХЕНКО Й.Х
СУХЕНКО
СТЕЦЕНКО С.Н
ТИМОШЕНКО І.Т.
ТИМОШЕНКО І.Й.
ТИМОШЕНКО Г.П.
ТИМОШЕНКО В.О
ТИМОШЕНКО
ТИМОШЕНКО

ТАРАНЕНКО
ТАРАНЕНКО
ТАРАНЕНКО
ТРИГУБ
ФЕДОРЕНКО
ФЕДОРЕНКО
ФЕДОРЕНКО
ХАРЧЕНКО
ХМУЛЕНКО
КОМЕНКО
ЦІОН
ЦІОН
ЦІОН
ЦІОН
ЦІОН
ЧОРНОУС
ЧИСТЯЧЕНК
ШПУНТЕНКО
ШЕВЧЕНКО
ШЕВЧЕНКО
ШЕВЧЕНКО
ШЕВЧЕНКО
ШЕВЧЕНКО
ШУЛЬГА
ШУЛЬГА
ШУЛЬГА
ШУЛЬГА
ШАМУЛІН
ШПУНТ

Анатолий КАЛИНИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Со своими цыганами за это время он почти не встречался, если не считать тех повозок, встречаемых или обгоняемых им на степных дорогах, которые тотчас же и оставались позади его мотоцикла. Чаще же совсем издали виделись его взору их силуэты, крадучись, скользящие в стороне от больших шоссе на серой холстине неба.

Но, признаться, и не искал он этих встреч, совсем наоборот. Не очень-то ему хотелось встречаться с теми из соплеменников, которые с недавних пор опять будто с цепи сорвались. А если и не миновать было их, этих грустных встреч, то, еще издали завидев знакомые телеги с трепещущими над ними под ураганным ветром, испещренными заплатами лантухами, а то и не прикрытые ничем, с ворохами тряпья, в котором копошились детишки, он нажимал на педаль мотоцикла, спеша прошмыгнуть мимо. Пока еще кто-нибудь, чего доброго, не окликнул его. Особенно невыносимым было бы для него теперь встретиться с блестящими глазенками этих одетых в грязные лохмотья несмышленышей, полностью подвластных воле своих отцов, матерей и бабок и не ведающих, какая их в будущем может ожидать участь. Как будто они могли заглянуть этими черными глазенками ему прямо в душу и опять разбередить в ней то, что и без этого непереставаемо тлело там, как жар под пеплом.

И что бы он теперь мог сказать своим соплеменникам: что вся эта кочевая жизнь, опять потянувшая их к себе,— это сплошная нужда, обман и в конце концов непереставаемая война со всеми другими людьми, не говоря уже о блюстителях закона? В то время как рядом есть другая, большая жизнь, из которой они исключили себя сами. Но все это они знали и без него. И все же опять выплеснулись на все дороги в степи, едва лишь почудилось им, что под ржавчиной времени уже потерял, утратил свою силу и этот повергший их в трепет указ, как со временем обычно теряют силу и все другие самые грозные указы. И чтобы ему самому пришлось отвечать на их неминуемый встречный вопрос: «А как же это ты сам, Будулай, опять тоже очутился на колесах?»

Нет, уж лучше сразу же, при появлении на горизонте этих печальных телег, до отказа нажать на послушную тебе педаль и, окутываясь облаком дыма, не взглянув в их сторону,— мимо. Чтобы только промелькнули эти цветные заплаты на мешковине нахлобученных на телеги шатров. Вж-жик — и нет их. Мимо этих черных глазенок, чтобы не успели они царапнуть по сердцу. И чтобы цыганские кони едва успели шарахнуться от его металлического коня, промчавшегося мимо них с ревом.

А там пусть вскакивает во весь рост на телеге цыган и, свирепо ругаясь вдогонку, крутит над головой кнутом. Пусть цыганка от ярости хоть на всю степь визжит, посылая на его голову проклятия.

Но недаром же, кроме обычного, еще и цыганское радио есть. Неизвестно, каким образом, опережая мотоцикл Будулая, бежал, катился по степи слух о том одиноком цыгане при полном иконостасе боевых орденов, который то больше всех раздирался за то, чтобы всех сразу цыган на землю посадить, а то вдруг его самого как будто этой самой черной бурей с места сорвало, и он уже никак не мо-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5 — 7.

жет остановиться, колесит и кружит по всем дорогам с утра до ночи.

Но кочует всегда только один-одинешенек и даже чурается своих же цыган, видать, слишком гордый. Вообще, какой-то странный цыган. То пристанет дня на три к какой-нибудь старушке, давно брошенной богом и людьми, залатает ей худую крышу и перекопает весь огород, то побудет при какой-нибудь тракторной бригаде за кузнеца-слесаря или же за водопроводного мастера в детском саду. Но от платы за свою работу наотрез отказывается и даже пол-литрами не берет, довольствуясь тем, что покормят его обедом,— и тут же опять перекидывает ногу через седло своего мотоцикла. Еще не старый, но уже волосьями, как стиляга, оброс. Говорят, он и раньше какой-то чокнутый был. А теперь, слышно, взялся всех своих товарищей, с какими на фронте в казаках служил, объезжать.

И катившееся по степи цыганское радио вдруг заключало: но, может быть, он совсем и не цыган.

Но однажды ему пришлось и перед наглухо запертыми воротами подождать. Что-то слишком рано за ними отходили ко сну хозяева и спали так крепко, что даже и овчарка, давно почуявшая чужого, долго не могла разбудить их своим лаем. Наконец, выпущенная из дома в глубине двора, она так и ударилась об забор, встав на дыбки, и Будулай прямо перед собой почувствовал ее дыхание сквозь щели в досках. Вслед за этим услышал он и то, как препирались за воротами голоса: мужской с женским.

— Ты за своей бухгалтерией в подвале совсем стала глухой.

— А ты бы еще громче храпел. Хоть за ноги выноси.

— И покуда всю эту механику отопрешь, человек может плюнуть и уйти.

— Самостоятельный в такое время не станет по гостям шляться, а кто-нибудь из твоих каплюжников и подождать может.

Кажется, и Будулаю надо было поворачивать обратно. Скорей всего, он так бы и поступил, если бы в эту минуту не заиграли за воротами с тягучим лязгом запоры.

— Вр-рата замка...— сердито бормотал мужской голос.

— Нет, сперва надо узнать...— И не замеченная Будулаем в калитке задвижка отодвинулась у него прямо перед лицом с таким стуком, что он отшатнулся. В проеме форточки забелело лицо:

— Кто?

— Будулай.

— Какой такой Будулай? — подозрительно переспросила женщина.

Но теперь уже мужской голос рявкнул за воротами так, что Будулай сразу же узнал своего фронтового друга Шелухина.

— Что значит, какой?! Да цыц ты! — прикрикнул он на охрипшую от горлового клекота собаку. И под его руками пал последний запор. Женская фигура тут же повернулась и пошла прочь от них в глубь двора, где светились окна дома.— Видал? — впуская Будулая в калитку, спросил его фронтовой друг.

— Нет, так у нас с тобой не пойдет разговор,— решительно заявил он через десять минут, когда они уже сидели вдвоем в комнате за накрытым бархатной красной скатертью столом.— Если хозяйка сама не изволит догадываться, как ей следует фронтового друга своего мужа встречать, значит, мне самому придется нанести ей в ее крепости визит.— Ногой в белом шерстяном носке он глухо постучал по застланному толстым ворсистым ковром полу.— Ты только, Будулай, старайся тут без меня не шевелиться, чтобы на тебе, чего доброго, не захотел попробовать свои клыки этот зверь. Я сейчас вернусь.

И все время, пока он отсутствовал, лежащая в углу комнаты серая овчарка не сводила с Будулая своих узко поставленных глаз. Еще с тех самых пор, когда ему, бывая в разведке, приходилось с такими овчарками дело иметь, не очень внушали ему доверие эти волчьей породы псы. На всякий случай он стал припоминать, как ему, в случае надобности, надо будет повести себя с этим зверем. Тем более что и ждать пришлось довольно долго. Из-под пола той самой комнаты, где сидел Будулай, еще долго доносились до него все те же два сердитых голоса, пока наконец его фронтовой друг Шелухин не появился в дверях с графином красного виноградного вина в руке и с почти столь же красным лицом.

— Как говорится, преодолевая яростное сопротивление противника...— весело сказал он, ставя графин на стол перед Будулаем. И тут же, без промедления разливая вино по бокалам, с удивлением покрутил головой.— И хоть бы, скажем, магазинное, а то ведь полный подвал своего. Красностоп золотовский,— не без гордости объявил он, поднимая в руке свой бокал. Языком красного пламени плеснулось в нем вино.— За все доброе! — Но тут же голос его и потускнел, когда он поставил пустой бокал на стол.— Хотя и где оно, доброе? Как бывший разведчик, ты сразу должен был увидеть, Будулай, как я живу.— И ногой в домашней вязки носке он опять постучал по застланному ковром полу.— Слышишь, булькает...— Из-под пола действительно доносились какие-то булькающие звуки вперемежку с отрывистыми щелчками.— А это она кидает на счетах свой дебет-кредит,— отвечая на взгляд Будулая, пояснил Шелухин.— Теперь почти до утра будет из бочек в баллоны переливать и подсчитывать будущий доход. Ты не шути, у нее, брат, там и раскладушка стоит. Что же ты не пьешь? Все-таки, должен же ты моего собственного производства вино оценить.

Пришлось и Будулаю из своего бокала отпить. Нет, он не взялся бы о себе сказать, что сколько-нибудь понимает в винах. Как-то не успел привыкнуть к ним за свою жизнь. Но здесь, кажется, и несведущему можно было понять, каким было это красное виноградное вино.

— А я что говорю! — с удовлетворением понаблюдав за ним, заключил Шелухин.— Я же сказал, что это красностоп. В чем, в чем, а в этом я, слава богу, научился разбираться. Могу хоть перед Организацией Объединенных Наций экзамен держать. Потому что это не какое-нибудь фирменное, а свое. Но с этого-то все и началось...— неожиданно подытожил он, снова наливая себе из графина в бокал.

От своего бокала Будулай его руку отвел.

— У меня еще есть.

— Ну, как хочешь. Как говорится, была бы честь предложена.— Не отрываясь, Шелухин тут же и выпил свое вино. Будулай невольно заметил, что рука у него, сжимавшая ножку бокала, дрожит мелкой, прерывистой дрожью. И на щеках у его фронтового друга всего после двух выпитых бокалов уже появился лиловый, сизый румянец.— С того началось, что привез я ее на этот берег двадцать лет назад и сказал: «Вот здесь мы и заложим сад нашей будущей счастливой жизни.— Он криво дернул одной стороной подстриженных усов.— А еще по прошествии некоторого времени будем здесь с тобой с этого сада свое собственное вино пить». И как ты видишь, Будулай, все это в точности сбылось. Теперь те из товарищей, которым еще удается прорваться ко мне сквозь эти врата замка, восхищаются: «У тебя здесь цветущий эдем, оазис благополучия и любви. В таких условиях ты обязан не меньше ста лет прожить...»

В углу комнаты захрапела убаюканная голосом своего хозяина овчарка, положив на вытянутые лапы волчью морду. Однако стоило Будулаю лишь резче обычного скрипнуть стулом, как тут же и напряглись у нее хрящеватые уши, замерцали из угла зрачки. Ее хозяин снова усмехнулся под усами одним углом рта.

— Видал? На войне твой друг думал, что от этих серых призраков фашизма потом не останется и следа, а теперь в городе в собачьем ряду под руководством своей молодой женушки собственноручно этого цербера отбирал.— Он снова взялся рукой за горлышко графина. Будулай дотронулся до его руки своей.

— Может, уже не стоит?

— Ты, что же, боишься, как бы твой фронтовой друг не спился, да? — Полуприкрыв веки, Шелухин смотрел в свой бокал, как будто видел там что-нибудь, и вдруг вскинул на Будулая черточки острых, как у кота, зрачков.— А если он уже спился, тогда что? — Но тут же он и успокоил Будулая, поднимая кустистую губу над подковкой вставных золотых зубов.— Ты не бойся, я и сам, если захочу, могу в любой момент прекратить. Если не веришь, могу тебе клятву дать.

— Я тебе и так верю,— поспешил сказать Будулай.

— Но в том-то и дело, что я не хочу. Не то что не могу, а вот не хочу, и все! — повторил Шелухин с угрозой в голосе.— А вот теперь уже не булькает,— склоняя голову набок, опять прислушался он. Из-под ковра и в самом деле уже не доносилось никаких звуков. Он с уверенностью добавил: — Шабаш. Все до последнего литра разлито, и все она уже разнесла в своей бухгалтерской книге по графам и сортам и теперь умаялась так, что у нее даже не осталось сил подняться наверх. Я же тебе сказал, у нее на этот случай и раскладушка стоит. А на неделе мы с ней повезем на своем «Москвиче» все это добро в Шахты в радужные бумажки превращать, спаивать рабочий класс. Да, да, не смотри на меня такими глазами, у нас там на базаре и свое специальное место есть и своя клиентура, оценившая за эти годы качество нашего натурального вина. У меня, Будулай, даже спецодежда есть, я ее скафандром зову: белый халат с колпаком и клеенчатый фартук. Ты бы хоть раз посмотрел на своего старого боевого друга, как он в воскресный день стоит в этом скафандре посреди базарной толпы и зазывает покупателей.— Шелухин вдруг стал выкрикивать речитативом: — Сибирьковое, ладанное, пухляковское, раздорское!! — Пружинисто вскакивая, зарычала в углу овчарка.— Лежать! — скомандовал ей хозяин, и она опять улеглась, укладывая на лапы морду.— И хотя бы ради чего было обвешиваться всеми этими коврами! — Полукругом поворачивая голову, он исподлобья обвел стены комнаты взглядом.— Тогда бы хоть можно было тешиться, что все это наживается не для себя, а для счастливого будущего своих детей...— Рука его, тоже описывающая полукруг, как неживая, упала на стол, стукнув костяшками пальцев.— Но у нас с ней, Будулай, теперь уже наверняка не будет детей.— Он дернул одним усом.— Нет, она баба, несмотря на свою угрюмую злость, вполне здоровая, ей бы только рожать, и я, невзирая на свой возраст, еще не такой, чтобы на стороне подкрепления просить, но ей, видите ли, не улыбается остаться одной с дитем на руках. Хотя с тех пор, когда она первый раз сказала это мне, мы уже вполне смогли бы и сына в армию проводить и дочку замуж выдать. Еще и теперь бы нам не поздно, люди в этом возрасте только в брак вступают, но она и слышать не хочет. Теперь уже говорит, что об этом надо было раньше думать. А уже если она себе затвердила что-нибудь, то нет такого чело...— Язык уже отказывался ему повиноваться, и лишь после явного усилия он смог раздельно договорить: — Че-ло-века, чтобы ее пере... пере-го...— Но перешагнуть через это новое препятствие ему уже оказалось явно не под силу. Голова его, склоняясь над столом, заколыхалась из стороны в сторону. Он спал, как маятником покачивая ею на безвольной шее. Но вдруг он, резко вздергивая ее, совсем трезво взглянул на Будулая.— А у тебя, цыган, уже большие дети? — Будулай не сомневался, что рано или поздно стрелка их разговора обязательно должна будет набрести на эту волну, и все же растерялся в первый момент. Однако тут же и выяснилось, что Шелухин и не ждал от него ответа на свои слова, а сам же и ответил на них, блеснув из-под усов своей вставной улыбкой: — Нашел у кого спрашивать... У вас же, если и есть дети, все равно что их нет. Вы только и умеете их сразу по дюжине плодить, а там пусть сами же и цепляются своими ручонками за жизнь, а если у кого не хватило для этого силенок, значит, не судьба. Взамен одного слабого можно еще полдюжины наплодить, чтобы они на базарах батрачили на своих отцов и матерей. Ты, надеюсь, на меня не обиделся, Будулай, лично тебя я не имею в виду, потому что о присутствующих, как известно, не говорят. Но если все-таки обиделся, то мне недолго свои слова и обратно взять.— Будулай ничего не ответил ему, и он, поколыхав над столом головой, опять поднял ее.— В городе Новочеркасске, где я рос, весной всегда акация так цвела, что крыши домов плавали, как льдины в снегу, и просто уже нечем было от этих гроздей душистых дышать. И все, помню, мне хоте-

лось поскорее уехать из этого белого дурмана куда-нибудь подальше. Вот и теперь, Будулай, иногда на меня такая муть нахлынет, что прямо-таки завязал бы глаза и бежал куда-нибудь из этого оазиса благополучия и любви. Старые товарищи к нам давно уже не ездят, и мы не ездим к ним, а какая же это любовь без людей? Бежал бы из этого эдема на сто донских виноградных чаш и вообще от всей этой полной чаши с ее двумя сторожами в лице этого волка и молодой красивой жены. Так бы надвинул на глаза шоры и не оглянулся назад.

— Что же тебе...

Будулай спохватился. Но уже поздно было. Вопреки его ожиданию Шелухин ничуть не обиделся, даже поощрительно взглянул на него:

— Мешает?.. Да? Это ты хотел сказать? А никто, я сам. Тебе, Будулай, когда вздумалось, ничего не стоит прыгнуть на своего коня и опять расчесывай бороду ветром, потому, кроме этого сундучка на твоем мотоцикле, у тебя ничего нет. А мне уже не прыгнуть. Легко ли расстаться с этим кирпичным домом, в котором, если захочешь, можно хоть в футбол играть? И с этой усадьбой на сто виноградных кустов, каждый из которых своими же руками посадил? Свое вино... Хотя и конца всему этому нет. Чем больше у тебя есть, тем, оказывается, еще больше давай. И обратного хода из этого вентеря не бывает. Если смолоду, когда это рабское благополучие еще только начало затягивать тебя, вовремя не пресек, то потом уже поздно. Самому же бывает и боязно с ним расстаться, мне это лично известно.— Он быстро дотронулся до руки Будулая, лежавшей на столе.— Ну, а как бы все-таки ты на моем месте поступил?

Будулай убрал свою руку под стол.

— Ты это лучше меня должен знать.

По лицу Шелухина пробежала тень.

— Я у тебя, как у друга, спрашиваю, а ты мне отвечаешь, как Чжоу Энь-лай. Но ты прав, кроме меня самого, этот узелок никто не сможет разрубить. И я, бывало, совсем уже начну собираться, потихонечку начинаю со своего чемодана смахивать пыль — и в самый последний момент сам же даю отбой. Как вспомню, что она мне всю свою молодость отдала, и становится мне ее жаль. Если разобраться, из-за меня же она и сделалась такой. Сам же я затянул ее в этот круг, а теперь уже она не отпускает меня из него.— Склонив голову набок, он внимательно прислушался.— Нет, оказывается, я ошибся, с розливом и подсчетом будущих барышей у нее покончено, но теперь она, высунув язычок, выводит на этикетках: «Гамбургский черный», «Донской мускат», «Рислинг»...— Убаюканная голосом хозяина, храпела в своем углу овчарка.— К тому же и поклепом было бы с моей стороны сказать, что все эти годы она была мне плохая жена. Несмотря на то, что я вдвое ее старше, а для молодой женщины не очень-то веселое занятие растирать и отхаживать своего мужа, когда он начинает разъезжаться по всем швам. Другая от одного моего храпа сбежала бы на другой день. И что самое непонятное, она, судя по всему, любит меня! — С изумлением поднимая от бокала свои светлые навыкате глаза, он уставился на Будулая.— Вот и попробуй после всего этого от нее сбежать, если ты не последняя сволочь. Если к тому же и в глубине души ты сознаешь, что некого тебе в своих бедах винить, кроме самого себя. Никто же не виноват, если тебе самому захотелось своего вина.— И, усмехнувшись под усами своей кривой улыбкой, он спросил: — Ну, а как же все-таки, по-твоему, хорошее оно или нет?

— Не очень я в этом разбираюсь,— сказал Будулай.

— А я и не спрашиваю, разбираешься ты или нет. Не увиливай, цыган. Лично тебе оно понравилось или нет?

— Понравилось.

Шелухин обиженно засопел:

— Это же не из какой-нибудь разносортицы смесь, а чистой пробы красностоп. Этой лозы скоро будет на Дону днем с огнем не сыскать. И на глаз,— поворачиваясь к электрической лампочке, он поднял в руке бокал,— как самая сверхранняя заря, и на вкус...— Прихлебнув из бокала, он поставил его на стол,— тут тебе и полынь, и донник, и вообще помесь радости с грустью. Если бы я захотел, я бы за это вино мог на всяких там дегустациях золотые медали с дипломами получать. Да мне они ни к чему. Ну, а раз оно тебе нравится, Будулай, то, значит, пей.— Он опять взялся за графин.

Будулай поспешил прикрыть свой бокал рукой.

— С меня хватит.

У Шелухина дернулся ус на одной стороне губы.

— Насильно я тебя не собираюсь заставлять. Что-то ты слишком мудрый стал, Будулай. Ну, тогда и я не стану больше пить. От этого золотовского меня сегодня совсем развезло.— Он покачал за горлышко графин.— Ложись здесь на диване, а я заберусь куда-нибудь в самый дальний куток, чтобы тебе не слышен был мой храп. Нормальному человеку со мной под одной крышей невозможно уснуть.

Но, уходя, он все-таки не забыл прихватить с собой и графин с остатками красного вина. Вставшая со своего места в углу овчарка, сонно потягиваясь, поплелась за своим хозяином на другую половину дома.

Все-таки утром на прощание Шелухин еще раз требовательно спросил у Будулая:

— Вчера ты так и не ответил прямо на мой прямой вопрос, что мне, по-твоему, надо делать?

Не хотелось Будулаю и на этот раз ему отвечать. С какой стати было записываться в судьи чужой жизни, если и себя самого не всегда можешь до конца понять.

Но тут из-за обшитой белой цинковой жестью двери винного подвала, из низов дома появилась жена Шелухина и остановилась на пороге, с откровенной неприязнью глядя на то, как прощаются они друг с другом. Это впервые Будулай увидел ее. Да, конечно, сразу можно было сказать, что она на много лет моложе была его фронтового друга и еще хороша собой, статна. Но и что-то неуловимо старило ее, может быть, эта складка губ, сомкнувшихся чересчур плотно, а может, и откровенно неласковый взгляд из-под черных густых бровей. С седла мотоцикла Будулай кивнул ей, дотрагиваясь рукой до края своей шляпы, но она не ответила ему ни каким-нибудь, пусть самым легким, движением, ни единым словом. Клеенчатый, с бурыми пятнами и подтеками передник был на ней, а в руке она держала связку больших и маленьких ключей. Одним из них, должно быть, запирался и этот большой полукруглый замок, выглядывающий из-за ее плеча на обитой цинковой жестью двери винного подвала.

И тут Будулай, уже надавив ногой на педаль мотоцикла, неожиданно для самого себя сказал всего одно слово своему фронтовому другу:

— Бежать.

* * *

По ночам в прибрежных талах за Доном и в вербном лесу на острове шуршало и трещало так, как будто там стадами бродили забытые нерадивыми хозяевами телята, и ни единой лодки не оставалось на приколе у хуторского берега, неутомимо хлюпали весла, раздавался над водой откровенно счастливый воркующий женский смех вперемежку со стыдливо приглушенным, мужским. И хотя бдительные старшины, соблюдая строжайший приказ своего начальства, зорко стерегли расквартированных по хутору курсантов, у каждого дома не поставишь по старшине, а этот большой казачий хутор, на километр растянувшийся по берегу Дона, смахивал скорее на станицу.

А наутро на осенних огородах и виноградниках женщины обменивались между собой самыми последними известиями и сводками с переднего края этой минувшей ночи любви. Катька Аэропорт, состригая секатором с виноградной лозы гроздья и укладывая их в плетеную корзину, то и дело разгибалась и потягивалась, похрустывая всеми косточками.

— Э-эх, подруженьки, мне бы сейчас наподобие Валентины Терешковой вокруг Земли полетать.

Подруженьки недоумевали:

— С какой же стати?

— Чтобы вы за это время заместо меня норму выполняли, а про меня по радио сообщали: «У космонавта Екатерины Колмыковой в данный момент по графику отдых».

Подружки советовали:

— Ты бы лучше, Катька, попросила сельсовет тебе твоего сержанта на какого-нибудь другого квартиранта сменить.

Катька Аэропорт наотрез отказывалась:

— Не могу.

— Почему?

— Потому что злее рыжих никого не бывает в любви.— И, сочно зевая, Катька прикрывала ладонью накрашенный рот.— Все равно я бы согласна была, чтобы эти военные учения проводились в нашем хуторе круглый год. Мне с такими подобными квартирантами никогда не бывает скучно. Это вот только временная напарница моя не знает, куда ей себя со своим квартирантом от скуки девать.— И Катька скашивала глаза в сторону Клавдии Пухляковой, тоже обстригающей секатором с куста гроздья.— Я бы, Клавдия, на твоем месте знала, что мне делать. Какого же тебе еще нужно, а? Еще моложавый, недурной и при таком чине. А самое главное, неженатый.— С игрового Катька переходила на деловитый и горячо убеждающий тон: — Какого тебе еще рожна?! Тебе счастье привалило прямо в дом, осталось только руки протянуть, а ты еще чего-то ждешь. Везет же людям! Уж я бы на твоем месте знала, как надо с твоим полковником обойтись.

Взглянув на ее раздувшиеся ноздри, на приоткрывшийся рот, обнаживший влажные зубы, можно было не сомневаться, какая бы участь могла ожидать этого самого полковника, окажись он на квартире у Катьки. Хорошо зная ее характер, Клавдия только улыбалась, и, разочарованная ее молчанием, Катька Аэропорт заключала:

— Ну, а если ты такая бесчувственная, то повыполняй тут пока норму за меня, а я полчаса передремну. Моченьки моей больше нету. И, смотри, не забудь меня под бок ногой ширнуть, если наш драгоценный бригадир или же сам председатель, не дай бог, нагрянет.

И, повалившись ничком на землю в тень виноградного рядка, она тут же мгновенно засыпала. А через минуту, сморенная внезапным приступом сна, валилась на теплую землю какая-нибудь женщина в соседнем рядке, не выпустив из руки секатор. То и дело то в одном, то в другом рядках колхозной виноградной плантации, как подкошенные, падали под кусты женщины и молодые девушки, а их верные подружки в это время начинали вдвое быстрее щелкать секаторами, выполняя и за них норму, чтобы вскоре также повалиться на землю. Посменно одни валились между рядами, а другие оставались на посту, сторожа короткий сон друг дружки от взоров бригадиров и другого начальства, которому ровным счетом никакого не было дела до того, что женщинам обязательно надо было хоть немного набраться сил перед очередным бодрствованием на переднем крае новой ночи любви. Известно, что бригадирам и агрономам только норму подавай.

А в теплой осенней степи, среди позолоченных солнцем спелых гроздьев, под мелодичное пощелкивание секаторов так сладко спалось!

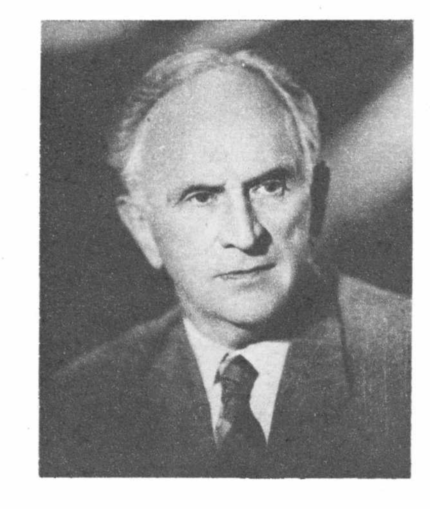
Напрасно Тимофей Ильич, объезжая виноградники и фермы, грозил, что специальным решением правления раз и навсегда прекратит эти ночи любви, будет лично патрулировать по Дону на моторке, а по кустам краснотала ревизию наводить, иначе так до заморозков и останется висеть на лозах виноград. Никто не пугался его угроз. Катька Аэропорт, когда он как-то принародно постыдил ее, что у нее скоро останутся кожа да кости, а глаза совсем провалятся от этих бесконечных дежурств на воде и за Доном в кустах, ничуть не обидевшись на него, заиграла своими изумрудами и отпарировала:

— Это вы какую-нибудь другую, Тимофей Ильич, постыдите, а мне, слава богу, незачем прятаться по кустам. Мне и дома на моей кровати с пуховой периной хорошо. И насчет моей кожи да костей, если вам лично неизвестно, вас полностью может в курс дела мой рыженький квартирант ввести. Это я только на вид худая, а так у меня все на месте.

И для убедительности она так извернулась перед Тимофеем Ильичом бедрами и всем телом, что он даже попятился.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Г. ЛИДИНА

МОЛОДОСТЬ ДУШИ

Виктор ПАНКОВ

Одну свою книгу Владимир Германович Лидин назвал «Люди и встречи». Автор считает ее данью людям, каждый из которых «по-своему оставил глубокий след в его сознании». Их было много, таких людей,— либо спутников жизни, либо друзей, либо тех, кого пришлось, по слову автора, видеть в действии.

Трудно перечислить всех, но хочется назвать хотя бы некоторые имена — с ними связаны характерные черты в литературе разных десятилетий. Больше всего Владимир Германович вспоминает о советских писателях — М. Горьком, А. Малышкине, В. Вересаеве, А. Фадееве... Были встречи и с иностранными литераторами — А. Барбюсом, Р. Ролланом, С. Цвейгом, Ф. Вольфом и другими.

Да, многое сохранилось в кладовых памяти этого человека за 80 лет его жизни. Вот он идет по Сорренто к дому Горького и беседует с ним о молодой советской литературе, о молодых писателях 20-х годов.

В Берлине двадцать второго года он встречается с Алексеем Толстым, и тот, обеспокоенный модой на ломку законов русского языка, озорно демонстрирует свою неприязнь к сомнительной моде на верстке книги... самого Лидина: «Он взял из моих рук верстку и вдруг, точно конфетти на карнавале, стал разбрасывать ее по улице.

— Что,— ликовал он затем, когда я, лавируя между машинами, собирал по всей улице листки,— пособирай, пособирай... будете знать, как разбрасывать фразу! Придет время, начнете так же собирать.

Он преподал мне предметный урок правил русской грамматики в ту пору, когда фраза действительно летела неизвестно куда и когда некая словесная заумь становилась модой не для одного литератора».

Владимир Германович рассказывает нам о живом, нехрестоматийном Пришвине — где жил, как писал, охотился... Кстати, напоминает и о манере разговора: несколько штрихов проведет — и человек оживает, словно ты, читатель, сам его видишь.

При Лидине сменилось уже несколько поколений писателей. Работать в литературе он начал до рождения моих сверстников, с 1915 года. После гражданской войны литераторская активность его резко возросла. Часто выходят сборники, в том числе «Моря и горы», «Норд», «Пути и версты». Рассказы и очерки подготовили автора к созданию романов в 20-е и 30-е годы — «Идут корабли», «Отступник», «Могила неизвестного солдата», «Великий или Тихий».

В годы Великой Отечественной войны В. Г. Лидин — корреспондент «Известий», автор книги очерков «Зима 1941 года», а затем романа о войне «Изгнание».

В мирное время писатель не снижает творческой целеустремленности, хотя лета не убавляются, а прибавляются. Помимо романа «Две жизни», он автор множества рассказов. Можно сказать, ныне Владимир Германович — один из самых активных приверженцев малого жанра. Его рассказы и очерки часто публикуются на страницах газет и журналов.

О такой творческой бодрости, неутомимости, литературной молодости я думаю с уважением и восхищением.

Много о В. Г. Лидине писалось как о редком библиофиле. Коллекция его книг необыкновенна, в ней есть редчайшие экземпляры книг прошлого и современности.

Особо следует сказать о Лидине — педагоге, руководителе семинара прозы, председателе Государственной экзаменационной комиссии Литературного института имени А. М. Горького. Здесь старейший профессор института инициативен и неутомим, строг, но дружествен.

С ним приятно встречаться. Худой, слегка согбенный, он приветлив, собран, остроумен. Он любит разузнать все важное о своих товарищах, обменяться новостями.

В общем, на восемьдесят он не выглядит: писатель Лидин пишет, профессор Лидин преподает, председатель ГЭК Лидин воинственно требует высокого качества дипломов. Молодость души сохраняется. Так пусть всегда будет молодость!

— Тьфу, бессовестная! С тобой только связись.

Присутствующие при этом разговоре женщины садовой бригады смеялись, а Катька Аэропорт серьезно соглашалась:

— Вот это верно. По этому сугубо личному вопросу вам лучше не связываться со мной. Потому что никто мне не может запретить и за всю мою прошлую одинокую жизнь теперь отлюбить и для запаса на будущее прихватить. Вот скоро уедут курсантики, и тогда я опять начну говеть. Тогда вы меня можете за мое примерное поведение хоть на доску почета под стекло помещать.

— Как же, поговеешь ты,— захлопывая дверцу «Волги», бормотал сконфуженный Тимофей Ильич. Даже он, привыкший к остроязычию хуторских казачек с детства, к этой неприкрытой откровенности Катьки Аэропорт привыкнуть не мог. Но все-таки на прощание, откручивая боковое стекло «Волги», он еще раз высовывал голову: — Но, смотрите, если вы мне на винограде нормы завалите, я из вас душу вон!

Катька Аэропорт охотно подхватывала:

— Вот это другое дело. Тут вы над нами вправе свою власть показать. И мы вам должны подчиняться, на то вы и предколхоза. Но вы, Тимофей Ильич, можете не беспокоиться, мы и на этом виноградном фронте вас с нормами не подведем. У нас и на это еще хватит сил. Все будет сделано, Тимофей Ильич.

И, провожая отъезжающую председательскую «Волгу», Катька Аэропорт по-военному лихо козыряла, но только прикладывая руку не туда, куда обычно положено, а к своему выпнутому далеко в сторону бедру. У женщин от смеха падали из рук на землю секаторы, и по губам отъехавшего от них на «Волге» Тимофея Ильича еще долго блуждала улыбка. Вот и попробуй после всего этого обидеться на Катьку Аэропорт.

И чем ближе подходил срок окончания этих военных учений, тем, казалось, неистовее раздавалось хлюпанье весел на Дону, откровенней звучал молодой счастливый смех на воде и в задонском лесу, а в прибрежных кустах краснотала опять до самого утра шуршало, как будто бродили там телята, забытые их хозяевами на ночь.

А тут еще опять вернулось тепло. Наконецто отбушевали черные бури, и опять стало не просто, а по-летнему тепло, даже жарко. Днем под крутыми склонами бугров, отгородивших хутор от степи, в улочках и проулках застаивалась духота, а ночью она сползала с горы к Дону. Клавдия, которая из-за духоты в доме перешла спать во двор под вишни, вздрагивала, разбуженная песней, отражаемой Доном так, как будто ее запевали над самым ухом:

«Потерял, потерял я свой голосочек...»

И, обрывая песню, Катька Аэропорт начинала дурашливо смеяться и шлепать веслом по воде так, что сверху из хутора было видно, как вспыхивают при месячном свете капли. После этого Клавдия уже до самого утра не могла глаз сомкнуть. Проклятая Катька Аэропорт! С глаз Клавдии как будто чья-то рука срывала повязку сна, и он уже больше не возвращался к ней. Начисто пропадал, как если бы назавтра на рассвете ей не надо было опять идти на птичник, а оттуда, оставив кур на Нюру, бежать на виноградник в степь.

Слышала она и то, как возвращался с последнего киносеанса в клубе Ваня, стараясь бесшумно прошмыгнуть мимо матери в дом; и то, как уже далеко за полночь Петька Чекуненок подвозил до угла улицы на своем мотороллере Нюру и потом они еще долго топтались там на углу, целуясь при невыключенном моторе. Даже и во дворе под одной простыней нестерпимо жарко было спать, она облипала тело, и Клавдия сбрасывала ее с себя. Но тут после полуночи с берега Дона тучей налетали на хутор комары. Со своего места из-под вишен Клавдия видела, что и Андрею Петровичу, полковнику, не спалось, он выходил из дома и стоял, белея майкой на крыльце и тоже, конечно, слыша это шлепанье весел по воде, заливчатый смех Катьки Аэропорт, шуршание в талах. Почему-то Клавдия уверена была, что при этом он тоже думает о том же, о чем думала и она: что безвозвратно проходит жизнь, те ее годы, когда человек еще может на что-то надеяться и чего-то ждать... Вот кончатся эти учения, откочуют из хутора курсанты, уедет и Ваня с полковником, и опять Клавдия останется в доме вдвоем с Нюрой. Опять не слышно будет в доме мужских голосов, тяжелых шагов и этого солонцеватого терпкого запаха, к которому она успела привыкнуть за это время. Днем еще ничего, еще можно забыться среди людей, а вечером, когда Нюра будет уходить на гулянки, опять одна, совсем одна. А потом, может быть, и Нюра уедет, увезет ее с собой тот же Петька Чекуненок, который собирается в архангельские леса зарабатывать себе деньги на «Волгу»,— не век же ей при матери сидеть. И тогда уже наступит совсем полное одиночество. Она насмотрелась, хорошо знает, как в хуторе одинокие, бездетные вдовы живут или же те женщины, от которых уже отлетели их дети. Слоняйся по дому и по двору, готовь сама себе и убирай сама за собой, разговаривай тоже сама с собой, а если хочешь, то еще с курами или же с коровой, которая будет смотреть на тебя ласковыми глазами, но так ничего и не скажет, и кошка тоже будет ходить за тобой по дому и по двору, тереться об ноги. А потом зашуршит бесконечный дождь по окнам, опять придут нескончаемо длинные зимние ночи. И тогда хоть кричи. А если, не дай бог, заболеешь и сляжешь, некому даже будет воды подать.

Конюшня, в которой ночевали колхозные лошади, была через балку от двора Клавдии, и ночами она, слыша, как постукивают копытами по дощатому настилу и шумно отфыркиваются лошади, поклясться могла, что это громче всех вздыхает и не стучит, а прямо-таки с неистовой яростью ломает стенки своей деревянной клети конь Будулая. Вот-вот вырвется он наружу и умчится в степь — вдогонку тому, о ком он так тяжко вздыхает.

Продолжение следует.

Л. ОСИПОВА

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Флоричата показывают свои эскизы режиссеру — руководителю студии В. И. Барбе.

Рассказывают, что в Кишинев как-то приезжал Роман Качанов. Тот самый Роман Качанов, с которым все знакомы по мультфильмам «Чебурашка» и «Крокодил Гена». Посмотрел он новые ленты, снятые студией «Флоричика» в республиканском Дворце пионеров, и разволновался: «То, что вы делаете, ребята, это необычайно. Я, сколько бы ни старался, так не сумею».

Ролан Быков тоже оставил флоричатам фотографию с дарственной надписью: «Вот мое впечатление от вас: в самое сердце».

Григорий Львович Рошаль во время просмотра мультфильмов, сделанных «Флоричикой», воскликнул: «Боже мой, где она взяла такое солнце?» Это он о Лоре Лыс и ее ленте «Облако плачет»...

Солидный «Союзмультфильм» побратался с «Флоричикой», объявив ее своей младшей сестренкой. Даже стихи об этом есть. Они написаны как раз в тот день, когда пионерской студии присвоили звание народной. В стихах сказано:

«Флоричика» — народная студия!
Мы считаем, что это прелюдия
К новым фильмам, и радостным датам,
И к свершению новых побед.
От «Мультфильма», от старшего брата,
«Флоричике», сестричке, привет!

За пять лет существования у «Флоричики» столько наград, что и не пересчитаешь. Среди них есть и золотые.

Короче говоря, о «Флоричике» уже рассказывают легенды, но, к счастью, дети здесь, как везде, самые обыкновенные, если только бывают обыкновенные дети... Живется им не так уж просторно: все они помещаются в одной комнате, за одним столом. Вторая комната заставлена киноаппаратурой и называется съемочной.

Все они рисуют — это их студийная работа.

Есть такие, кто держит кисточку и карандаш с завидной уверенностью. Есть и начинающие — они зажимают карандаш в кулачке довольно неуклюже. Но они, студийцы, все делают общее дело. Здесь, в студии, не стремятся выбирать особо одаренных детей, а с доверием относятся к возможностям каждого ребенка.

Я хотела узнать фамилии двух самых маленьких и по виду самых усердных художниц, но этого никто не знал: девочки пришли на занятия второй раз, и неизвестно, останутся ли они в студии, поскольку учатся еще и в музыкальной школе.

— Мы останемся,— сказали девочки.— Потому что нам здесь интересно.

И в их черных глазах отразилось что-то похожее на мольбу, как будто от меня зависело, чтобы новенькие могли с полным правом приходить сюда делать фильмы.

Так ведь это и впрямь очень заманчиво — научиться делать настоящие фильмы!..

Как же делают их флоричата? Большие листы, на которых они рисуют, называются фонами. Поскольку некоторые располагаются со своими фонами прямо на полу, передвигаться по комнате приходится с крайней осторожностью. Вот лист бумаги, еще чистый, и двое флоричат колдуют над ним, придумывая, как будут выглядеть волшебник и его дом. Все это они нарисуют, а потом вырежут из бумаги.

— Зачем нужно вырезать?

— Чтобы волшебник мог двигаться.

Голову и руки будут вырезать отдельно, чтобы во время съемок придавать им разное положение. Это называется «манипулировать шарнирной марионеткой». На «настоящих» мультстудиях так теперь больше не снимают: способ этот считается устаревшим, им пользовались только в тридцатые годы, на заре мультипликационного кино. Но у него есть свое преимущество: такой фильм делается «одними руками», то есть автор фильма выступает одновременно как режиссер, художник, оператор, монтажер... Фильм он снимает очень короткий, зато все в нем делает сам, и это — главное.

До съемок есть еще один волнующий момент: автор фильма или авторы, если их несколько, накануне устраивают «конфетник» — веселое чаепитие с конфетами. Предвкушение того, что получится, иногда бывает гораздо сладостнее, чем результат.

А съемка происходит так. На специальном мультстанке с вмонтированной кинокамерой «Красногорск» закрепляется фон в неподвижном положении. Затем режиссер (он же и оператор) двигает куклу — это может быть Волшебник-звездочет, или Веселый троллейбус, или Бесстрашный партизан — и снимает каждый кадр отдельно. Кукла перемещается только в одной плоскости, на «движении» предельно условном... Способ съемки весьма примитивен, но вот оказалось, что он не мешает созданию действительно замечательных лент...

Руководители студии, Виктория Ивановна и Иосиф Иосифович Барбе, как и их подопечные, тоже мастера на все руки: оборудование съемочной комнаты сделали они сами, и все — от подготовки фильма до его демонстрации — зависит от них, от их вкуса, ума, понимания своих студийцев, преданности работе...

Впрочем, сами они этого не думают. Они считают, что их студийцы замечательны своей способностью удивляться миру, его сказочным цветам и формам и переносить это удивление и радость в рисунок будущего фильма...

— Вы видели работы Владика?— спрашивает Виктория Ивановна.— Это наш сын. Он учится в седьмом классе. По дороге в школу и из школы и дома — когда он моет посуду и натирает пол — он придумывает персонажи своих фильмов. У него постоянно какие-то новые герои, какие-то веселые приключения... Он выжег на деревянной доске смешного слоненка в ситцевых цветочках, повесил его над кроватью и теперь уверяет, что ему снятся прекрасные сны про этого слоненка, а потом он сделает о нем сценарий... Вот что так привлекает в мультипликации детей — возможность игры, сама игра...

Во «Флоричике» каждый ребенок не просто рисует. Весь фильм — его игра, его выдумка.

Для ребенка это весьма притягательно. Это стимул, который рождает энергию и терпение, вызывая к жизни такие способности, о которых никто подчас и не подозревает. И ко всему прочему наши флоричата еще и очень хорошие люди...

Я посмотрела ленты флоричат: «Песня о красном командире», «Паровозик», «Откуда приходят дожди», «Добрый трамвайчик», «Подари тепло»...

Каждый фильм идет всего три-четыре минуты. Но это три-четыре минуты подлинного очарования. Рассказать о них почти невозможно, как если бы своими словами излагать песню или хорошие стихи. Сила этих фильмов — в их поэзии. Они непосредственны, чисты, угловаты, восторженны, неловки, добры, конфузливы, задорны, как те дети, которые их создавали.

Владик Барбе, автор нескольких мультипликационных лент.

Из сюжетов «Флоричики».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Элла Вангеласт озвучивает многие ленты «Флоричики».

Один из последних призов привезен с X Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине.

Будни студии.

Кадры из фильмов «Пират и бабушка» Вити Олейника и «Почтальон» Лены Жигня.

Рисует Наташа Радошовецкая.

ФЛОРИЧАТА

АКУЛА

CIMEA

Иван САВЕЛЬЕВ

НАСЛЕДСТВО

РАЗМЫШЛЕНИЯ СТАРОГО СТРОИТЕЛЯ

Плыла в рассвет чертановская ночь
На высоте подоблачной московской...
Он сам с собой сидел по-стариковски,
Он этой ночи вызвался помочь.

«Зачем,— он говорил,—
Звезде твоей
Блуждать
В холодных далях
Мирозданья,
Когда в огнях
Чертановские зданья,—
Ей с ними и надежней и теплей?

Зеленый, окантован чернотой,
Мерцает свет ее в просторе мглистом...
Я слышу, как по жести надо мной
Скользит она, разбрасывая искры!

Ты, ночь моя, не тем ли хороша,
Что ощущаю празднично и смело:
Твой черный космос — светлая душа
Мечты моей, не знающей предела.

Не проходи!
Пусть мгла твоя течет,
На корпуса накладывая блики...
Я все пойму, твой верный звездочет
И высоты творец неодноликий.

Ты, тихая, проходишь сквозь меня,
И под твоей таинственною крышей
Мне легче слышать прожитого дня
Счастливый голос, в зданиях застывший.

Я слышу:
Не замерзнув средь зимы,
Хозяйкою самой архитектуры
Идет в дома густая кровь земли
По сопряженным жилам арматуры.

По вертикали движется бетон,
Сметая дни домишек деревянных,
Он временем и мною уплотнен,
Как тот пучок частиц элементарных.

И, до предела занятый с утра,
От высоты покачиваясь пьяно,
Мне говорит товарищ мой прораб:
— Нажмем, старик!
Два этажа до плана...

— Нажмем!
— Нажмем!.. —
Выводят голоса,
И краны загораются флажками,
И стройка обрастает этажами,
Все выше поднимаясь в небеса.

Я понял сущность слова
«Красота»
Над городом, стремительно растущим...
Чертаново —
Индустрии черта,
Свиданье настоящего с грядущим.

Я сам открыл Прекрасное в труде,
Я душу переделал для полета.
И токи зданий, поднятых к звезде,
Гудят во мне, как провода Работы.

Не вечен я под вечною Луной.
Но самыми высокими словами
Я, ночь моя, беседую с тобой,
Как говорили некогда с богами.

Я, может, сам в такую ночь умру,
Неистовый, веселый и печальный...
Ты поведешь звезду свою к утру,
А я свою — в последний путь недальний.

Но и тогда войдут в мои глаза,
Как праздничные всполохи победы,
Чертановские в небе корпуса,
К земле моей приблизившие небо...»

ДЕРЕВНЯ. ГОРОД. ПОЭЗИЯ

Триптих

I

Среди своих полей, лесов
Ты выразить себя пыталась...
А мне твоих далеких слов
Так одиноко не хватало.

Бежали под гору ручьи,
Прозрачные синели дали.
Лесные лепеты твои
У городской черты смолкали.

Я городским навеки стал,
Но, как бессмертное наследство,
Я в городе не растерял
Твою восторженную детскость.

И кто бы что ни говорил,
Ругая то тебя, то город,
Я в сердце место сохранил
Для солнечных твоих просторов.

И я любил тебя, и пел,
И жизнь свою тобою мерил,
И добротой твоей добрел,
И верою твоею верил.

Среди бетона и стекла
Я пел поля и урожаи,—
Ведь ты мне матерью была,
А дети мать не выбирают.

II

Спасибо, добрый город мой,
Шепчу я, сердцем понимая,
Что ты деревне — брат родной
И что она — сестра родная.

За то благодарю тебя,
Что среди нашего метанья
Вы не унизили себя
Возможностью непониманья.

Пока за спором,
Что нелеп,
Мы копья меж собой ломали,
Она тебе давала хлеб,
Твои плуги поля пахали.

Вы связь, рожденную борьбой
В дни незабвенного Начала,
Крепили с ясностью такой,
Которой нам недоставало!

Давая уголь и литье
И засевая землю светом,
Вы дело двигали свое,
Как не умели мы, поэты!
Любя героев наших книг —
Рязанских,
Брянских
И смоленских,—
Крестьянство и рабочий класс,
Вы поняли пораньше нас,
Что нет поэтов «деревенских»,
Как нет поэтов «городских»!

III

Как есть единая страна,
Из края в край, нерасторжима,
Поэзия — она
Одна,
Естественна и неделима.

Так будь, Поэзия, горда,
Что думаешь о нашем хлебе
И воспеваешь города,—
Они ведь тоже не на небе...

Что, как народ, живя трудом,
По всей стране моей великой
Ты молодо, многоязыко
Поешь о молоте с серпом!

* * *

Знаю: Времени вода
Понемногу кровь остудит...
Все же лучшие года —
Те, которые наступят.

Там такие дни стоят —
Каждый
К боли сердца чуток!
Меж находок и утрат
Не заполнен промежуток.

Жизни главная пора!
От рассвета до заката
Там пока что нет «вчера» —
Есть одно сплошное Завтра.

Там в единственном числе
Обозначено судьбою
Все, что сбудется со мною,
Все, что будет на земле...

* * *

Ты любишь загородный март
Среди берез и электричек,
С изменой красок и привычек,
От света спятивший с ума?
Его проталины в траве
И гнезда — что ни день — заметней.
В его веселой голове —
Ветер.

Прислушайся к его речам
Да присмотрись, как небо моет,
Как по лопочущим ручьям
Кораблики пускает к морю.

Он на счастливый голос свой
Настраивает голос птичий.
Он меж зимою и весной,
Как пограничник.

Пусть, не дойдя до борозды,
Он сдаст дела свои апрелю,—
Но это он в приход поверил
Большой весны.
Большой воды.

За монтажным столиком Павлик Акулов, Вероника Бузуляну, Таня Гендлер. Работать удобнее всего на полу!

На лыжной трассе.

ЦЕХ ЗДОРОВЬЯ

Владимир ВОЛКОВ, председатель спортивного клуба Новолипецкого ордена Ленина металлургического завода.

Фото А. БОЧИНИНА

Еще не так давно слова «цех здоровья» воспринимались как некий литературный образ, как игра журналистского воображения, но теперь цеха здоровья можно встретить на многих заводах. Есть он и на нашем металлургическом, и хозяйство его очень обширно. Посудите сами: мы располагаем двумя стадионами, Дворцом спорта, лыжной базой, катком, тиром, водной станцией, эллингом с двумя гребными бассейнами, в которых можно тренироваться зимой. Да разве все перечислишь! Рабочие нашего завода и их дети могут заниматься двадцатью девятью видами спорта, и они широко пользуются предоставленными им возможностями.

Введение нового комплекса ГТО самым благотворным образом сказалось на физкультурном движении. Новый комплекс потребовал от тренеров клуба значительно более напряженной работы, ведь сдаче норм предшествуют напряженные занятия.

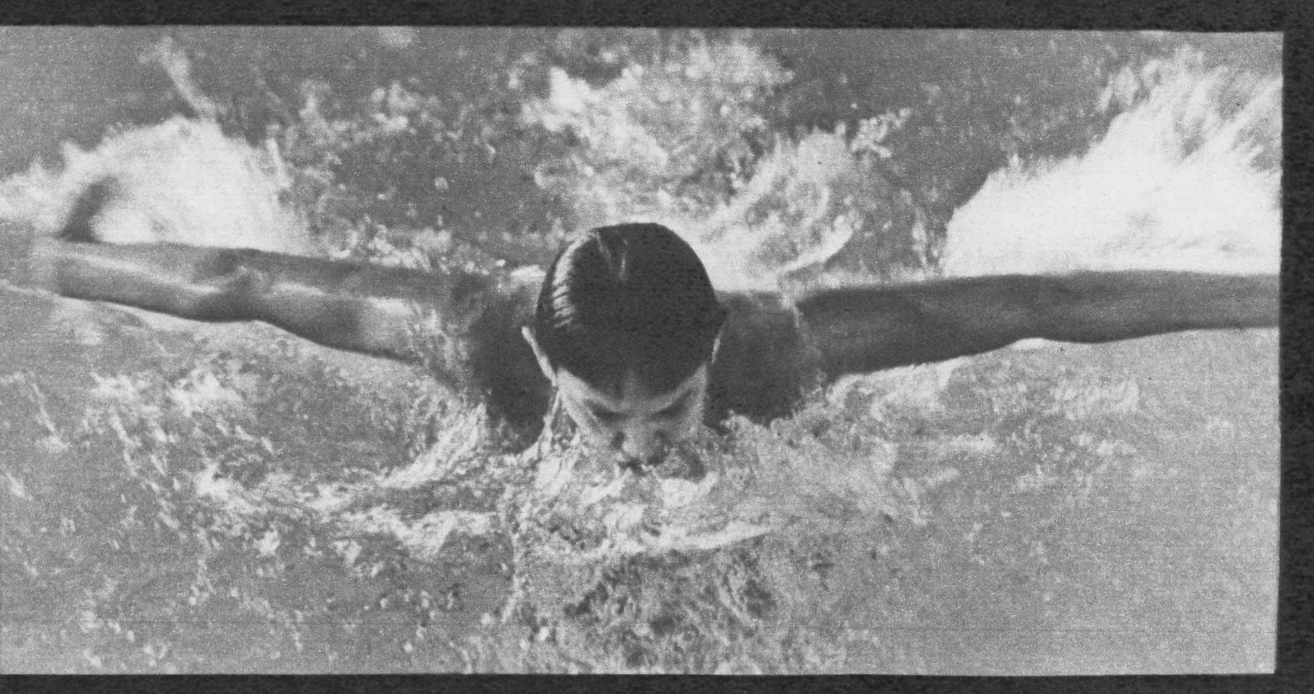
В часы тренировок вы можете встретить в клубе не только молодых рабочих, но и начальников цехов, инженеров, мастеров — все они аккуратнейшим образом готовятся к сдаче норм, и не-

Школьница Татьяна Шмакова увлекается плаванием.

Легкоатлеты на занятиях во Дворце спорта.

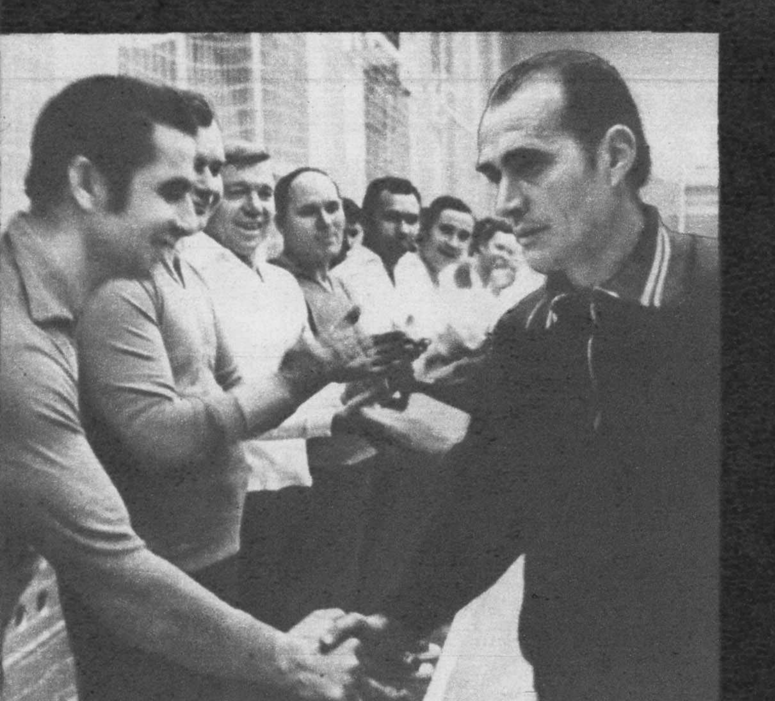
Тренировку по художественной гимнастике проводит Валентина Дмитриевна Тарасенко.

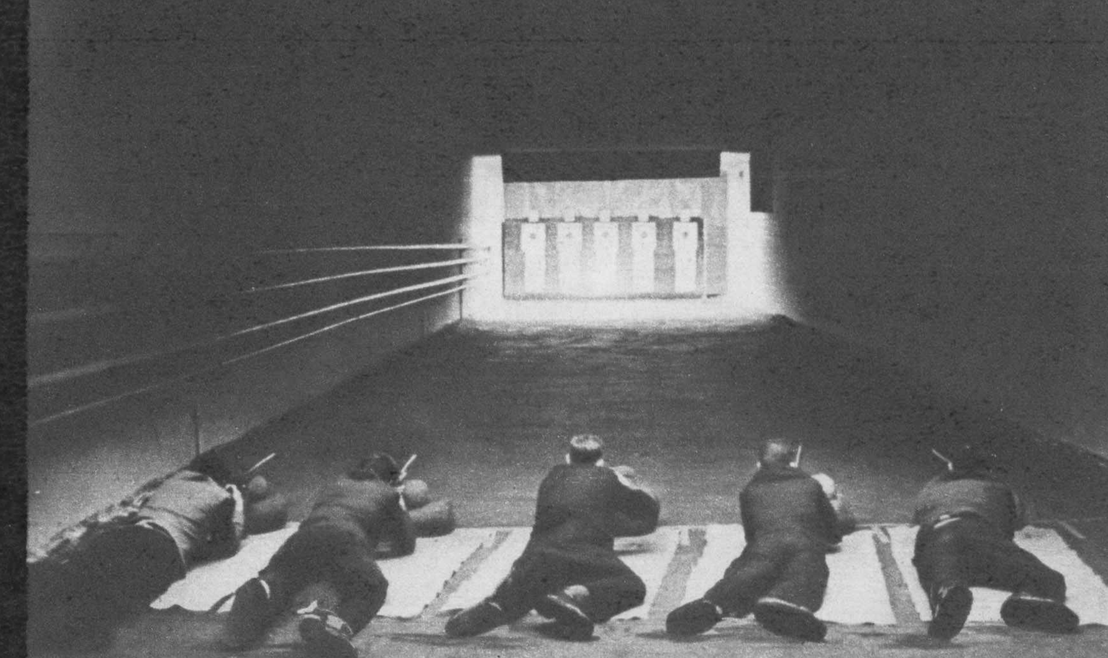

Перворазрядник Игорь Фесюн, чемпион спортивного клуба.

Они сдают нормы ГТО.

давно многим начальникам цехов в торжественной обстановке были вручены значки ГТО.

Условия для систематических занятий спортом на нашем заводе значительно улучшились после того, как руками рабочих завода был построен Дворец спорта. Эта прекрасная физкультурная база располагает первоклассными игровыми залами и двадцатипятиметровым бассейном.

Хорошо мы подготовились к зимнему сезону. На лыжной станции уже побывали одиннадцать тысяч человек, на катке попробовали свои силы восемь тысяч спортсменов. Сейчас в полном разгаре сдача норм по зимним видам спорта.

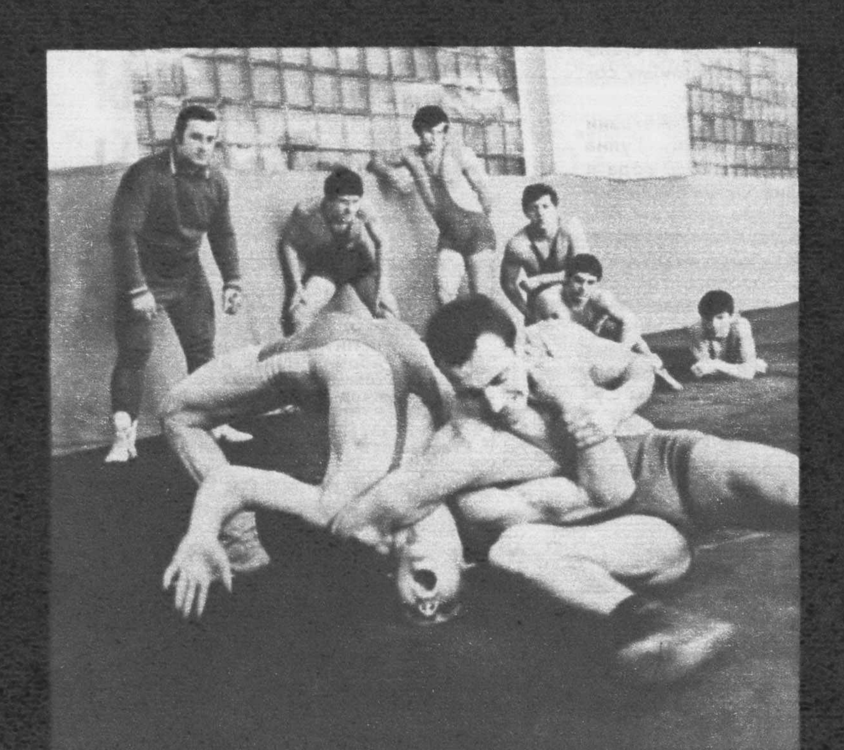
Какими видами спорта больше всего увлекаются новолипецкие металлурги! Ответить на этот вопрос нелегко: уж очень разнообразны их интересы. Художественная гимнастика и бокс, лыжи и плавание, конькобежный спорт и баскетбол, легкая и тяжелая атлетика, хоккей и стрельба. Одних только детских хоккейных команд в клубе двадцать три.

Конечно, трудно удовлетворить столь разные запросы, хорошо наладить тренировки, но в спортивном клубе работают 35 дипломированных тренеров, очень помогают нам и тренеры-общественники.

Нет такого цеха на заводе, в котором не было бы энтузиастов физической культуры. Вот, к примеру, цех контрольно-измерительных приборов. Рабочие этого цеха занимаются многими видами спорта. Славятся физкультурники листопрокатного цеха № 2. И что интересно: чем лучше поставлена в цехе спортивная работа, тем меньше там прогулов, тем выше производительность труда.

Вот почему появились на заводах цеха здоровья.

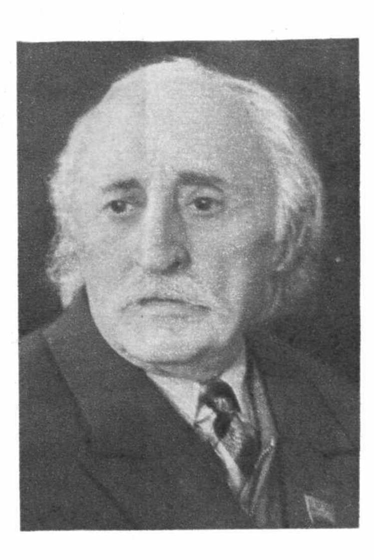
Заместитель начальника спортивного клуба А. А. Осадчий вручает значок ГТО М. П. Комкову, заместителю начальника цеха.

Гремят выстрелы в клубном тире.

Тренер по борьбе П. А. Кирсанов и его воспитанники молодые борцы — ученик технического училища Е. Горбунов и рабочий В. Золотарев.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. ГУЛИА

ЗАЧИНАТЕЛЬ АБХАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Во второй половине 30-х годов я часто встречался с основоположником абхазской литературы Дмитрием Иосифовичем Гулиа. Человек небольшого роста, с белыми, серебристыми волосами, с открытым, ясным лбом, с орлиным носом — таким он запомнился мне навсегда. Особенно впечатляли его лицо, живые, лучистые глаза, его подвижная фигура. Во всем этом чувствовалось много энергии, сил и огня. Был он прекрасный рассказчик, говорил неторопливо, пересыпая свою речь острыми поговорками и пословицами...

Дмитрий Гулиа родился 21 февраля 1874 года в селении Уарча.

В детстве будущий поэт испытал все превратности, выпавшие на долю его народа. Он и его родители осенью 1877 года были увезены турецким кораблем и, как многие другие крестьянские семьи, оказались в Трапезунде. Там отец Дмитрия Гулиа пробыл менее года и похоронил на чужбине двух своих детей. С оставшимися детьми, женой и матерью он бежал через Макрал в Батум, а оттуда перебрался в Абхазию. Мальчик на всю жизнь запомнил мрачные дороги изгнания — эти горестные картины впоследствии вошли в поэмы Д. Гулиа «Песнь об Абхазии» и «Мой очаг».

После окончания Сухумской горской школы в 1889 году Д. Гулиа поступает в Закавказскую учительскую семинарию. Всего несколько месяцев продолжалась там его учеба, которую он вынужден был оставить из-за болезни. Жизненные невзгоды рано закалили Д. Гулиа, только благодаря своей настойчивости он сумел получить образование.

До 1904 года Дмитрий Гулиа вел культурно-просветительную работу в абхазских селах, работал переводчиком в Сухуме и Очамчире, помогая неграмотным отстаивать свои интересы в судах. В течение многих лет Д. Гулиа преподает абхазский язык.

Начало литературной деятельности Д. Гулиа относится к 90-м годам прошлого века. Просвещение народа — вот цель, которую ставил себе юноша.

В 1907 году Д. Гулиа удалось издать в Тифлисе отдельной книгой на русском языке «Абхазские пословицы, загадки и скороговорки», переведенные деятелем народного просвещения С. А. Алферовым.

Поэтический талант Д. Гулиа разбудили именно устные произведения народа, живые истоки устного творчества питали его поэзию, наполняли ее своими образами и красками.

Но не только родной фольклор влиял на тематику, язык и стиль произведений Д. Гулиа. Мощным источником, питавшим его поэтическое творчество, была русская литература. Важное значение для формирования его художественного дарования имела также грузинская литература.

Д. Гулиа приступал к своим первым литературным опытам тогда, когда и Абхазии коснулся ветер очистительной бури первой русской революции. Он не был профессиональным революционером и не принадлежал тогда ни к какой партии. Но в его работе нашел отражение общий подъем общественно-политического самосознания народных масс, их тяга к культуре, к просвещению, к передовым идеям, которые приходили с севера, из России, вместе с ее великой литературой. Вспоминая об этом времени, Д. Гулиа так писал в одном из стихотворений:

Вместе с Абхазией я стоял
У колыбели нового века,
Вместе с Абхазией благословлял
Ленина — мудрого человека...

Первый сборник стихов Д. Гулиа вышел в 1912 году. С этой книгой связывают обычно рождение абхазской художественной литературы. В стихах поэта выражены ненависть абхазского народа к угнетателям («Гуляка», «Милое» создание», «Ходжан Большой»), его мечты о счастливом будущем.

В 1921 году в Абхазии установилась власть Советов. Начинается новый знаменательный этап в жизни и творчестве первого абхазского писателя. Он организует и возглавляет первую абхазскую театральную труппу.

С 1924 года писатель преподает абхазский язык в Тбилисском государственном университете. Там же издает «Историю Абхазии» (первый том), другие исследования по вопросам этнографии и истории Абхазии и абхазского языка.

В творчестве Д. Гулиа советского периода ведущее место заняли темы новой колхозной жизни, трудового и боевого героизма советских людей, дружбы народов, прекрасной природы Абхазии.

Лирика Гулиа проникнута пафосом созидания, мыслью о единстве советских народов. Она отличается смелыми поэтическими обобщениями, внутренним изяществом, цельностью.

Нас слышит целый мир!
Мир понимает нас!
Простые люди нам везде
всем сердцем внемлют —
Все, кто у горнов трудится
сейчас,
И те, кто обрабатывает землю.
А в час, когда земля
в ночной тиши лежит
И сонмы звезд горят
над морем и над сушей,
Ты думаешь, что спит Москва?
Не спит!
Со всей землею говорит!
Послушай!

Эти строки написал поэт на восьмом десятке лет жизни. Он словно шагал вместе с молодежью. Он говорил:

Хотел бы ковшом-исполином
Ворочать громады земли,
Чтоб волжским великим
плотинам
Они основаньем легли.

Значителен вклад Д. Гулиа и в развитие абхазской прозы. Он написал первую абхазскую новеллу «Под чужим небом», за ней последовали «Короткие рассказы», а позднее — роман «Камачич» — образец яркого реалистического полотна. В нем как в зеркале — жизнь дореволюционного абхазского села, острая классовая борьба.

Д. Гулиа — переводчик знакомил свой народ с такими шедеврами художественного творчества братских литератур, как стихи А. С. Пушкина, Т. Шевченко, И. Чавчавадзе, А. Церетели, поэма Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре»...

Творчество Дмитрия Гулиа давно перешагнуло рубежи его маленькой республики и стало близким многомиллионному советскому читателю.

Народный поэт Абхазии Дмитрий Иосифович Гулиа скончался 7 апреля 1960 года в Агудзере, близ Сухуми. Он похоронен в центре столицы Абхазии — в Сухумском парке, где в 1963 году ему воздвигнут памятник из розового гранита. Именем Д. Гулиа названы Абхазский институт языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР, краеведческий музей, улицы и школы Сухуми.

Х. С. БГАЖБА,
доктор филологических наук

Исполнилось 100 лет со дня рождения одного из крупнейших деятелей советского искусства, выдающегося мастера сцены — Всеволода Эмильевича Мейерхольда.

Мейерхольд прошел большой, сложный и противоречивый путь. Однако именно его творчество — яркий пример того, как под влиянием идей Великой Октябрьской революции происходит обогащение и развитие личности художника. Стремление служить делу революции — так определял Мейерхольд кредо своего театра, и с этим стремлением связаны наиболее сильные стороны его деятельности.

В своих исканиях новых путей строительства нового театра Мейерхольд нередко вставал на путь чрезвычайных крайностей. Но как ни велики были его заблуждения, место Всеволода Мейерхольда в истории советского театра определено борьбой за новое, социалистическое искусство. Новаторский дух жил в нем всегда, проявляясь как в победах, так и в поражениях.

Он оставил нам большое творческое наследство, оставил талантливейших учеников. Среди них — народный артист Советского Союза ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ИЛЬИНСКИЙ...

— Чем вас, Игорь Владимирович, тогда молодого актера, в начале творческого пути привлек Мейерхольд?.. Как личность?.. Как режиссер?..

— Мейерхольд мечтал о театре, созвучном эпохе. И эту мечту вместе со многими молодыми актерами стал разделять и я. Именно Мейерхольд более чем кто-либо темпераментно и остро торопился претворить в театральную практику новые идеи жизни, идеи Октября. Он жаждал отразить на сцене картины нового общества, искал для воплощения нового содержания новые, революционные формы.

К тому же я узнал, что театром, где будет работать Мейерхольд, заинтересовался Маяковский, а он был моим любимым поэтом.

— Эдуард Багрицкий писал о театре той поры: «Пышноголового Мольера сменяет ныне Мейерхольд. Он ищет новые дороги, его движения — грубы. Дрожи, театр старья, в тревоге: тебя он вскинет на дыбы!»... Мейерхольд многое «ставил на дыбы». По-моему, почти не существовало границ его желанию удивить, поразить. «Вставала

СТРАНИЦЫ СУДЬБЫ

Книга эта называется «Иначе быть не могло...» *. В ней рассказывается о жизни девочки из детдома, воспитанной Советской властью. Рабочий класс радушно принял питомцев детдома в свои ряды, каждодневно вливал в их сознание преданность и любовь к делу, насыщал их трудовую деятельность революционной энерги-

* Ольга ВЛАСЕНКО «Иначе быть не могло...», М., «Современник», 1973.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДА

БЕСЕДУЕМ О МЕЙЕРХОЛЬДЕ

на дыбы» и классика в его спектаклях. Чем вы объясняете эксперименты Мейерхольда с классикой?

— Политических пьес, хороших, интересных, именно пьес, а не плакатов-агиток, тогда еще почти не было, поэтому, как мне кажется, Мейерхольд обратился к классике. Создавая новый театр, первейшей задачей своей он ставил разрушение театра старого, разрушение штампов, обветшалых традиций, форм старого театра. Пыл художника был направлен тогда на утверждение нового путем разрушения старого — любым способом, даже чрезвычайным. И, конечно, жажда нового лишь ради нового тоже имела место. Но среди всего того, чем Мейерхольд ошарашивал, оглушал, повергал в изумление и негодование, главенствовала мысль о создании нового, послеоктябрьского театра...

— То есть, по словам самого Мейерхольда, разлагали, разрушали старый театр, но в голове держали форму синтеза? Однако опасность тоже была велика — зайти далеко в этом разрушении... А потом — другая опасность в лице подражателей, в лице «мейерхольдовщины»?..

— Так ведь выражение «мейерхольдовщина» принадлежит самому Мейерхольду, который восставал против формального подражания своим постановкам, против внешнего их копирования, против поверхностного восприятия своих идей.

Мейерхольд был гениальным художником. Гениальное всегда неповторимо. У него же часто заимствовали прежде, заимствуют и сейчас, берут на вооружение то, что лежит на поверхности, то, что ошарашивает, эпатирует зрителя. Но это ведь не то умное, положительное, не то главное, что заложил этот большой мастер нашего театра в его основу.

Главной задачей Мейерхольда было созидание театра, синтез. Именно сейчас, в наше время, в дни большого строительства, созидания, нужно брать у Мейерхольда то, что созвучно нашему времени, брать идею созидательную, а не разрушительную. Именно в этом развитие традиций театра, созвучного эпохе.

— А можно ли сейчас поставить спектакль «по Мейерхольду»?

— Думаю, что и не нужно... Нет необходимости и восстанавливать спектакли, поставленные Всеволодом Эмильевичем. Это будет музей, а не живое дыхание жизни, а значит, будет противоречить идеям, которые он исповедовал. Творчество Мейерхольда на редкость многообразно. Вахтангов считал, что каждый спектакль, поставленный этим режиссером,— это направление в театральном искусстве. Думаю, что он не остался бы тем же самым Мейерхольдом, каким был в те годы: он сознательно встал бы на путь социалистического реализма. Основа этой уверенности — творчество и мысли самого мастера.

— Всеволод Эмильевич Мейерхольд мечтал о вовлечении зрителя в театральное действие, о том, чтобы он стал активным участником представления. Как видится вам возможность претворения этой мечты в театральную практику нашего времени? Есть ли в этом необходимость?

— Конечно, не может быть и речи о таком вовлечении зрителя в театральное действие, как в те далекие годы, когда присутствующим на спектакле раздавались программки, где было обозначено, в каком месте аплодировать, где свистеть... Или давались команды, когда, по замыслу режиссера, надо «включаться в действие»... Вся ставка в режиссерском театре Мейерхольда была на актера. Думаю, что в дальнейшем вовлечение зрителя в спектакль, так, чтобы он стал его соучастником, шло бы у Мейерхольда через актера. Только этот актер должен обладать новым качеством актерской игры... На мой взгляд, им обладает Смоктуновский. Проявление этого актера на сцене так скупо, что вроде бы он никак и ничего не играет. Свой душевный мир он не показывает нам, но зритель каким-то способом видит его и, став сам художником, доигрывает за актера, доигрывает для себя. То есть зритель сам непосредственно участвует в происходящем на сцене. Может быть, это и есть то самое участие, о котором мечтал Мейерхольд, к которому он бы пришел. Иная форма, но суть та же... Кстати, к словам Всеволода Эмильевича о том, что актер сам является инструментом своей игры, необходимо прислушаться многим. Техническая беспомощность, неоснащенность иных актеров просто пугают. Сказал ведь кто-то очень верно: «Техника у посредственности может иной раз погасить искру вдохновения, но у таланта может раздуть эту искру в яркое пламя».

Актер должен уметь самое тонкое, самое потайное движение души своего героя донести до зрителя. Оправдать самое вроде бы невероятное его положение своим внутренним состоянием. А не считать, что высший уровень, высшее достижение мастерства — «правдоподобное» пребывание на сцене...

— Какая же черта Мейерхольда-режиссера вам особенно дорога?

— Бескомпромиссность... Искренность в творчестве... Он так уверен был в правильности, в точности своего решения, так вдохновенно добивался воплощения своего замысла, что этой вдохновенной уверенностью заражал всех. Я люблю такую одержимость в режиссере. Хотя часто был не согласен с мастером. Но для самого Мейерхольда, казалось, не было ничего невозможного, ничего такого, задуманного им, режиссером, чего бы он, актер, не смог воплотить. Его гениальная актерская техника, его гениальное вдохновение, его гениальные показы делали невозможное возможным.

— Среди учеников Мейерхольда такие актеры, как вы, Игорь Владимирович, как Бабанова, Штраух, Мартинсон, Боголюбов, Гарин, Жаров, Орлов, Свердлин — столь непохожие друг на друга. Что же такое актерская школа Мейерхольда?

— Этих, как вы говорите, очень разных актеров объединяет сочетание виртуозной внешней техники с большой эмоциональностью, с глубиной утверждения жизни человеческого духа. Ведь, несмотря на все сложности, конфликты, которые были между Мейерхольдом и Станиславским, Всеволод Эмильевич всегда называл себя учеником Станиславского. Он говорил: «Мы роем один и тот же тоннель с Константином Сергеевичем, но только с разных сторон». Каждый по-своему, они думали о театре актера. В своих педагогических выступлениях Мейерхольд всегда говорил о великом Ленском. Именно таких масштабных советских актеров мечтал вырастить Всеволод Эмильевич. Влияние его личности, его творчества на советское искусство велико и важно: через своих учеников, а среди них и актеры, и режиссеры, и художники, и музыканты, он и сегодня лучшими сторонами своего таланта продолжает участвовать в строительстве советского театра.

Беседу вела Оксана КОРНЕВА.

ей, давал необходимую классовую закалку.

Книга Ольги Власенко, несомненно, автобиографична, хотя, возможно, и не представляет собой документальной биографии. Не следует ее рассматривать как беллетризированную личную анкету автора, но все, что в ней написано, глубоко правдиво, лишено каких-либо украшательских придумок, оставляет впечатление сильное. Автор снабдил свое произведение подзаголовком «Книга одной жизни». Подзаголовок как бы сужает сферу ее воздействия, но такое впечатление кажущееся: это на самом деле история очень многих жизней. Я не преувеличу, если скажу, что на пятистах страницах своей книги автор показывает историю народа и прежде всего его героического рабочего класса. Так в капле воды отражается жизнь океана.

Не надо искать в книге Ольги Власенко художественных изысков. Ее речь проста, безыскусственна, но в той огромной горе фактов, наблюдений, обобщений, которые предъявляет нам автор, мы обнаруживаем движение жизни, узнаем верные черты прошедших времен, утверждаем в себе гордость за настоящее. Сиротская доля девочки Оли обернулась жизнью яркой, значительной, сложной, трудной и прекрасной, вызывающей у читателя чувство радости за человека, а временами и преклонение перед силой человеческой воли и характера. В начале своей книги автор пишет: «Жизнь в детском доме в те годы была связана с немалыми трудностями: и голодно, и обуть-одеть нечего. До поздней осени топали мы босиком по лужам и грязи. Воспитатели неуклонно придерживались одной главной линии: «Не хныкать, а бороться за лучшую жизнь!». Это внушали каждому с первого дня»...

Трудно было учиться, трудно было стать металлургом, инженером, руководителем предприятия, еще труднее было на войне в составе экипажа бронепоезда или в рядах танкового батальона. Но слова, впитанные с самых юных лет — «не хныкать, а бороться за лучшую жизнь»,— стали жизненным девизом героини, прошедшей через тяжелейшие испытания. Думается, что в утверждении этого девиза в сознании Ольги сыграло то, что она вошла в действенную, могучую среду рабочего класса. Автор, объясняя стремление своей героини к постоянному росту, пишет: «Тяга к общему развитию вытекает из самой природы рабочего класса, класса-гегемона — ведь он несет ответственность за государство, за весь народ. Не умиление, а восхищение вызывает рабочий человек...»

Николай Семенович Тихонов, написавший теплое, вдохновляющее предисловие к книге О. Власенко, заметил: «Мы вспоминаем всех советских людей, которых мы встречали на страницах этой книги, и видим, что автору удалось доказательно показать и то, как происходило становление характера советского рабочего человека, и то, какую действенную роль сыграл он, став воином великого столкновения, из которого советский народ вышел победителем. Книга Ольги Власенко — это доброе чтение для воспитания молодого поколения...»

Это вполне справедливо.

На Всесоюзном конкурсе Союза писателей СССР и ВЦСПС на лучшее произведение художественной прозы о современном рабочем классе журнальный вариант книги «Иначе быть не могло...» был высоко отмечен, а автор стал лауреатом конкурса. Это также вполне справедливо!

Издательство «Современник» выпустило книгу тиражом в 75 тысяч. Произведение Ольги Власенко найдет доступ к сердцам читателей — и молодых и старых. Старые многое вспомнят, молодые многому научатся.

Ник. КРУЖКОВ

Генрих БОРОВИК

Первое сообщение о трагедии я услышал вечером 11 сентября, когда, ничего еще не зная, крутил в поисках новостей ручку приемника. Не помню, кто передал, даже не помню, на каком языке, но, кажется, на испанском. Во всяком случае, в ушах явственнее других до сих пор звучит испанское слово «гольпе» — «переворот».

Схватил карандаш и записал на клочке бумажки:

«Утром 11 сентября — переворот в Чили... Атакован президентский дворец Ла Монеда... Сальвадор Альенде арестован... В Сантьяго бои... Самолеты сбрасывают ракеты на жилые районы Сантьяго... Переворот организован военными... Командующими всеми родами войск и карабинерами... Образована военная хунта...»

Этот клочок бумаги у меня хранится до сих пор. Ненужный, в общем-то. Но не поднимается рука выбросить его.

Сообщения телеграфных агентств были кратки, отрывисты, беспорядочны и противоречивы. В них слышались два крика: один — о помощи, другой — злобно-торжествующий.

Еще неясны были подробности, неизвестно было, жив ли Сальвадор Альенде (по одним сообщениям — арестован, по другим — покончил жизнь самоубийством), но было понятно одно: в Чили произошли и происходят жестокие, кровавые, может быть, самые жестокие и самые кровавые события в истории Латинской Америки.

Я слушал радио допоздна. Уже скоро утро, а эфир приносил все новые и новые подробности о перевороте в той очень далекой, географически, наверное, самой далекой от нас стране с названием, которое всегда казалось мне веселым, как весеннее щебетание птицы,— Чи-ли.

Однако в ту ночь я вдруг понял, что в этом слове — и напряженная, вопросительная интонация. Со скрытым или явным вопросом к себе и к другим мы говорили о Чили последнее время — последние месяцы, последние недели, последние дни, когда ясно было: там критическое положение, и когда хотелось самому себе ответить: выстоят или нет? Но кто ж может ответить тебе на такое, кроме времени?

Около полуночи я снова услышал, что Сальвадор Альенде покончил жизнь самоубийством, и снова не поверил. И еще услышал голос хунтовского диктора. Его записали в Мендосе — аргентинском городе близ границы с Чили, в самом близком к Сантьяго иностранном городе. Как водится, прорвавшись к микрофонам радиостанций, мятежники спешно сообщали населению своей страны и всему миру, что «по всей территории практически восстановлено нормальное положение и во всех провинциях новые административные органы приступают к исполнению своих обязанностей...»

Я крутил ручку приемника, надеясь, что эфир скажет мне новое о том, что творится в Сантьяго, может быть, расскажет о судьбе друзей, знакомых или просто о тех, чьи имена известны всему миру. Что с людьми, которые были вместе с Альенде во дворце? Пришел ли кто-нибудь на площадь Конституции защищать своего президента? Вооружили ли рабочих и крестьян, чтобы народ смог дать отпор хунте? Что с генералом Пратсом — тем самым, который был министром внутренних дел и главнокомандующим сухопутными войсками у Альенде и который, кажется, всем сердцем поддерживал правительство Народного единства? Где другие офицеры армии и флота, которые выступали за Альенде? Неужели армия оказалась единой в своих антиконституционных действиях? Та самая армия, которую в Чили многие считали защитницей конституции, закона, чуть ли не главным препятствием, если реакция попытается насильственным путем свергнуть президента, избранного согласно свободно выраженной воле народа! Как могло случиться, что Альенде и его соратники оказались неподготовленными к перевороту?..

Позже мне стало известно, что связи с советскими корреспондентами, находящимися в Сантьяго, нет, ее прервала хунта в первые же минуты после переворота. А через несколько дней я узнал, что корреспондентские пункты АПН и ТАСС в Сантьяго разгромлены и тассовского корреспондента Руслана Князева вместе с женой и малолетним ребенком солдаты хунты держали несколько часов под штыками.

Утром, после почти бессонной ночи, проведенной у радиоприемника, я пошел в АПН в надежде, что телетайп сможет что-то добавить к тому, что передало накануне радио.

Однако длинные, исполосованные нечеткими строчками бумажные «ролики», нескончаемо, как шелковые ленты из карманов фокусника, тянувшиеся из телетайпов крупнейших агентств мира, мало добавили к тому, что я уже знал из ночных сообщений радио.

Впрочем, нет, какое-то агентство передало в отрывках некоторые из приказов, которые хунта объявляла по радио Сантьяго 11 сентября. Приказов было много. Кроме самих приказов, хунта передавала разъяснения к ним и затем разъяснения к разъяснениям. Значительно позже, находясь рядом с Чили, в Аргентине, я нашел эти приказы напечатанными в чилийской газете «Меркурио». Выписки из них дадут представление о том, какие распоряжения военных властей выслушало население Сантьяго в день переворота.

...«Долг сознательного гражданина доносить немедленно о всех тех, кто пытается парализовать созидательную деятельность любого характера и оказывать сопротивление хунте... Любой акт сопротивления хунте будет пресекаться самым решительным образом без промедления и на месте» (из приказа № 1).

«Еще раз подтверждается, что, согласно приказу № 1, любой акт сопротивления будет пресекаться самым решительным образом, немедленно и на месте» (из разъяснения к приказу № 2).

«Все лица, которые оказывают сопротивление, получат соответствующее возмездие. Хунта поясняет, что разрушение не является ее целью, но в случае сопротивления или невыполнения ее приказов последует суровая кара с земли и с воздуха» (из приказа № 7).

«В случае сопротивления хунта применит те же репрессии, которые были продемонстрированы войсками и авиацией при атаке дворца Ла Монеда» (из приказа № 8).

«Все трудящиеся должны оставаться на местах работы, запрещается покидать их даже временно. В противном случае они будут атакованы вооруженными силами» (из приказа № 2).

«Рабочие должны в организованной форме немедленно покинуть заводы и фабрики с тем, чтобы к 11 часам утра никто не находился на улицах» (из приказа № 14).

«Молодежь, более чем кто-либо другой, должна верить в высшие цели родины и в вооруженные силы, которые ответственны за них. Лучшее, что сейчас могут сделать молодые люди, — выполнять приказы и инструкции, которые передаются по радио. Хунта призывает всех оставаться дома и не выходить на улицы» (из приказа № 6).

«Всякое сопротивление хунте со стороны населения должно быть прекращено к 15.00 12 сентября. Те, кто продолжит сопротивление, станут объектом соответствующих акций со стороны вооруженных сил — будут расстреляны на месте» (из приказа № 24).

«Вооруженные силы и корпус карабинеров заявляют о своем единстве и решимости свергнуть марксистское правительство» (из приказа № 6).

«С этого момента строго запрещается нахождение на улицах» (из приказа № 8).

«Все население должно воздерживаться от любых демонстраций, даже и в поддержку новых властей» (из приказа № 4).

«Ни один человек, ни группа людей не могут без специального разрешения пользоваться национальным флагом и рисовать или приклеивать на зданиях национальные эмблемы (герб) без специального разрешения властей» (из приказа № 25).

«Лица, желающие выразить солидарность с новым правительством, могут вывесить национальные флаги 12, 13 и 14 сентября» (из разъяснения к приказу № 25).

«Все нижеперечисленные лица должны добровольно сдаться властям сегодня, 11 сентября, до 16 часов 30 минут, явившись в Министерство национальной обороны (следует список из 94 человек). Неисполнение настоящего приказа повлечет за собой вполне очевидные последствия» (из приказа № 10).

«Всем средствам массовой информации запрещается распространять известия, не исходящие от хунты. В противном случае — немедленные репрессии» (из приказа № 12).

«Вводится строжайшая цензура печати. 12 сентября разрешено работать лишь редакциям «Меркурио» и «Терсера де ла ора». Все остальные печатные органы объявляются закрытыми. Цензурный комитет будет находиться в Политехническом военном училище (Сан-Игнасио № 242), и все материалы для печати должны представляться по этому адресу. Все выпуски газет, не санкционированные властями, будут уничтожаться» (из приказа № 15).

«Радиолюбителям запрещается передавать в эфир информацию, не санкционированную властями. В противном случае такие действия будут рассматриваться как акт саботажа и пресекаться, как это было указано в приказе № 2, «с земли и воздуха» (из приказа № 18).

«Большинство народа поддерживает наши действия...» (из приказа № 6).

«Категорически запрещается поношение властей...» (из разъяснения к приказу № 6).

К концу дня 12 сентября мне сообщили, что решено срочно командировать меня в Латинскую Америку для сбора материалов о событиях в Чили. «В Чили вам вряд ли удастся

Ю. Походаев. НА СЕВЕРЕ ДАЛЬНЕМ.

Всесоюзная художественная выставка «На страже мира».

Ю. Шибаев. СТОРОЖЕВЫЕ КОРАБЛИ.

В. Песиков. МЕЖДУ БОЯМИ.

Всесоюзная художественная выставка «На страже мира».

Н. Денисов. ФЛАГ НАД ПОЛЮСОМ.

пробраться,— сказал председатель правления АПН Иван Иванович Удальцов,— хунта не пустит. Но постарайтесь собрать материал на границах Чили — в Перу, в Аргентине. Там, надо полагать, больше информации, чем где бы то ни было. Кроме того, там могут появляться беженцы, спасающиеся от хунты...»

Чемодан с минимумом необходимых вещей на случай срочного вылета в какую-нибудь «горячую точку» стоит у меня дома в постоянной готовности номер один. Надо было лишь запастись свежей фотопленкой, заказать билет на самолет и получить въездную визу в Перу. Для скорости решил аргентинскую визу запрашивать уже в Лиме. Там же выяснять и насчет возможности поездки в Чили. Узнавать об этом в Москве в те дни было бессмысленно.

...В чилийском посольстве в Лиме на меня посмотрели с испугом. Неужели сеньор всерьез собирается туда? Сеньор не получит визы. Это ясно. А если даже и получит и доберется до Сантьяго, сеньору не дали бы передать оттуда ни одной корреспонденции (последнее — вполголоса).

Очевидно, нечего было и думать о том, чтобы попасть в Сантьяго (тем более что через несколько дней после этого разговора все перуанские газеты на первых полосах сообщили, что Советское правительство решило порвать дипломатические отношения с чилийской хунтой). Стало ясно, что узнавать о событиях в Чили и писать о них придется в Лиме и там же ждать визу в Аргентину, чтобы немедленно, как только будет получено разрешение, переправляться туда — в Буэнос-Айрес, в Мендосу. В Мендосе, у границы с Чили, в те дни собралось несколько сот корреспондентов со всего мира, ожидавших, когда хунта даст разрешение на въезд.

Я видел снимок, сделанный там: на аргентино-чилийской границе, с чилийской стороны стоят танки и солдаты с автоматами наизготовку, а со стороны Аргентины — журналисты, фотографы, телевизионщики, желающие прорваться в Чили.

К тому времени, когда я прилетел в Лиму, ни одному иностранному журналисту еще не удалось проникнуть в Чили. А те иностранные корреспонденты, которых застал там переворот, передавали из Сантьяго практически только то, что им диктовала хунта.

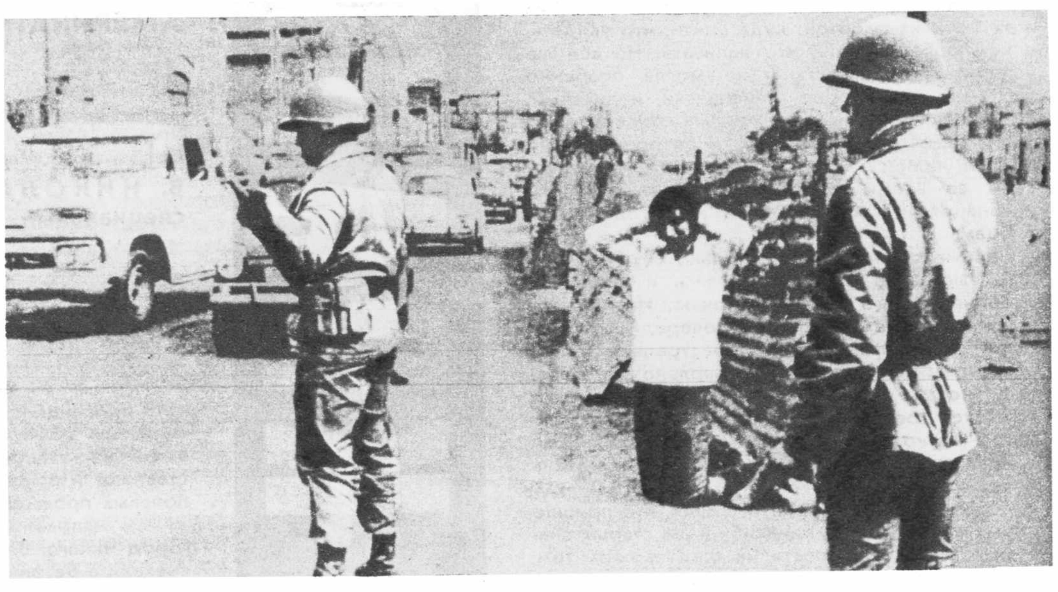
Первая группа иностранной прессы прибыла в Сантьяго только 20 сентября, на девятый день после переворота.

Мой друг, испанский журналист Альберто, прилетел в Сантьяго именно с этой группой, предварительно просидев неделю в Буэнос-Айресе в ожидании разрешения на въезд. В группе было десятка три представителей европейских и американских газет, спешно слетевшихся в аргентинскую столицу из разных стран через несколько часов после переворота в Чили и неделю бомбардировавших хунту телеграммами с просьбами о въездных визах. На аэродроме в Буэнос-Айресе стоял нанятый журналистами «Боинг», готовый лететь в любую минуту.

Наконец, на девятый день после переворота разрешение на въезд было получено. И журналисты, срочно собравшись,— все было готово заранее: бумага, фотопленка, сыр, консервы, виски,— через час уже летели на своем «Боинге» через Анды.

Их приняли на военном аэродроме. Было четыре часа утра, и им сказали, что придется ждать до восьми, пока не кончится комендантский час. Охрана аэродрома была усиленной, но военные вели себя корректно. Вещи осмотрели без особого тщания. Личного обыска никому не устраивали.

До окончания комендантского часа они просидели на деревянных скамьях, поставленных спинками друг к другу. Некоторые ухитрялись дремать. Альберто не мог. Он ходил по цементному полу зала ожидания, время от времени останавливаясь и прислушиваясь. Выстрелы? Взрывы? Нет, все было спокойно. Только петухи иногда скрипуче кричали. Аэродром был довольно далеко от города — минут 40 езды на машине. Альберто бывал в Чили до этого, неплохо знал, что там происходило, и

Облава хунты в Сантьяго.

относился к правительству Народного единства хоть и без особого сочувствия, но с внимательным интересом и желанием разобраться во всем более или менее объективно. Два раза он встречался с Альенде, брал у него интервью, беседовал и с другими руководителями Народного единства, много ездил по стране, имел уйму знакомых, друзей — и среди тех, кто поддерживал правительство, и среди тех, кто был против него. Он вообще придерживался той точки зрения, что настоящий журналист не имеет права активно принимать чью-либо сторону, настоящий журналист должен лишь собирать и излагать факты. И даже когда он строит из фактов пирамиды выводов, он не имеет права любить эти пирамиды или ненавидеть их. Он должен их лишь наблюдать, как ученый наблюдает жизнь белых и красных кровяных телец, относясь к ним с одинаковым интересом. И если у журналиста есть свои убеждения, то он не должен выставлять их напоказ, во всяком случае, в своих репортажах.

Крупная испанская газета, корреспондентом которой он являлся, придерживалась весьма консервативных взглядов, но из соображений престижа и, как льстил себе Альберто, ценя его отличное перо, печатала почти все, что он писал из Чили, даже когда он позволял себе «строить пирамиду», так сказать, в признание заслуг правительства Народного единства.

Впрочем, для противовеса газета всегда пользовалась в таких случаях также услугами корреспондентов крайне реакционной чилийской «Меркурио».

Обычно Альберто останавливался не в отеле, а у друзей. Отель в любом большом городе любой страны — это корабль, который живет своей корабельной жизнью, имеющей мало общего с жизнью окружающего его моря.

Но на этот раз журналистов привезли с аэродрома в отель «Каррера», и офицер, встречавший и сопровождавший их, сказал, что останавливаться можно только здесь или по соседству — в отеле «Крильон». Альберто снял номер в «Каррере». Хунта устроила там свой пресс-центр. Руководил им и, по-видимому, вообще всей пропагандой хунты длинный, худощавый, пружинистый в движениях человек по имени Федерико Уиллоби.

Иностранные журналисты, которых переворот застал в Сантьяго, довольно хорошо знали его. Да и Альберто слыхивал о нем раньше. Уиллоби был одним из руководителей организации «Патриа и либертад», то есть чистейшим фашистом по взглядам. А по профессии? Известны были два его последних места работы: одно время возглавлял отдел по связям с прессой в чилийском отделении американской автомобильной компании «Форд мотор». А до этого был сотрудником чилийского отделения ЮСИА — информационного агентства Соединенных Штатов Америки. Ни больше ни меньше.

В первые же минуты после переворота хунта прервала всякую связь иностранных журналистов, находившихся в Сантьяго, с внешним миром. Затем связь — телеграфная, не телефонная — была разрешена, но с предварительной цензурой на все, что передавали из Сантьяго корреспонденты. Цензоры из военных действовали по-военному: видели слово «революция» и вычеркивали его, видели слова́ «убийство Альенде» и перечеркивали их жирной чертой. Несколько таких жирных черт — и статья летела в корзину. Чуть позже вместо корзины были заведены на каждого корреспондента папки. В них вкладывалось все написанное им — дозволенное цензурой и отвергнутое. Это уже было досье. Журналисты жаловались Уиллоби, но тот лишь пожимал плечами и улыбался.

— Будете гнать нас из Чили, сеньор Уиллоби? — спросил один из корреспондентов.

— Не обязательно гнать,— улыбнулся Уиллоби.— Можно и оставлять... Навсегда оставлять.

Кто-то засмеялся, но смех не поддержали. Журналисты знали, что Уиллоби умел не только шутить.

Будто в подтверждение угрозы на следующий день была арестована корреспондентка «Вашингтон пост» Марлис Симонс. Воспользовавшись отменой предварительной цензуры, она передала сообщение, что, по слухам, которые ходят в Сантьяго, президент Сальвадор Альенде вопреки утверждениям хунты не покончил с собой, а был убит. Она передала это в Вашингтон на рассвете, а подписанную копию своей корреспонденции, как полагалось по новым правилам, одновременно сдала представителю военных властей, дежурившему в пресс-центре. Через несколько часов в ее номер в отеле вошли солдаты с автоматами. Они заставили женщину повернуться лицом к стене. Двое приставили дула автоматов к ее спине, а остальные принялись обыскивать номер. Через несколько минут, взяв томик стихов Неруды, диктофон и все ее бумаги, они объявили ей, что она арестована. Под дулами автоматов ее отвели прямиком в министерство обороны напротив развалин дворца Ла Монеда. Она протестовала, напоминала, что представляет одну из ведущих американских газет, что у них нет права ее арестовывать и вести куда бы то ни было. Но ее продержали в министерстве обороны несколько часов в беспрерывных допросах. Требовали, чтобы она сообщила фамилии и адреса всех своих знакомых в Сантьяго, требовали также, чтобы в следующей же корреспонденции она опровергла сообщение об убийстве Альенде и подтвердила версию самоубийства. На допросах присутствовали два солдата, державшие пальцы на спусковых крючках автоматов. Отпустили ее и разрешили вернуться в гостиницу только вечером. Она пришла насмерть перепуганная и рассказала все корреспондентам.

Это произошло еще до прилета первой группы иностранных корреспондентов на «Боинге» из Буэнос-Айреса, но узнали они об этом в первый же день от журналистской братии.

Альберто понял, что ничего не сможет передать отсюда в газету, кроме того, что диктует хунта.

Через Уиллоби и его людей хунта пыталась

полностью руководить журналистами, их жизнью и их работой: куда пойти, что увидеть, с кем побеседовать, что написать. Но все же уследить за всеми хунта не могла, особенно за теми, кто говорил по-испански, и за теми, у кого в Чили были друзья. У Альберто не было недостатка в друзьях, и он превосходно владел чилийским испанским, то есть испанским со всеми словечками, выражениями и интонациями, свойственными лишь одним чилийцам.

Первые сутки Альберто только слушал. Слушал выстрелы. Они раздавались и днем. Но особенно много их было ночью. Иногда это были короткие автоматные очереди — может быть, расстрелы. Иногда перестрелки, долгие или стремительные, часто довольно интенсивные, когда в привычный автоматный треск врывался тревожный пулеметный клекот. Альберто легко мог себе представить, в каком районе шел бой, в каком — расстрел. Он очень хорошо знал город.

Через два дня Альберто решил, что пришло время встретиться с кем-нибудь из старых знакомых. Из осторожности не стал звонить тем, кто поддерживал Альенде,— боялся подвести. Решил повидать вначале тех из своих друзей, кто вообще стоял в стороне от политики. Одним из таких был горнорудный инженер Антонио Домингес. Отличный специалист своего дела, он работал долгие годы на медных рудниках в Чукикамате. А после их национализации правительство Народного единства перевело его в КОДЕЛКО — Государственную меднорудную компанию, которая занималась делами национализированных рудников. Перевело именно как специалиста своего дела, а не по политическим соображениям. Альберто был уверен, что с инженером ничего не могло случиться плохого, уверен был, что и встреча с ним не пойдет Домингесу во вред. Но на всякий случай первый раз позвонил не из своего отеля, а из соседнего, убедившись предварительно, что за ним никто не следит. Ответа Альберто не получил. Позвонил еще раз. Потом еще несколько раз. Все безрезультатно — слышал только длинные гудки. Впрочем, он знал, что телефоны в Сантьяго работали из рук вон плохо, и решил пойти к Домингесу домой.

Домингес жил на улице Эль Коммендадор. Номера Альберто не помнил, но дом — небольшой особнячок — помнил хорошо и нашел быстро.

Ему долго не открывали. Он нажимал кнопку электрического звонка, стучал медной ручкой. И когда уже решил поворачивать обратно, кто-то подошел к двери с другой стороны, и женский голос тихо спросил: «Кто там?» Кажется, это был голос жены инженера, но в точности Альберто не знал.

Он назвал себя. Молчание.

Еще раз повторил свое имя, объяснил, как оказался в Сантьяго.

За дверью слабо охнули — не столько радостно, сколько испуганно, дверь приоткрылась на длину цепочки, и Альберто увидел испуганное лицо жены Домингеса с запавшими глазами. Только убедившись, что это действительно он, Альберто, и что рядом с ним нет солдат, женщина облегченно вздохнула и впустила гостя. Домингес оказался дома, но, войдя в хорошо знакомую комнату, Альберто не узнал приятеля. Перед ним был человек, внезапно постаревший лет на двадцать, похудевший вдвое против прежнего Домингеса. Видимо, на лице Альберто Домингес увидел испуганное удивление, инженер развел руками и слабо улыбнулся — такие, мол, дела.

Они поздоровались, и после нескольких обычных в таких случаях фраз Альберто спросил, не надеясь получить положительный ответ:

— Болел?

И Домингес, как ожидал Альберто, покачал головой отрицательно...

Они проговорили несколько часов, пока Альберто не спохватился, что нужно идти, если он не хочет, чтобы его застиг на улице комендантский час и вполне возможный выстрел без предупреждения. Он успел вернуться в гостиницу до наступления комендантского часа и весь вечер провел у себя в номере, записывая рассказ инженера.

Продолжение следует.

В ФЕРМЕРСКОМ КРАЮ

АМЕРИКАНСКИЕ РЕПОРТАЖИ *

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

В провинциальной Америке мы жили на верхнем, втором этаже фермерского дома. И сколько бы мы ни ездили по окрестностям, всюду встречали только двухэтажные фермерские дома. Такие строения составляют и основной жилой фонд городков, затерянных в безбрежных полевых просторах штата Иллинойс.

Мы направились в эти тихие края из аэропорта, обслуживающего город Чикаго. Взяли такси, помчались по магистральному шоссе, затем съехали с бетонки на асфальтовое полотно поуже и покатили по бесконечным зеленым полям, ровным и ухоженным, как футбольное поле. Мы ехали по землям знаменитого кукурузно-соевого пояса. Это сельскохозяйственный оплот Соединенных Штатов. Здесь благодатные земли, благоприятный климат. Более ста лет заселены эти края, а почва до сих пор сохраняет свое высокое плодородие. Здесь можно выращивать любую культуру за исключением субтропических.

Мы держали курс на небольшой городок Аурора, там, как нам сказали еще в Вашингтоне организаторы поездки, нас должна была встретить миссис Пэссоу и затем доставить на свою ферму. Для уточнения места нашей встречи с миссис Пэссоу нам следовало из Ауроры позвонить ей. И вот, добравшись наконец до этого городка, мы затормозили у бензоколонки. С первой попытки соединиться с фермой не удалось, тогда на помощь к нам пришли двое парней, работающих на колонке. У них тоже ничего не вышло. Мы решили попытать счастья на другой бензозаправочной станции. Там уже трое американцев консультировали нас у телефона-автомата, который усердно заглатывал серебряные монетки (поскольку вызов был не местным, а дальним), но по-прежнему ферма на связь не выходила. Голос одной телефонистки сменялся другим, вежливые «простите» чередовались с не менее вежливым «пожалуйста», наконец, один такой голосок поведал нам: «Соединение невозможно. Линия повреждена».

Нам оставалось только одно: продолжать путь на том же такси. Это было уже сложнее. В Вашингтоне отправлявшие нас в путешествие американцы не рассчитывали на то, что мы не сможем дозвониться до миссис Пэссоу, и поэтому дали нам просто название фермы, оборвав подробное описание маршрута на городке Аурора. С помощью местных жителей и телефонисток мы выяснили примерное направление и снова покатили по зеленым просторам. Изрядно поплутав по пустынным сельским дорогам, мы все же нашли эту ферму по весьма упрощенному адресу: Леланд, штат Иллинойс.

Велико же было удивление миссис Пэссоу, когда мы представились ей. Нет, не потому, что она впервые в жизни увидела двух советских людей, а потому, что мы добрались до нее на такси. И поразили ее не наши навигаторские способности, а тот факт, что нам пришлось заплатить водителю изрядную сумму. С крестьянским простосердечием и безмерным уважением к деньгам как к конечному продукту тяжелого труда она долго не могла успокоиться из-за того, что нам пришлось так потратиться.

Кстати, переживания миссис Пэссоу объяснялись не только ее крестьянской натурой, но и причиной вполне объективной: в те самые дни, когда мы колесили по Америке, уже вовсю надвигался тот самый энергетический кризис, который ныне до основания потряс страну. Уже тогда и без того высокие цены на бензин росли не по дням, а по часам и на многих бензоколонках висели объявления: «Извините, бензина нет».

Но как и почему мы попали именно к миссис Пэссоу? Дело в том, что в Соединенных Штатах существует много местных добровольных организаций, члены которых на общественных началах встречают иностранцев и в меру своих сил и возможностей знакомят их со страной. Миссис Пэссоу — одна из таких энтузиасток. Она сообщила нам, что принимала на своей ферме гостей почти из ста стран. Это, наверное, нелегко, хлопотливо, но миссис Пэссоу, как и подавляющее большинство встречавшихся нам американцев,— человек очень любознательный и к тому же полный энергии. Несмотря на свои семьдесят лет, она легка на подъем, делает каждое утро зарядку на газоне перед своим домом, ездит купаться в бассейн.

Мы проехали по стране в сопровождении нескольких таких американских бабушек и дедушек, принимавших нас по своей доброй воле, и все они были людьми жизнерадостными, доброжелательными и интересными. Правда, речь мы здесь ведем о тех, кто удалился на покой, на пенсию. Но не все могут позволить себе не работать. Один из них — Генри Пэссоу, супруг нашей бодрой хозяйки-фермерши. Ему 67 лет, но он по-прежнему трудится на ферме. Здесь же росли, работали и старились его прадед, дед и отец. И все были фермерами. А вот сын Генри Пэссоу не захотел продолжать семейную традицию и стал строителем. Кто теперь продолжит дело фермеров Пэссоу? Наверное, кто-то другой. А пока сам Генри, несмотря на возраст, как может, хозяйничает на родном поле. Беззаветный трудяга, обремененный забо-

* См. «Огонек» №№ 40, 43, 46, 48, 52 за 1973 год, № 2 за 1974 год.

тами, он разительно непохож на тех своих сверстников и сверстниц, которые сопровождали нас в путешествии по Америке. Непохож, наверное, еще и потому, что он типичный сельский житель, а они и в Америке все еще заметно отличаются от горожан. Генри Пэссоу степенен и молчалив, движения его замедленны, мысль нетороплива, оптимизм из него не брызжет, а юмор запрятан глубоко-глубоко, и не каждому дано до него добраться. Скроенный крепко, громоздкий и неуклюжий, с лицом, опаленным солнцем и продубленным дождями стольких посевных и уборочных, он, с нашей точки зрения, являет собой образ типичного американского фермера. И эту типичность мы увидели не только в его внешнем облике, характере и манере поведения, но и в самой его судьбе.

Несомненно, что только энергия и любознательность миссис Пэссоу (она, кстати, сама сообщила нам, что в фермерском хозяйстве участия никогда не принимала) были причиной того, что мы, выразив в Вашингтоне желание пожить на ферме, попали именно к ней. Как же она, собирательница чужих судеб, могла упустить такой случай — принять впервые в жизни советских людей? К тому же миссис Пэссоу, уже подружившись с нами, поведала нам о своей сокровенной мечте: навестить если не всех, то хотя бы нескольких из своих иностранных гостей. В таком планируемом ею многоступенчатом путешествии Советский Союз станет теперь одной из главных целей.

Итак, мы попали на эту ферму, хотя, повторяем, если бы в Вашингтоне ее увидели, то, наверное, переадресовали бы нас в другое место. Между прочим, в дни нашего пребывания у супругов Пэссоу мы вместе с ними побывали у нескольких их соседей с более благополучными судьбами. А что же с Пэссоу? Когда заходит речь об американском фермере, то часто тут же всплывает эпитет «разоряющийся». В отношении Генри Пэссоу я бы назвал другое определение — угасающий. Во-первых, как мы уже сказали, сын не пожелал наследовать нелегкий отцовский труд. Есть у Генри еще дочь, но и она ему не помощница: замужем, но не за фермером, а за каменщиком. Вот и получается, что Генри — один в поле воин. А поле большое, свыше 100 гектаров, на которых он выращивает кукурузу и бобы. Хотя мы и знали, что сто гектаров на одного сельского труженика в Америке — дело вполне обычное, все же удивились, как Генри управляется при его-то возрасте. А он в ответ тоже удивился, простодушно, без намека на юмор, заявив, что он не один, что у него есть комбайн, трактор, грузовик и т. п. Правда, когда дела совсем прижмут, он на время нанимает одного работника.

Генри рассказывает о том, как он работает на тракторе с многочисленными навесными машинами и орудиями, что обеспечивает комплексную механизацию полевых работ. Он вспоминает, как уже на его веку маломощные ранее тракторы заменялись машинами средней и большой мощности, работающими на повышенных скоростях. Говорит о постоянном совершенствовании навесных машин и орудий. Хвалит Генри универсальные самоходные комбайны, которые убирают не только хлеб, но и кукурузу. Американская статистика свидетельствует об этом крае: «Нигде в мире не производится больше продовольствия на единицу затраченного труда».

Да, по сто с лишним гектаров на одного труженика — это, разумеется, следствие почти сплошной механизации и электрификации сельского хозяйства. И даже старый Генри Пэссоу все еще может тянуть свою лямку. Но он очень сетует на то, во что ему обходится техника. В самом деле, комбайн для уборки кукурузы стоит сегодня в США 30—32 тысячи долларов, трактор, плуг и борона — все вместе 15—16 тысяч, грузовичок «пикап»— 6 тысяч... Стоп! А сколько получает сам Генри? На этот наш вопрос он отвечает отнюдь не сразу. Диалог при этом происходит примерно такой:

— Да чего там я получаю? Знаете, какие налоги у нас большие!

— Знаем! Но все же, сколько остается у вас чистыми на руках ежегодно?

— Да год на год не приходится... По-разному бывает...

— Но в среднем сколько?

— В среднем?..

Генри Пэссоу долго молчит, нам уже неловко за нашу настырность, но, признаться, хочется вытянуть из него эту все же основополагающую цифру. Наконец он сдается:

— Примерно тысяч десять в год...

Здесь надо сделать сразу такую поправку. Сколько бы мы потом ни спрашивали местных фермеров об их доходе, со всеми у нас повторялся диалог, похожий на приведенный выше. И заканчивался он все той же магической цифрой «10 тысяч», хотя другие фермы были явно побогаче той, что у Пэссоу. Это сдержанность и, если хотите, скрытность, типичная для крестьянина при разговоре о его доходах,— это также и врожденная в США настороженность по отношению к налоговому ведомству, которое в этой стране налоги дерет действительно высокие, и поэтому каждому хотелось бы так или иначе приуменьшить свой доход. Допустим, что в беседе с нами Генри Пэссоу несколько занизил свою прибыль, все равно, знакомясь с приведенными выше ценами на технику, можно себе представить, что фермеру нужно работать не покладая рук, чтобы свести концы с концами.

Цены на технику далеко не единственная печаль Генри. От него, досконально знающего сельское хозяйство, мы услышали о многих других проблемах, заботящих фермера. Беспокойство и неуверенность — вот, пожалуй, что определяет мысли, настроение и даже самочувствие старого фермера Генри Пэссоу. Первая же наша беседа с ним оказалась посвященной ценам на сельскохозяйственную продукцию. Завел ее сам Генри, очевидно, по принципу «у кого что болит, тот про то и говорит». Та цена, за которую сегодня покупается продукция, всегда была самым главным, если хотите, магическим символом успеха или несчастья фермера. Ее нужно, словно сказочную птицу, вовремя ухватить за хвост. Сегодня цена одна, завтра — другая. Надо выбрать момент, чтобы она была максимальной, и тут же продать свой урожай. Так было всегда. Колебание в цене обычно было величиной более или менее постоянной. По заведенной привычке Генри Пэссоу и в дни нашего пребывания на его ферме все время позванивал в близлежащий городок, справляясь о ценах на кукурузу и бобы. Еще осенью, в 1972 году, бушель (мера сыпучих тел, разная по объему для различной продукции) бобов стоил 3 доллара 25 центов. Летом 1973 года цена бушеля подскочила до 12 долларов. Казалось бы, фермеру Пэссоу и его коллегам надо только радоваться... Но даже неспециалисту ясно, что подобный скачок отражает крайне ненормальное положение в экономике в целом. Ведь все взаимосвязано, и, разумеется, не только бобы подорожали (вспомните астрономические цены на сельскохозяйственные машины). Такая бобовая аномалия — еще один признак серьезного заболевания всей экономики. Это понимают и фермер Пэссоу и сам американский министр финансов Шульц. Только Генри Пэссоу характеризовал нам сложившуюся ситуацию в выражениях простых и сильных, а Шульц назвал ее «ужасной драмой». Вовсе без ожидаемой нами радостной реакции читал при нас Генри Пэссоу газетные сообщения о том, что к урожайной поре 1973 года цены на зерно поднялись на 167 процентов по сравнению с тем же периодом год назад; цены на живую домашнюю птицу за то же время поднялись на 153 процента. Но почему же не радует, скажем, последняя цифра тех фермеров, кто производит и поставляет эту самую птицу?!

Фермер Генри Пэссоу.

Вместе с Генри Пэссоу мы листаем лежащие на столе в его гостиной последние американские журналы. Вот карикатура в «Ньюсуике»: стоит корова и жует доллары, а фермер выдаивает из нее только центы. А вот уже не карикатура, а фотография в том же номере «Ньюсуика»: фермер топит в чане с водой только что вылупившихся цыплят. Сумасшедший? Нет! В другом журнале, «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», аналогичная фотография: фермер с сыном-подростком топят цыплят. В статье, сопутствующей этому снимку, журнал пишет: «Сотни тысяч цып-

лят уже уничтожены фермерами, потому что они не могут получить за них на рынке столько, сколько нужно для приобретения цыплячьего корма». Вот так! Цены на живую домашнюю птицу поднялись на 153 процента, и тут же подняли цены поставщики цыплячьего корма. А правительство, желая приостановить рост цен и инфляцию доллара, заморозило на время цены на сельскохозяйственную продукцию. Вот и пришлось фермерам уничтожать цыплят, поскольку выращивать их стало убыточно.

Это только один пример, одна гримаса американской экономики в частности и капиталистической экономики в целом. Но в ней как в капле отражена и общая картина. Вернемся еще раз к Генри Пэссоу и его бобам. Проблемы, волнующие Генри, общие не только для Америки — от них болит голова даже у японцев. Как известно, в Японии бобы входят составной частью в сотни продуктов. Известно также, что 92 процента бобов японцы получают из США. Стремясь приостановить стремительный рост цен на бобы, правительство США запретило их экспорт. А что делать японцам?! А что делать Генри Пэссоу? Ведь в других областях цены не заморожены и продолжают расти, повергая Генри в смятение.

Заходим мы как-то утром в самую затрапезную забегаловку, берем каждый два яйца, стакан молока с кукурузными хлопьями, стакан чаю, хлеб, масло. Счет с каждого — 2 доллара 68 центов. С обязательным здесь «на чай» получается три доллара. Солидно! Бифштекс в небольшом ресторане стоит четыре с лишним доллара, цыпленок — три с половиной. И самое печальное в том, что цены растут и растут. Цены буквально на все: бензин, номера в гостинице, билеты на футбол и т. п. Вот только одно из множества свидетельств американской прессы на эту тему, взятое нами из газеты «Нью-Йорк таймс»: «Бизнесмен из Сиэттла Кеннет Халверсон провел с женою четыре дня в Сан-Франциско. Он говорит: «Некоторые цены просто сумасшедшие. На Рыбачьем Причале, например, дешевле чем за 7 или 8 долларов не поужинаешь. Номер в гостинице стоил 42 доллара в день, нам пришлось переехать в другую, где мы платили 28 долларов в день». Четырехдневный отдых этой пары, не включая транспортных расходов, обошелся не более чем в 325 долларов!»

Генри Пэссоу осветил нам проблему дороговизны и с несколько неожиданной для фермера стороны. Мы уже писали выше, что ферма его отнюдь не выглядит процветающей. Кое-где что-то давно пора подправить, подкрасить; к свиноматкам с их новым приплодом в 119 поросят Генри сам таскает корм в ведре, то есть нет здесь и намека хоть на примитивную механизацию; и самое главное — его автомобиль, эта визитная карточка уважающего себя американца, давно отслужил свой срок. И все это не только потому, что нет наследника, молодого хозяина с крепкими руками, не только потому, что свирепствует инфляция, но и потому, что сам старый Генри уже не тот, каким он был буквально год назад. Случилось с ним несчастье, какое может обрушиться на каждого,— тяжелейший инфаркт. О нем, вернее, о том, во что он им обошелся, супруги Пэссоу хором говорили оживленнее, чем о чем-либо другом. Генри был буквально при смерти, и поэтому его поместили в особую палату, за которую брали 125 долларов в сутки. В ней он пробыл несколько недель. Затем, когда немного пришел в себя, его перевели в другую палату — 110 долларов в сутки. Стал окончательно поправляться, попал в новую палату — 85 долларов в сутки. А пролежал он в больнице четыре месяца. Надо сказать, что, как и подавляющее большинство работающих американцев, Генри ежемесячно отваливал солидную сумму по страховке, на случай болезни или травмы. Но сколько ни откладывай, такой инфаркт, говорили нам супруги, съел всю страховку, и за часть пребывания Генри в больнице пришлось платить уже из собственного кармана, а не из отложенных сбережений. Это, конечно, не могло не сказаться на делах фермы.

Как бы рано мы ни поднялись, всегда, выйдя из дому, мы видели Генри уже работающим. Едва-едва оправившись от болезни, он трудится с утра до ночи. Медленно, тяжело дыша, с неизменной сигаретой, приросшей к губам, он то тащится с ведрами в свинарник, то бредет в сарай с техникой, то в амбар... А скоро будет еще труднее: начнется страда, и он сядет за штурвал комбайна. Бедного Генри так прихватило, что он совсем бросил пить, даже пиво. Для него это жертва неизмеримая. Поначалу даже наш приезд не совратил Генри, который по-своему, по-фермерски является большим жизнелюбцем и эпикурейцем. И только перед нашим отъездом, по случаю самого большого праздника — Дня независимости, он позволил себе (с разрешения жены) закутить с нами.

Познакомимся с его детьми, выросшими на ферме, но не пожелавшими остаться там для продолжения дела своих предков. Два слова о Джоне, сыне Генри Пэссоу. Он уже давно отслужил в армии и сразу же после демобилизации женился на 17-летней девушке. На родную ферму не вернулся, стал строительным рабочим. Отец немалого семейства: у него уже трое детей. Когда мы нагрянули к нему в гости вместе с Генри, он, по-моему, смотрел на отца с сочувствием. Было видно, что Джон рад тому, что не стал фермером. Сейчас он специалист по цементу, без которого на стройке не обойдешься, а строится Америка и сегодня весьма интенсивно, так что на отсутствие работы Джон не жалуется.

Так уж вышло, что, знакомясь с детьми Пэссоу, мы во второй раз столкнулись со строителем, мужем их дочери Салли. Он каменщик. Зовут его Шерман. Когда мы подъехали к их дому, то застали и его и жену за работой: оба красили наличники. Оказалось, что они только что достроили дом. Кстати, в отличие от подавляющего большинства здешних домов одноэтажный. Правда, Шерман устроил еще этаж в подвальном помещении, где соорудил не просто какую-то подсобку или склад, а настоящее жилое помещение. Ему и жене под сорок, у них двое детей-подростков, мальчик и девочка. Все четверо очень нам понравились, работящие, милые люди. Отец без ума от детей, но на них это дурно не сказывается. Сам Шерман — труженик беззаветный, весь в своего тестя-фермера. Вот суть того, что он нам высказал во время долгой беседы (для экономии места даем в виде монолога):

— Дом видите? У вас есть такой? А, нет! Вот то-то! Но не подумайте, что я хвалюсь. Я просто рад, что вам нравится. И не подумайте, что у нас, в США, каждый строительный рабочий может иметь такой же. Во-первых, я не «каждый». Я работаю, как вол. Могу работать и днем, и ночью, и в субботу, и в воскресенье. И не думайте, что у нас все так работают. У нас лентяев хоть отбавляй! А потом, если хотите, я вам открою еще один секрет насчет моего дома: на семьдесят пять процентов я построил его своими руками, вечерами и ночами, ведь я же строитель. Мне вырыли котлован, завезли все детали, и потом я сам возвел его, с помощью моей Салли, конечно. Семь месяцев строили.

Шерман интересуется ценами в нашей стране, поражается тому, как мы мало платим за квартиру и что у нас бесплатное медицинское обслуживание... Но Шерман не произносит приговора ни своей, ни нашей системе до тех пор, пока разговор не заходит о его детях.

— Не позволю им стать рабочими, как я,— с жаром говорит он.— Пусть учатся, пусть получают высшее образование. Они у меня молодцы, способные, прилежные. Я их выучу.

В завязавшемся на эту тему разговоре он узнает, что у нас и высшее образование бесплатное. И, задумавшись, помолчав, Шерман вдруг говорит:

— Да, у вас все же лучше!

После того, как он только что гордился своей зарплатой и домом, это заявление выглядит неожиданным. Шерман поясняет свою мысль:

— Я их очень люблю, сына и дочь. И я не пожалею для их образования нескольких тысяч. Дай только мне бог здоровья! А вот если со мной что-нибудь случится, они уже не попадут в университет. А у вас, в вашей стране, попадут. Вот почему у вас лучше. Справедливее.

Побывав в гостях у Джона и Салли, сына и дочери супругов Пэссоу, мы уже по-другому смотрим на опустевший двухэтажный фермерский дом. Мы уже замечаем то тут, то там старые, истрепанные игрушки и другие признаки ушедшего отсюда детства. И еще более грустным кажется нам добрый дом Пэссоу. Еще одна ферма, еще один фермер доживают свое. И скоро их не будет. У фермы Пэссоу на то свои причины. Но тем не менее процесс этот в США закономерен и необратим. С прогрессом науки и техники количество ферм и фермеров в США стремительно сокращается: в 1960 году в США на селе проживало 8,8 процента всего населения, в 1964-м — 6,8 процента, в 1973-м — 4 процента (по официальным американским данным).

Генри Пэссоу, возможно, и не знает (а то и не хочет знать) этих точных цифр и, видно, стремится отстоять до конца вахту потомственного хлебороба. Он был явно польщен тем, что мы, журналисты, не только жили у него, но и интересовались его кровным делом. Потому он с большой охотой провез нас по всем своим друзьям-фермерам.

Один из них — Роберт Андерсон. Вместе с братом хозяйничает на молочной ферме. Пятьдесят коров, дойка электрифицированная, корм обеспечивают сами, на своих угодьях. Здесь электрифицирована дойка и автоматизированы погрузка, разгрузка, приготовление и подача кормов в кормушки, выгрузка навоза из помещений, подача молока в бак, охлаждающий его, водоснабжение, автопоилки с электроподогревом воды, обогрев молодняка и т. п. И при всем при этом дел хватает. Вдвоем управляются, но, как заявляет Роберт, «работаем без выходных». И так у всех фермеров, у каких нам удалось побывать, мы прежде всего подмечали одну главную общую черту — трудолюбие, которое в крови, трудолюбие, без которого при их нелегкой и хлопотливой профессии просто не проживешь. Примечательно, что никто из них, как правило, никогда не выезжал дальше родных мест: поле держит цепко круглый год и не отпускает от себя, и не уедешь, если ты один, как, скажем, Генри Пэссоу. А таких фермеров-одиночек много. Единственные воспоминания о других краях связаны у них с годами армейской службы. И только.

Несколько часов мы провели на ферме у Дана Вайли (кукуруза, коровы, свиньи). Здесь несколько иные принципы хозяйствования. Дело в том, что ферма принадлежит дельцу из Чикаго. Он получает половину доходов, а Дан Вайли — другую половину. Хозяйство немалое, и поэтому у полувладельца-полуарендатора Вайли есть наемный работник, колумбиец Фрэнк Мартинес. Он тоже, можно сказать, полубатрак, поскольку является родным братом жены Дана Вайли. Но отношения между Даном и Фрэнком деловые: первый платит второму зарплату. На наш взгляд, она не соответствует тому, что делает Фрэнк, — ему положено больше.

— Фрэнк,— шутя говорим мы ему,— а ведь Дан тебя эксплуатирует, платит меньше, чем надо.

— А я знаю,— отвечает Фрэнк.— Но я его тоже эксплуатирую.

— Каким же это образом?!

— Я пишу книгу о нем, каждый день он дает мне такой богатый материал, какой и за деньги не найдешь.

Оказывается, Фрэнк задержался здесь только на несколько месяцев. Два года назад, покинув родину, он решил побродить по миру, пока молод, набраться впечатлений и затем стать писателем. На примере отношений между Даном и Фрэнком в который раз убеждаешься в почти, наверное, непреложной истине: трудно душевно сойтись американцу и латиноамериканцу. С обеих сторон чувствуется настороженность и какая-то неприязнь, хотя на первый взгляд они запанибрата. Фрэнк не без сатирических ноток рассказывает о том, как пишет книгу с помощью своего хозяина, а последний при упоминании о писательстве Фрэнка только пожимает плечами и крутит пальцем около виска.

В результате бесед с соседями Генри Пэссоу мы убедились, что его настроения и заботы весьма характерны и типичны для местных фермеров: налоги, рост цен и инфляция, а отсюда неуверенность в своем будущем. В те дни, когда мы жили на ферме Пэссоу, сенатор Г. Хэмфри говорил: «Экономический корабль страны попал в бурю, и, похоже, капитан корабля не знает, что надо делать и куда он ведет судно. Мы проигрываем битву за понижение стоимости продовольствия. От этого страдают и фермеры, и пищевая промышленность, и потребители». Эти слова звучат сегодня все с той же печальной актуальностью.

Все без исключения фермеры, с которыми мы встречались, искренне и горячо ратовали за развитие торговли с нашей страной. В этом они

видят и путь к добрым отношениям между СССР и США и определенный выход из собственных трудностей. В лице нашей страны они видят надежного партнера, торговля с которым обещает фермерам то, что им нужно так же, как земле вода и солнце,— стабильность и уверенность.

С пребыванием в этом фермерском доме связано еще одно воспоминание о двухэтажной Америке. Именно там нам довелось четвертого июля встретить самый большой национальный праздник страны — День независимости, в который в 1776 году в Филадельфии была принята Декларация независимости, провозгласившая образование самостоятельного государства — США.

С утра, после завтрака, супруги Пэссоу повезли нас на своем видавшем виды автомобиле в городок Шеридан, куда стекались на праздник жители окрестных ферм. Двухэтажный зеленый городок встретил нас крепким настоем бензиновых паров и выхлопных газов. И не оттого, что в Шеридан прибыло много машин. Нет, они мирно стояли там, где им положено, и моторы их уже не работали. Но зато воздух содрогался от реактивного рева других автомобильных моторов: Шеридан готовился к гонкам на картингах. Это было главным событием праздничества, и низенькие машины на маленьких колесах юрко сновали повсюду с диким ревом и сизым дымом. Тихий, почти сонный в обычные дни, городок отмечал национальный праздник буйством самой современной техники. И в этом тоже была видна одна из многих парадоксальных черточек провинциальной Америки. Сталь, одушевленная горючим, и скорость движения (чем быстрее, тем лучше!) — вот компоненты той всеамериканской страсти, которой подвержены в равной степени и Америка небоскребов и Америка двухэтажная.

Гонки на картингах были рассчитаны на целый день! Трасса, отмеченная цветными флажками и раскрашенными бочками из-под бензина, была проложена по улицам городка. Утренние заезды были отданы младшим школьникам. В гоночных шлемах и костюмах мальчишки лет десяти деловито в последний раз перед стартом запускали моторы, пробовали их на разных режимах работы, еще и еще раз забирались в стальное чрево, чтобы оно не подвело в минуты состязания. Рядом с ними суетились у стальных коротышек на колесах их взволнованные отцы. Они, как и малыши, беспокоились об одном: не подвела бы машина. И папы вместе с сыновьями в последний раз что-то осматривали и подкручивали.

И вот первый старт! С десяток картингов выстраивается по ширине улицы, вдоль которой стоят сотни зрителей. Команда стартера тонет в ужасающем грохоте моторов и сплошном синем дыме. С лицами, чем-то теперь похожими на лица космонавтов, какими их видят люди на экранах телевизоров в момент запуска, почти лежа на спине, стиснув штурвалы своих ревущих крохотных монстров, малолетние гонщики устремляются вперед. Трасса нелегкая. Она проходит по улицам городка и изобилует множеством поворотов. В этих опасных местах маршрута смотреть на гонщиков-мальчишек просто страшно: их легкие машины резко заносит, пронзительно визжат тормоза, вот-вот один картинг наскочит на другой. Но на детских лицах не видно страха! Через защитную прозрачную пластмассу шлемов на трассу, и только на трассу, внимательно смотрят ставшие на эти мгновения гонки вдруг недетскими глаза. И, наверное, только о поворотах и победе думает несущийся с огромной скоростью мальчишка.

Один заезд сменяется другим, после мальчишек соревнуются подростки, к полудню настает черед юношей. Уже во время первого заезда я спрашиваю зрителей:

— Не случится ли несчастья? Слишком рискованная трасса и колоссальное количество участников.

— Вполне возможно,— спокойно отвечают мне.

К вечеру, после завершения гонок, торжественно чествуют победителей, вручают им кубки и другие награды, а в местной больнице хирурги борются за жизнь двух юных гонщиков, разбившихся на трассе.

— Выживут! Все будет в порядке,— сказали мне о них в толпе, приветствовавшей победителей.

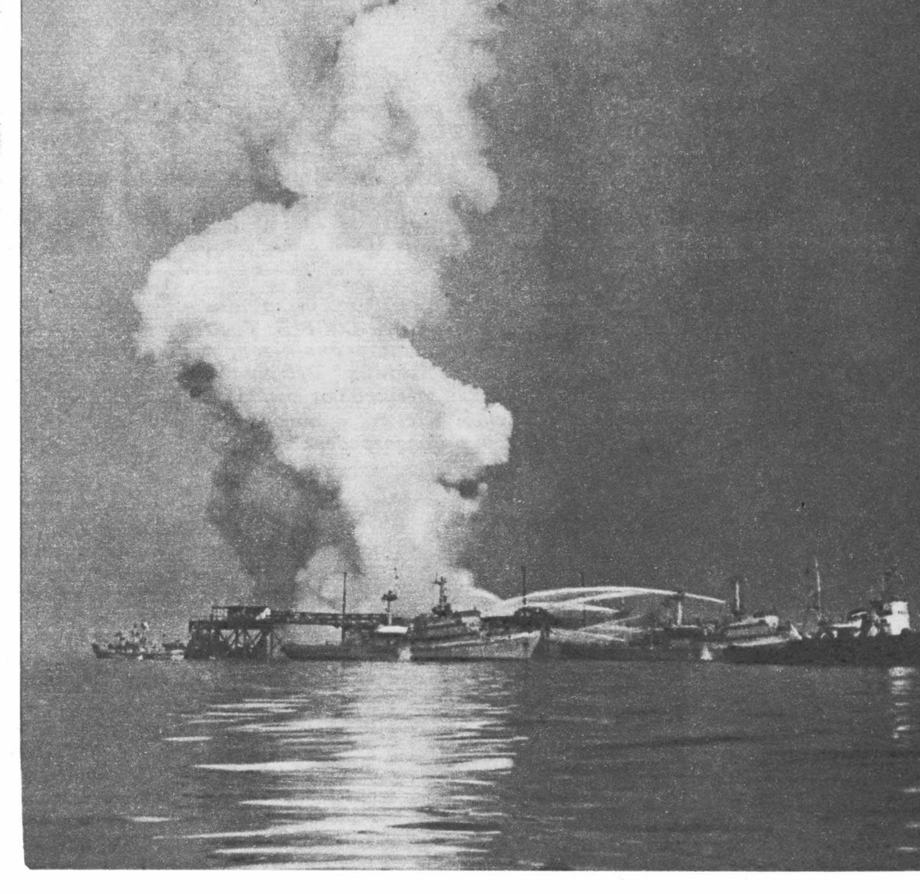
Гонки были главным, но отнюдь не единственным праздничным мероприятием в Шеридане. В перерыве между утренними и дневными заездами был устроен парад. Его почему-то открыл... клоун. Он, естественно, вызвал восторг у самой юной части собравшихся зрителей. Затем по главной улице городка промаршировали особым шагом школьный оркестр и пестро наряженные, голоногие старшеклассницы. Этот номер программы типично американский, без него здесь не обходится, пожалуй, ни один праздник. За двумя машинами местной пожарной команды проехало несколько грузовых машин, на одних давались на ходу живые картинки, на других исполняли свои номера небольшие инструментальные ансамбли. Видимо, подчеркивая сельский колорит этих краев, в параде приняла участие кавалькада всадников и довольно внушительная колонна разнообразной сельскохозяйственной техники на колесах.

Праздник привлек в городок много окрестных фермеров. Где их всех накормишь в святое для американцев время «ланча», в полдень, примерно от часа до двух? Местные власти удачно нашли выход, устроив временный «пищеблок» в гараже пожарной команды. Красные машины выкатили на улицу, их место заняли простые столы и стулья, а цыплят и мясо жарили у входа в гараж.

Заключительным массовым мероприятием праздника был большой фейерверк, после чего каждый продолжал развлекаться уже сам в меру своих сил и возможностей. Прямо на улицах начались танцы под очень громкий аккомпанемент (причина: электроусилители). Танцы ультрасовременные, такие же, какие в ходу сейчас и в Америке небоскребов. Вместе с супругами Пэссоу мы посмотрели на кривляющиеся фигуры танцоров, вместе с ними подивились на эту очередную гримасу моды.

Но вот наконец мы в машине. Возвращаемся на ферму. Перед сном сидим вчетвером на кухне, обсуждаем долгий прошедший день, еще больше подруживший нас.

Леланд, штат Иллинойс, США.

Борьба с пожаром на месторождении Бахар.

Фото Виктора Кровина.

РЕПОРТАЖ С МЕСТА СОБЫТИЯ

УКРОЩЕНИЕ ОГНЕННОГО СМЕРЧА

Ничто, казалось, не предвещало беды. На морском газо-конденсатном месторождении Бахар — до него всего час езды от Баку — ритмично работали все фонтанные скважины, добывая почти с пятикилометровых глубин Каспия газ и конденсат. И вдруг первый тревожный сигнал...

Предоставим слово начальнику объединения «Каспморнефть», доктору технических наук, лауреату Государственных премий СССР А. Сулейманову:

— Седьмая скважина, пробуренная три года назад на банке Макарова, одна из самых продуктивных на этом богатейшем месторождении. Ежесуточно она подавала почти миллион кубометров газа и сто семьдесят пять тонн конденсата. 20 января из пройденной колонны скважины ударил открытый фонтан. Эксплуатационные трубы не выдержали мощного давления газа, лопнули швы, и неуправляемый газ вырвался на свободу.

Через три часа на буровую прибыла специальная группа по ликвидации фонтанов. Решили накачивать в скважину воду и глинистый раствор. Все шло к тому, что фонтан удастся заглушить. И снова неожиданность: языки пламени гигантским столбом окутали скважину. По-видимому, вспышка произошла из-за того, что образовались гидраты — кусочки льда. Начался пожар.

Огонь охватил основание площадью 1 600 квадратных метров. Загорелись деревянные настилы. Вахта с помощью прибывших крановых судов стала демонтировать емкости, в которых находились потенциальные очаги взрыва,— горючий метанол и дизельное топливо. Нефтяники разобрали два заливочных агрегата, установили дополнительные переходные мостики на основании вышки и покинули пылающий остров. Ни один человек не пострадал.

В эфир летели тревожные сигналы бедствия. Завывая сиренами, к скважине на всех парах неслись суда морского отряда Управления пожарной охраны Министерства внутренних дел республики — флагманы «Генерал Гамидов», «Генерал Зейналов», ПДС-279 и другие.

Огонь опрокинул в море двадцатитонную громаду эксплуатационной вышки. Горел голубой факел. Горело море. Горел металл... Корабли взяли огневой смерч в блокаду. Стволы-лафеты пожарных, водяные пушки, турбореактивные установки повели атаку на взбунтовавшийся фонтан. Но пожар не утихал.

Люди забыли об отдыхе и еде. Двенадцать дней и ночей здесь проходила линия огненного фронта. Штаб по укрощению пожара разместился всего в двадцати метрах от пылающего острова, в одной из кают судна.

Никто уже не помнит, сколько было предпринято попыток укротить пожар. Каждая из них являлась той ступенькой, которая последовательно вела к успеху.

Второго февраля началась подготовка к массированному, решающему наступлению на огонь. Генеральное сражение было назначено на 14 часов 30 минут. В стремительную атаку ринулись сразу три ударные силы: размещенные на основании машины-установки газо-водяного тушения, тридцать лафетных стволов и столько же стационарных водяных пушек, оборудованных на судах. Поток воды и воздуха лавиной обрушился на пламя. Огонь сдался не сразу. Постепенно угасая, фонтан шипел, бился, жил, и только через полчаса удалось сбить пламя.

Позже начальник УПО МВД Азербайджана полковник Ш. Мамедкулиев сказал мне:

— Сейчас, когда все улеглось, мы как-то по-новому осмысливаем сделанное. Многолетний опыт позволял нам надеяться на успех, и все мы верили в него. Вспоминали предыдущие схватки с огнем, и это удесятеряло силы. Риск и мужество, терпение и хладнокровие, выдержка и высокое профессиональное мастерство всех солдат и офицеров позволили нам выдержать это испытание и обуздать огонь. Отлично несли огненную вахту А. Мирзоев, П. Тиунов, В. Савчуков, Л. Алексеев, Р. Каграманян, А. Сорокин, М. Гамидов, Х. Алиев, Н. Синицын и другие...

Главное в борьбе с огнем уже позади. Пожарные завершили свою работу и передали трудовую вахту укротителям фонтанов во главе с Т. Воскановым и Г. Атакишиевым. Им предстоит очень важная работа: заменить вышедшую из строя фонтанную арматуру, надеть на нее стальную задвижку, загерметизировать устье скважины и заглушить газовый фонтан.

Георгий ПОГОСОВ

Баку. Морское месторождение Бахар.

К. ИВАНОВ,
начальник Управления внутренних дел Волгоградского облисполкома

ТОЛЬКО ВСЕ ВМЕСТЕ...

В журнале «Огонек» № 11 за 1973 год была помещена беседа с заместителем министра внутренних дел СССР Б. Т. Шумилиным об одной из острых проблем сегодняшнего дня — профилактике правонарушений среди несовершеннолетних. Редакция получила много откликов, в которых читатели обсуждают эту большую и важную тему. Сегодня мы публикуем письмо, в котором рассказывается об опыте работы с подростками в Волгоградской области.

Наш город знаменит. С первых лет сознательной жизни юному жителю внушается: «Ты — волгоградец! Ты живешь на священной земле. Будь достоин ее! Не посрами чести славного города!» И первый спрос с нарушителя правопорядка — это спрос прежде всего моральный.

...Знакомая сценка: в подъезде дома собралась группа подростков. Звон гитары, громкие, несдержанные крики, брань. И бутылка с вином. Как правило, здесь толкутся парни, которым не повезло с родителями, товарищами, педагогами, парни, в чьем воспитании были серьезные пробелы. В этом мы убеждались много раз.

Трудно добиться спортивных успехов, трудно стать лауреатом математической олимпиады. А здесь путь к признательности сверстников куда более легкий: всего-то развинченная походка, набор жаргонных словечек, подчеркнутая неопрятность в одежде. И готовность распить бутылку вина.

Я знаю: изолировать ребят от общения с подобными сверстниками трудно, порой даже невозможно. И тем не менее нельзя безоглядно доверяться стихии двора — слишком дорогой ценой приходится иногда платить за такое невмешательство. А если вмешаться, то каким путем? На наш взгляд, есть один путь, верный, ведущий к цели,— организация. Чтобы локализовать такие «уличные» группки подростков, компании, хозяйничающие в подъездах, им решили предоставить... помещение. Да, да, помещение! Пусть приходят сюда со своими гитарами, пусть приходят, какие есть — ершистые, грубоватые. Пусть приходят все те, кому не нашлось места в школьных кружках, в коллективах самодеятельности Домов культуры, в спортивных секциях. И они пришли. Так в нашем городе возникли клубы подростков, принимающие в свои ряды и школьников, и учащихся профтехучилищ, и тех подростков, что уже где-то работают.

Поначалу это было действительно только помещение. А сейчас в Волгоградской области — 54 таких клуба, в которых проводят свободное время 20 тысяч подростков. Каждый клуб имеет свое лицо: «Патриот» — военно-патриотическое направление; «Мечтатели» — сюда тянутся любители красоты; «Экран» объединяет кинолюбителей и так далее. И в каждом клубе подросток находит себе дело по душе.

Можно привести немало примеров, когда сбившиеся с верной дороги или морально оступившиеся ребята прочно становились на ноги в среде своих клубных товарищей. Скольких неустойчивых ребят уберегли эти клубы от опрометчивых поступков, серьезных правонарушений!

Семилетний юбилей отмечает клуб «Олимпия», объединяющий подростков, интересующихся спортом. Сначала в тесной комнатке клуба были только шашки и шахматы. Но чтобы с улицы с ее «соблазнами и забавами» даже самых «отпетых» ребят потянуло в клуб, нужно было построить работу увлекательно, разносторонне. Вскоре ребята своими руками оборудовали спортплощадку, а завод выделил дополнительное помещение. Организовали футбольную, хоккейную, стрелковую, туристскую секции, появились эстрадный, танцевальный, лекторско-экскурсионный кружки...

Первым председателем совета клуба стал... гроза улицы, завсегдатай детской комнаты милиции Саша Г. Это был смелый замысел взрослых. Они не просчитались. Доверие, оказанное Саше, ответственность буквально преобразили юношу. Вслед за ним потянулись и его «дружки». Сейчас инспектора детских комнат милиции уже позабыли, что когда-то эти ребята состояли у них на учете.

Смотрю на карту нашей области и в мыслях звездочками отмечаю все клубы и комнаты для подростков при домоуправлениях — сколько тут звездочек засияло бы!

Исполкомы горсоветов выделили средства на оплату педагогов-воспитателей при жэках. В одном лишь Волгограде работает более 100 освобожденных руководителей ребячьих клубов по месту жительства.

«Добрый двор» — так называют дворы домоуправления № 2 города Волжского. Тут во всех домах созданы советы из взрослых. Они запевалы многих интересных дел. Дворовые футбольные и хоккейные команды, теннисные корты, городошные площадки, походы ребят в пойму Волги, рыбная ловля — так подростку и трудным-то стать некогда.

Много внимания уделяется в нашей области летнему отдыху ребят. Уходит в прошлое то неправильное отношение к трудным подросткам, когда их не брали с собой в туристические поездки, в походы, в лагеря.

Вот уже более десяти лет, как в Волгоградской области действуют военно-спортивные лагеря. Попадая в обстановку военной дисциплины, строгого распорядка дня, ребята, даже самые трудные, по-иному проявляют свои характеры, становятся обычными мальчишками и после лагеря, как правило, забывают дорогу в милицию.

Есть еще один метод перевоспитания — брать таких подростков в студотряды. Командир одного из этих отрядов Александр Ильин рассказывает:

— Знакомство начинается еще зимой, с изучения условий, в которых живут ребята. Мы встречаемся с родителями, с инспектором детской комнаты, они дают подробные характеристики...

Валера О. пришел в отряд с характеристикой, в которой дан полный перечень его «заслуг». Студенты встретили Валеру так, словно ничего и не знали о его похождениях. Паренек с первых же дней попал в общий ритм жизни отряда. Медлительный вначале, он стал потом ловко класть кирпичи, выполнял любую работу ничуть не хуже студентов. За месяц работы в отряде Валера не получил ни одного замечания, а в конце трудового семестра его наградили грамотой за успехи в социалистическом соревновании.

...На Николая М. готовили документы для направления в спецучилище. Парень был очень трудный. Бросил школу, не признавал родителей, систематически пил. А вернулся со студенческим строительным отрядом домой, и его уже не узнать. Пошел в школу, окончил успешно 8 классов, снова работал в отряде. Его уже сняли с учета в детской комнате милиции, он готовится вступить в ряды Советской Армии.

Жизнь рабочих подростков — предмет нашей особой заботы. Ведь среди несовершеннолетних нарушителей законности около 40 процентов — работающие на производстве.

На заводе «Баррикады» много лет работает бригадир-наставник М. П. Решетников. Он возглавляет молодежную бригаду, в которой проходят первую трудовую закалку наиболее сложные подростки. Михаил Петрович говорит:

— В таком возрасте в самом процессе труда должна быть до некоторой степени игра, которая побуждает к трудовому азарту.

И он организует конкурсы на «лучшего молодого рабочего»,— они проходят по всем правилам игры, и в них с удовольствием участвуют все подростки.

У Решетникова есть толстая тетрадь. Называется она «Тетрадка интересов». Это интересы его подопечных новичков. Есть там записи и о Викторе К., который пришел на завод после отбытия срока за хулиганство. Проработав на заводе 5 месяцев, он снова совершил преступление. Коллектив взял Виктора на поруки. И вот в бригаде Решетникова в течение двух лет Виктор выполнял план на 120—130 процентов, показывая пример, не имел ни одного замечания по трудовой дисциплине.

На заводе медицинского оборудования работает старший мастер С. Ф. Горбаточкин. Здесь немало подростков прошло через руки этого трудолюбивого, энергичного человека. И к каждому он умел подойти, отыскать в беспокойном мальчонке то зернышко, которое в благодатной почве дает устойчивые ростки.

Вот так, только совместными усилиями можно добиться успехов.

ДЕТИ СМОТРЯТ ШЕКСПИРА

Мало кто из нынешних театральных зрителей, даже самых недоверчивых, удивится, заметив на афише Центрального детского театра название очередной премьеры: Шекспир, «Двенадцатая ночь, или Что угодно». Да, Шекспира — детям. Впрочем, какое значение может иметь возраст зрителя, когда в пьесе речь идет о таких вневозрастных категориях, как ДОБРО и ЗЛО; когда зрителю предоставляется возможность посмеяться над глупостью, трусостью, тщеславием, обжорством и в то же время узнать и понять, что такое искренность в любви и дружбе, верность слову, чистота и смелость душевных порывов...

Перед школьниками — зрелище, которому хочется сочувствовать, сопереживать, в котором хочется участвовать самому. Артисты с необычайным увлечением создают на сцене жизнь яркую, шумную, веселую, к чему стремились, конечно, постановщики А. Некрасова и С. Соколов, художник Э. Змойро, композитор А. Николаев.

В спектакле нет эпизодических, незапоминающихся ролей и персонажей. Каждый образ, и прежде всего Себастьян-Виола в интересном исполнении М. Куприяновой, сэр Тоби Белч — Е. Перов, шут Фесте — В. Александров, камеристка Мария — Т. Надеждина,— это оригинальный характер, неповторимая индивидуальность.

Московский детский театр, впервые обратившись к творчеству Шекспира, полностью доверился своему юному, но весьма требовательному зрителю. Постановщики не стали «упрощать», приспосабливать произведение великого драматурга к специфической аудитории. Разговор идет, что называется, «на равных», и создатели спектакля вознаграждены за это признанием зрителей.

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

ЕГО ГЛАВНЫЙ ТАЛАНТ...

В 1936 году в Москве открылась первая декада советской музыки. «Антифашистской симфонией» Бориса Мокроусова дирижировал выпускник Московской консерватории Виктор Смирнов. Сегодня ему исполнилось семьдесят лет.

Виктор Сергеевич Смирнов и дирижер — в недавнем прошлом руководитель Государственного русского оркестра народных инструментов имени Осипова; и композитор — на протяжении всей жизни он пишет музыку для кино и театра; и педагог — сейчас он преподает оркестровое дирижирование в Московском государственном институте культуры и руководит мастерской вокалистов Московской филармонии.

Сам он то ли в шутку, то ли всерьез говорит, что ему не следовало бы одновременно заниматься столь разными делами. Мне кажется, он ошибается. Ибо во всем, что он сделал и делает, мне видится главный его талант, одушевляющий все виды его творчества,— талант педагога. Кто имеет право учить? И кто может научить? Наверное, именно такие вот знающие, внимательные люди, которые столь ценят проявления талантливости в других, и так беззаветно отзывчивы, что забывают о себе, если видят хотя бы малейшую возможность помочь молодым, менее опытным.

Да, он много времени отдал и своим ученикам и музыкантам-профессионалам, с которыми вместе работал. Но ведь все эти минуты, часы, годы и составляют его, такую нужную, жизнь. А талант Смирнова оказался многократно умноженным всеми, кому он, педагог по призванию, помог на ступеньку-другую подняться выше в музыкальном искусстве, которое, видимо, в большей степени, чем все иные, находится в прямой связи с внутренним миром человека, со всем строем его души.

Л. ЛУКЬЯНОВА

МУЗЫ НА ФРОНТЕ

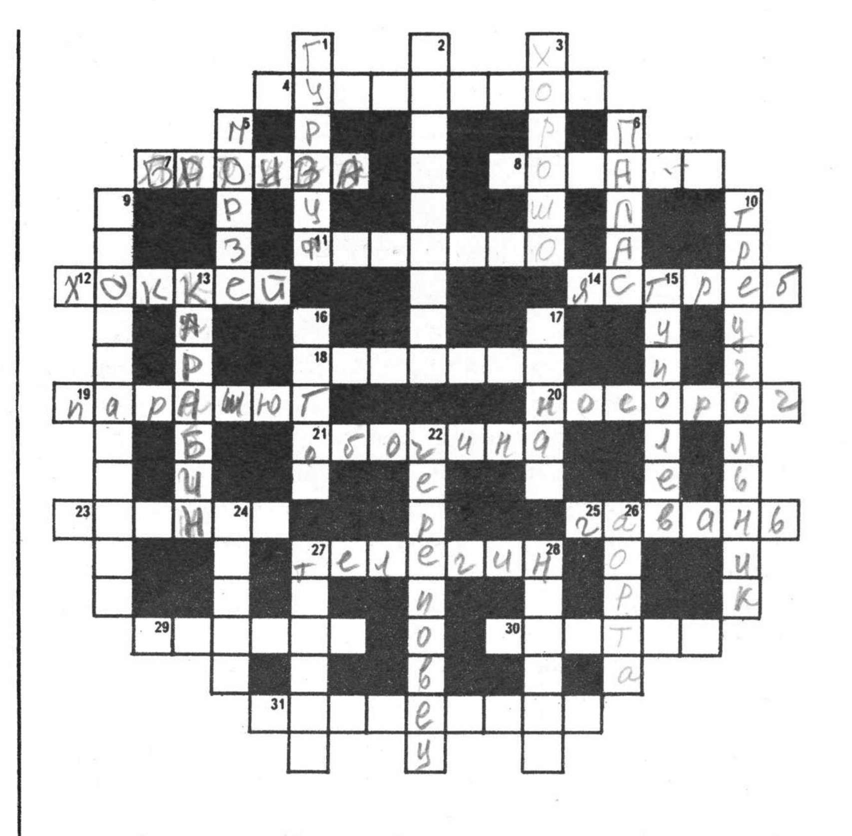
Трудно сказать, кого больше взволнует книга «Когда пушки гремели...»: людей старшего поколения, переживших все то, о чем рассказывают авторы этого сборника[1], или молодежь, людей, которые еще только вступают в жизнь и черпают в патриотической литературе примеры высокого нравственного подвига.

Более ста авторов предложили свои материалы — воспоминания и дневники, очерки и заметки, письма и репортажи, различные документы военных дней — составителям этого сборника (П. С. Дариенко, А. А. Мирошниченко, И. М. Пенерман, М. А. Смирнова). Здесь встречаешь многих, поистине необыкновенных людей, самые поразительные случаи, когда события войны рождали вдохновение художников — поэтов, музыкантов, певцов — в «рядовых» воинах, и наоборот, когда известные уже художники, артисты, писатели, поэты становились борцами, солдатами.

Надо ли пересказывать содержание замечательной книги, которая каждой своей страницей заставляет задумываться о прошлом и в то же время видеть, что оно, это героическое прошлое, не ушло никуда!.. Все, что в искусстве рождено освободительной борьбой, осталось с народом. Живое и прекрасное, оно продолжает жить в настоящем.

Н. МИХАЙЛОВА

[1] М. Изд-во «Искусство». 1973 г.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Русский писатель XVIII века. 7. Сплав меди с различными элементами. 8. Государство на побережье Средиземного моря. 11. Опера Л. Бетховена. 12. Спортивная игра. 14. Хищная птица. 18. Повесть Н. В. Гоголя. 19. Приспособление для прыжков с высоты. 20. Животное, обитающее в тропиках. 21. Край дороги. 23. Соединительная часть трубопровода. 25. Место стоянки судов. 27. Персонаж трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». 29. Занавеси со складками. 30. Образное определение. 31. Лечебная ходьба.

По вертикали: 1. Курорт в Крыму. 2. Река в Южной Африке. 3. Поэма В. Маяковского. 5. Изобретатель электромагнитного телеграфа. 6. Безворсовый ковер. 9. Итальянский композитор. 10. Геометрическая фигура. 13. Короткоствольная винтовка. 15. Советский авиаконструктор. 16. Электронная лампа. 17. Тропическое растение. 22. Порт на Рыбинском водохранилище. 24. Ледокол Арктического флота. 26. Главная артерия. 27. Ансамбль из трех исполнителей. 28. Планета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали: 7. Титр. 8. Пластов. 9. Икар. 10. Фонотека. 11. Кокчетав. 12. Гандбол. 15. Колос. 17. Паром. 18. Трансформатор. 21. Батат. 23. Тагор. 25. Альтаир. 28. Норильск. 29. Проспект. 30. Миль. 31. Медянка. 32. Сани.

По вертикали: 1. Пирожное. 2. Ариосто. 3. Клюква. 4. Золото. 5. Киренга. 6. Батальон. 13. Надфиль. 14. Бахрома. 16. Старт. 17. Петит. 19. Палеолит. 20. Косеканс. 22. Аксинья. 24. Анапест. 26. Ласкер. 27. «Игроки».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление И. К. МИХАЙЛИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 28/I — 74 г. А 00516. Подписано к печ. 12/II — 1974 г. Формат 70×108¹/₈. Усл.-печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 301. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1741.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС РАБОТ ФОТОЛЮБИТЕЛЕЙ И ПРОФЕССИОНАЛОВ «ОГОНЕК»-74

Мы хотим, чтобы участники конкурса в своих черных и цветных фотографиях, фотоочерках, репортажах рассказали нашим читателям о главных событиях этого года. Присылайте фотографии, показывающие борьбу нашего народа за успешное выполнение пятилетки, ее героев, новостройки нашей страны. Богатая, красочная жизнь советского человека должна служить темой ваших фотографий.

Для победителей конкурса устанавливаются следующие премии:

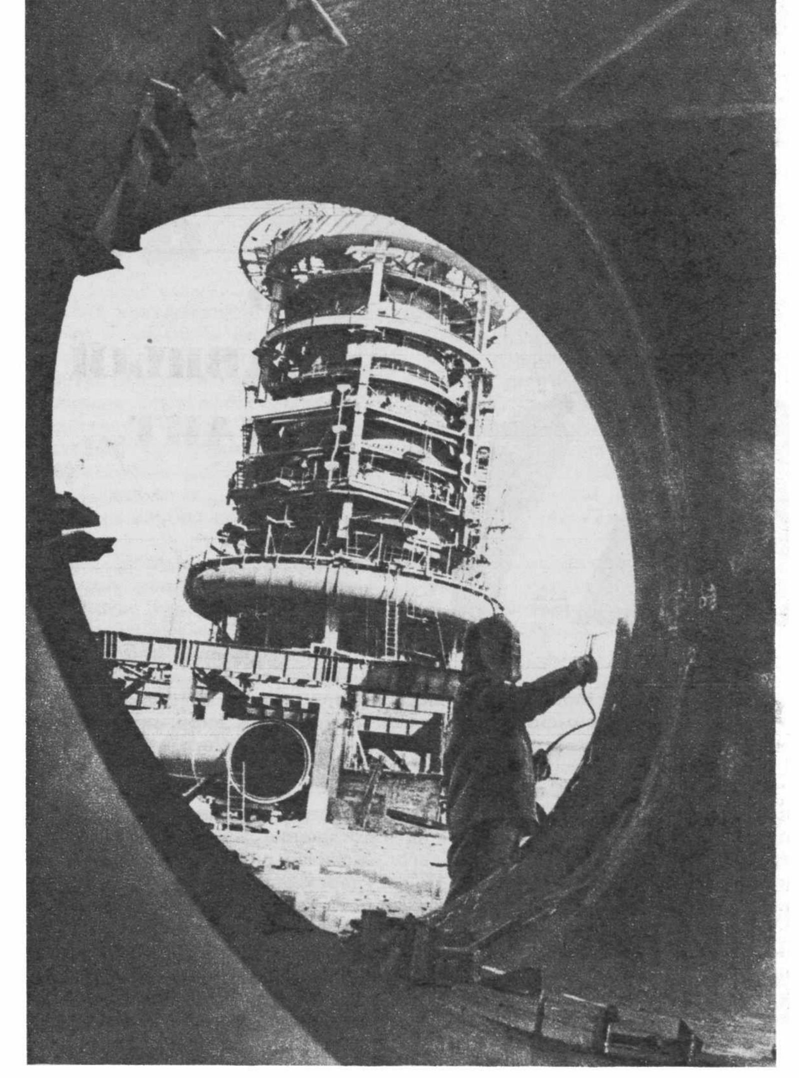
Одна первая — 500 рублей.
Две вторых — по 250 рублей.
Три третьих — по 150 рублей.

Количество работ, присылаемых в редакцию, не ограничено. Все лучшие фотографии редакция будет публиковать в журнале.

Фотографии цветные и черно-белые можно присылать любого размера, но не менее 18Х24 сантиметра. К присылаемым фотографиям необходимо дать название, фактическую подпись, дату съемки, указать свою фамилию, имя, отчество и свой адрес.

На конвертах укажите: «Фотоконкурс».

Фотографии не рецензируются и не возвращаются.

Строительство домны в Липецке. Фото В. КЛИМОВА (Москва).

Русская красавица. Фото А. КУЛЕШОВА (Москва).

В путь. Фото Калью СУУР (Таллин).

У ТАЕЖНОЙ ПИХТЫ...

Огромная тощая рысь ковыляла по снегу. Тусклая, клочковатая шерсть, запавшие бока, поникшие кисточки на ушах — все говорило о том, что живется зверю худо.

«Придется бить,— решил охотник.— Лицензия-то есть! Все равно сдохнет. Или волки задерут...»

Он вскинул карабин, выцелил лобастую голову, сделал упреждение и... снял палец со спускового крючка. Рысь неловко, как-то по-собачьи села и принялась вылизывать переднюю лапу. Охотник снова вскинул карабин. В прорезь прицела хорошо видны желтоватые, страдающие глаза зверя. Видна и лапа, вернее, то, что когда-то было мощной лапой рыси. Охотник знал, отчего бывают такие жестокие раны: рысь побывала в капкане браконьера — стальной петле. Ни одна рысь не могла вырваться из такой петли, а эта вырвалась! Видно, не одни сутки, ломая зубы, грызла сталь, рвала сухожилия, калечила суставы...

Но жизнь на воле стала медленной смертью: ни влезть на дерево, ни догнать зайца, ни перехватить на лету глухаря.

«Эх, поймать бы тебя, вылечить! — думал охотник.— А потом свести с тем негодяем, который калечит тайгу!» Но охотник знал, что раненого зверя ловить нельзя,— он будет защищаться с яростью обреченного.

А рысь вылизывала лапу... Большая, измученная болью и голодом кошка сидела совсем рядом, охотник же не мог сделать того, ради чего уже не один год ходит в тайгу.

Наконец рысь двинулась дальше. Шаг, другой... Нет, идти невозможно. Рысь привалилась к пихте, подняла к небу осунувшуюся морду и так душераздирающе застонала, что у человека не оставалось никакого другого выхода...

Когда охотник вернулся из тайги с убитой рысью на плечах, все ему завидовали: «Пофартило мужику!» А Василий Трофимович Пипкин решил: это его первая и последняя рысь.

Остается добавить, что Василий Трофимович работает шофером на пожарной машине, живет на Камчатке и охотничает как любитель.

Фото на обложке фотолюбителя В. Кардашевского, шофера Халактырского аэропорта. Камчатка.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

